

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

2/ МАЙ 2017

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А. И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. В. КАДЫРОВ

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

В. И. ШАПОВАЛОВ

На первой обложке: пик Хан-Тенгри.

Фото Вячеслава Александрова

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефон 62-16-05

Академику В. М. Плоских – 80 лет!

Уважаемый Владимир Михайлович, дорогой наш друг!

Свершилось то, в чем мы ни капельки не сомневались. Вами взята очередная, юбилейная высота на Вашем тернистом жизненном пути. Высота, достойная избранных небесами. Отсюда прекрасно обзревается панорама всех Ваших замечательных дел, которым несть числа.

Вами столько сделано для развития исторической науки Кыргызстана, совершены такие открытия в археологии республики, что Вы сами стали поистине исторической личностью. Неоценим также Ваш вклад в исследование кыргызско-российских отношений.

Доктор исторических наук, профессор, академик, лауреат государственных премий... Национальным достоянием республики стали Ваши фундаментальные научные труды, Ваши учебники по истории Кыргызстана для школ и вузов. Вами воспитаны сотни молодых ученых. Образцом преемственности может служить и Ваша прекрасная семья. Вся научная деятельность и супруги, Валентины Алексеевны, и детей, Василия и Светланы, и внушки Виктории неразрывно связаны с историей Кыргызстана.

Лет тридцать тому назад Вы, Владимир Михайлович, принесли в «Литературный Кыргызстан» повесть «На берегах Яксарта», с интересом встреченную читателями. После нее Вами были выпущены под псевдонимом Аман Газиев исторические романы, повести и новеллы «Пулат-хан», «Курманжан датка – некоронованная царица Алая», «Барс-бек – каган кыргызов», «Таласская битва» и др. Надеемся, что в ближайшее время Вы порадуете нас новыми произведениями.

Желаем Вам, дорогой Владимир Михайлович, крепкого здоровья, счастья, творческого вдохновения и удач в Вашей многогранной деятельности!

***Редколлегия журнала
«Литературный Кыргызстан»***

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 2/2017

Александр Иванов. Писатель и читатель: слышать друг друга	4
--	---

ПРОЗА

Дмитрий Ащеулов. Нефрусебек. Отрывок из повести	8
Александр Крячун. Здравствуйте! Я – вор. Рассказ	47
Николай Труханов. Вот такой случай. Рассказ	71
Мелис Абакиров. Таш-Коргон. Рассказ	84
Константин Караханиди. Бабушка Феодора говорит по-русски. Как ты скажешь! Рассказы	96
Олег Бондаренко. Всемирная история: Сухомор. С новым годом, господин президент! Рассказы	102

ПОЭЗИЯ

Светлана Сулова. Новые стихи	128
Александр Долгов. Путь к себе. Стихи	137
Александр Сидорченко. Стихи, как пальцы, все разные	142
Лев Ленчик. Живи и дивись. Стихи	147

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав Александров. Удача – награда за смелость	153
Александр Камышев. Нумизматы и нумизматери	173
Вячеслав Тимирбаев. Кони в его жизни. Главы из книги «Равиль Еникеев»	189
Александр Зеличенко. Так все и было. Находчивый участковый. Разнос. Оперский постулат. Стюардесса. Скалолаз	204

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. КУЛЬТУРА

Ольга Прокофьева. Факт и фактор толерантности	215
Кратко об авторах	223

ПИСАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ: СЛЫШАТЬ ДРУГ ДРУГА

При подготовке этого номера мне, пожалуй, случайно попала на глаза книга Андрея Вознесенского «Витражных дел мастер», выпущенная чуть ли не полвека тому назад. Листая ее, я натолкнулся на стихотворение, которое поразило меня острым чувством предвидения. Ведь писалось оно тогда, когда Советский Союз был действительно самой читающей страной в мире, когда толстые литературные журналы выходили миллионными тиражами, когда за новинками художественной литературы выстраивались длинные очереди, а выступления знаменитых поэтов собирали стадионы слушателей. Да и сама эта книга А. Вознесенского вышла тиражом 130 000 экземпляров.

А впереди нас еще ждала перестройка. Впереди еще был необычайный по масштабам читательский бум. И вдруг такое совершенно неожиданное стихотворение, вызывающее скорее недоумение, чем предощущение тревоги. Оно воспринималось тогда скользяще, как нечто маловероятное, далекое от реальности. И не вызвало соответствующего отклика. Казалось: ну и разыгралась фантазия у Поэта! А сегодня уже очевидно, что он выступил в роли пророка. Впрочем, вот оно, его стихотворение, о котором идет речь.

Андрей Вознесенский

Монолог читателя на дне поэзии 1999

*Четырнадцать тысяч пиитов
Страдают во мгле Лужников.
Я выйду в эстрадных софитах —
Последний читатель стихов.*

*Разинувши рот, как минеры,
Скажу в ликование:
«Желаю прослушать Смурновых
Неопубликованное!»*

*Три тыщи великих Смурновых
Захлопают, как орлы,
С трех тыщ этикеток минводы,
Пытаясь взлететь со скалы,
Ревя, как при взлете в Орли.*

*И хор, содрогнув батисферы,
Сольется в трехтысячный стих.
Мне грянут аплодисменты
За то, что я выслушал их.*

*Толпа поэтессок минорно
Автографов ждет у кулис.
Доходит до самоубийств!
Скандирующие сурово
Смурновы, Смурновы, Смурнов!
Желают на бис.*

*И снова как рекем служат,
Я выйду в прожекторах,
Родившийся, чтобы слушать
Среди прирожденных орать.*

*Заслуги мои небольшие,
Сутул и невнятен мой век,
Средь тысячей небожителей -
Единственный человек.*

*Меня пожалеют и вспомнят.
Не то, что бывал я пророк,
А что не берег перепонки,
как раньше гортань не берег...*

В последнее время прозаики и поэты все с большим почтением, пиететом относятся к Читателю, загадочной и непредсказуемой фигуре. Порой заискивают перед ним, идут у него на поводу, стараются угодить ему, словно таким образом можно избежать ситуации, о которой поведал Поэт. Наш журнал в отношениях с читателями никогда не впадал в крайности. Ему были чужды и высокомерие, и угодничество. Многие читатели десятилетиями преданы «ЛК». Мы ценим их литературный вкус, знаем их в лицо. И та достаточно высокая, на мой взгляд, творческая планка, которую старается держать журнал в любых условиях, при любых обстоятельствах, – знак нашего понимания их взглядов, духовных потребностей, уважения к ним. Слава богу, что нам удается выстраивать взаимосвязь в форме диалога, а не монолога, как писал Поэт. Во всяком случае – пока.

И это «пока» удерживает нас от уныния и безнадежности. Появляется хоть какое-то время для маневра. Вознесенский если и ошибся чуть-чуть, то лишь в сроках. Возникший с тех пор интернет жадно пожирает внимание наших читателей. Роль художественной литературы в их жизни резко снижается. При этом, как ни странно, то один, то другой из читательской массы перетекает в писательство. Обратного же процесса, когда бы писатель, напрочь бросив сие ремесло, от которого стало пахнуть архаикой, превратился бы в чистой воды читателя, увы, не наблюдается. Уже на горизонте брезжит необходимость создания элитных читательских клубов, союзов, субсидируемых государством. «ЛК» готовится к такому повороту событий, которые, судя по всему, не за горами. Это как глобальное потепление: его вряд ли можно остановить, но встретить подобающим образом – пожалуй.

Александр ИВАНОВ

ПРОЗА

Дмитрий АЩЕУЛОВ

*История – ... свидетельница
прошлого, пример и поучение для
настоящего, предостережение
для будущего.*

Сервантес

НЕФРУСЕБЕК – ЛЮБЯЩАЯ И ЛЮБИМАЯ

Отрывок из повести

Предисловие

Ее звали Нефрусек – «Прекраснейшая для бога-крокодила Себека». Она была дочерью царя, прославленного своими деяниями, фараона Аменемхета III.

Египет знал всего несколько женщин, наделенных всей полнотой власти и правивших этой великой страной. Царствование Нефрусек длилось около четырех лет. От этого времени не осталось никаких письменных свидетельств. Известно лишь, что ее власть прервалась крупным восстанием бедноты и рабов. Это привело к смещению на троне XII династии фараонов, к которой принадлежала Нефрусек, и завершению периода Среднего царства.

* * *

«Ночь, ты бездонна и темна, как и печаль в душе моей. Ночь, тебе нет конца, и я бреду во тьме, не понимая пути моего. Ночь, я угасаю в тебе, как замирает огонь в одинокой лампаде. Укажи, где берег моего спасения? Ночь, есть ли в тебе хоть луч надежды или великая тьма окружает меня?». Нефрусек лежала на коврах ниц перед возвышавшимися идолами. Огни

лампад окрашивали изваяния в рыже-багровые цвета. Рогатые, звероподобные, украшенные золотом и драгоценностями – они казались ей безжизненными и холодными. Впервые ей пришла страшная, холодящая сердце мысль, что боги ее отцов и дедов далеки и бездушны, как звезды, мерцавшие в ночном небе. А ее душа сейчас требовала чего-то большего, настоящего, живого. И потому царица шептала слова молитвы, которая рождалась в ней сама по себе, слетала с губ под воздействием тревоги и ощущения безысходности.

Всю ночь, как повелел верховный визирь и жрец Хотепи, она стояла на коленях, прося у бессмертных не победы, а Спасения. Лишь под утро, утомленную и уставшую от переживаний сон сморил ее, и девушка уснула прямо на коврах, расстеленных в походном шатре. Нефрусек разбудили вошедшие перед за-рей рабыни. Они принесли тазы и серебряные кувшины с водой для омовения госпожи. В полнейшей тишине они растерли ее тело благоуханными маслами и притираниями, сберегавшими нежную кожу царицы от иссушающего солнца пустыни. Они расчесывали ее густые волнистые черные волосы, рассыпавшиеся по плечам. Нефрусек сидела на раскладном стуле отрешенная. Ей даже казалось, что все творящееся вокруг происходит не с ней. Она словно со стороны видела себя в шатре, с интересом и удивлением рассматривала в серебряном зеркале свое бледное от бессонной ночи лицо с тонкими гармоничными чертами. Девушки облекли ее в царский наряд, а поверх надели броню, специально изготовленную дворцовыми мастерами для похода царицы. Голову украсили уреем – золотым обручем с изображением богини-кобры Уаджит – священным символом царской власти.

Все это время за тонкими стенами шатра слышались звуки просыпающегося военного лагеря. Гремело оружие, слышались короткие и резкие приказы командиров, кричали обозные ослы. Встающее над пустыней солнце просвечивало ткани шатра. Из-за полога у входа послышался голос начальника ночного караула:

– Святой Хотепи просит дозволения предстать перед взором царицы!

Нефрусек одобрительно взглянула на Тимрис, при-

служнице по дворцовому этикету позволено было озвучивать распоряжения Нефрусебек.

– Госпожа позволяет пройти святому Хотепи, – звонко сказала Тимрис.

Вошел жрец. Сухой, длинный. Как положено священнослужителю, наголо бритый, шкура гепарда была перекинута через его плечо. Долговязая фигура визиря замерла у входа с почтительно склоненной головой.

– Пусть боги продлят твои дни, госпожа. Войска ждут твоего появления, – произнес он по обыкновению своим высоким холодным голосом.

Нефрусебек резко поднялась со стула: стройная, статная, с напряженно выпрямленной спиной. Рабыни спешно убрали большое зеркало с ее пути. Приветствуя визиря, царица кивнула головой и стремительно вышла из шатра. Ее взору открылось море выбеленных солнцем солдатских палаток, разбитых ровными рядами. Перед царским шатром, образуя длинный широкий коридор, с двух сторон выстроились полки. Трепетали на утреннем ветру штандарты и знамена, лес копий стоял над головами воинов. Все напряженно смотрели в сторону шатра. И когда она вышла, бледная, красивая, с распущенными черными волосами, в броне, покрытой золотыми чешуйками, блиставшими на солнце, войско заревело от восторга. Нефрусебек взойшла на нарядную колесницу, запряженную парой белых лошадей. Позади нее встали жрец Хотепи и чернокожий возница. Колесница тронулась и покатила вдоль кричащих полков.

Лицо царицы хранило невозмутимость. Фараоны – посланники богов, их бесстрастность – черта бессмертных. Но краем глаза Нефрусебек смотрела на раскрасневшихся от криков и приветствий солдат. Там были старые воины с лицами, обезображенными шрамами и суровой жизнью, и молодые нежные юнцы, призванные в этот поход, оторванные от матерей и возлюбленных, взятые от пашни и привычного быта. Многие из этих людей, совершенно чуждых ей, грубых, с острым запахом пота и чеснока, через какое-то время умрут ради нее или будут забирать в битвах чужие жизни. И от этой власти, что была в ее руках, ей стало страшно. Но тут же другая мысль неприятно укулола сознание. Ведь и она, несмотря на всю свою безграничную

власть, полностью зависела от них. От их верности, смелости, силы. И вновь, как во время ночной молитвы, Нефрусек почувствовала себя незащищенной, одинокой в хаосе чужих жизней и неуправляемых событий.

Колесница неспешно приблизилась к большому шатру, в котором располагался походный храм. Стенки его были откинута, и издали виднелись статуи Амона, Осириса и Изиды, а перед ними – алтари. Справа и слева выстроились жрецы в белых льняных платьях в гепардовых шкурах, перекинутых через правое плечо. А перед шатром в ожидании колесницы стояла одинокая широкоплечая фигура военачальника всей армии Тэтиса. На нем не было доспехов, лишь нарядная юбка с широким боевым поясом и кожаные наручи. Возничий остановил колесницу. Под продолжающиеся крики воинов Нефрусек сошла на песок. В руках она держала меч-хопеш (меч с лезвием в виде серпа). Отточенная боевая бронза злобно блистала в лучах солнца. Это была священная реликвия правящей династии фараонов. Меч, приносивший славу и победы царскому дому. Он передавался от отца к сыну, пока эта связь поколений, прораставших, как папирус сквозь века, не прервалась и корону великого Египта тяжелой ношей возложили на голову Нефрусек. В стране было немало номархов (владельцы областей – номов), сильных и властолюбивых, презиравших о такой власти, но она досталась той, для кого царствование оказалось наказанием и проклятием.

Нефрусек приблизилась к военачальнику, стоявшему преклоненным на одно колено. Голова Тэтиса была низко склонена так, что лица не разглядеть, но царица видела загорелые широкие атлетические плечи, мощную шею и сильные руки. При виде этой фигуры ее сердце учащенно забило. Девушке так захотелось прильнуть к нему, напитаться его силой, почувствовать его крепкие объятия, спрятаться в его руках от этого дня, от вопящих солдат и угрозы, нависшей над ней...

Нефрусек резко оборвала эти непристойные пугающие ее мысли, от которых так сладко закружилась голова. Это наваждение, словно мираж, схлынуло. И вот она снова стоит в центре войска перед преклоненным военачальником, и ей предстоит свершить церемонию передачи священного меча, тем самым вручить в руки Тэтиса командование армией. Царица подняла

над головой хопеш, держа его одной рукой за рукоять, а другой – за изогнутое лезвие. Армия замерла, наступила тишина.

– Именем богов, хранящих Черную землю от злых сил (египтяне называли свою страну Кемет – Черная земля). Именем фараонов тех, кто отбыл на ладье вечности в мир непрерываемой радости, и тех, кто будет властвовать над Кемет, я, царица Нефрусек, возлюбленная дочь бога Осириса, передаю меч дома Аменемхета тебе, доверенный мой слуга Тэтис, чтобы ты поразил темные души изменников и привел в повиновение мой народ! – звонко и с чувством произнесла Нефрусек.

Тэтис поднял загорелое мальчишеское лицо, и она с удивлением взглянула в его веселые, бесшабашные глаза. В этот момент торжественно заиграли трубы и снова победно заревела армия, потрясая оружием. В секунду всеобщего ликования, когда их никто не мог услышать, ее губы прошептали для него одного: «Спаси меня». И он ответил ей одними губами, беззвучно: «Спасу». И на это мгновение они словно оказались наедине друг с другом среди всех. А затем Тэтис принял царский меч, прижал пылко клинок к губам и груди. Резко вскочил и поднял над головой блиставший хопеш, вызывая новую бурю восторга.

Потом началось жертвоприношение. Прислужники тянули на веревках вереницы жалобно мычащих быков и блеющих овец. Опытные жрецы умело резали приговоренных к заклятию животных, проливая горячую кровь на алтари, разделявали туши, вываливая сизые потроха на черный от обильной крови песок. Нефрусек стояла перед алтарями в первых рядах, по обе стороны от нее находились визирь Хотепи и Тэтис, за ними – придворные офицеры-аристократы. Они все возносили молитвы, прося у богов победу. Тяжелый тошнотворный запах, исходивший от внутренностей животных и их кала, мешал дышать царице, кружил и давил болью на голову. Нефрусек хотелось отвернуться и не видеть влажных, наполненных ужасом глаз убиваемых телят и овец. Ноги дрожали, и оставалось лишь одно желание: не упасть без сознания перед всем войском. Поэтому она продолжала прямо держать спину, стараясь сосредоточиться на словах молитвы.

Все это, словно наваждение, схлынуло из ее сознания уже в тени шатра, где собрался военный совет. Царица восседала

на походном троне. Вокруг сидели на раскладных стульчиках все те же, кто стоял вместе с ней в первых рядах во время жертвоприношения. Нефрусек как хозяйка шатра приказала рабыням принести кубки с прохладной чистой водой. Несколько глотков вернули ей ясность ума и уняли головную боль, разыгравшуюся от вида бойни скота. Но присутствующие офицеры даже не притронулись к кубкам с водой.

Говорил Хотепи. Голос, как и он сам, был сух, монотонен:

– Еще рано утром мятежники прислали посланника. Но я не стал докладывать вам, госпожа, чтобы не мешать перед церемонией. Я задержал его, и этот человек находился все это время под охраной.

– Вели позвать его, я хочу услышать их требования, – повелела Нефресебек, собравшись с духом.

– Все уже исполнено, он ждет за пологом шатра, – Хотепи сделал знак рукой воину караула, стоявшему у входа. Тот вышел и тут же вернулся, вводя представителя восставших командиров.

Он был явно из потомков аму, осевших на землях Дельты (египтяне называли аму семитские народы). Черноволос, борода, в отличие от египтян вместо юбки одет в белую длиннополую рубаху с широким боевым поясом. Руки его предварительно связали, но глаза посланника горели ненавистью. Он бешеным взглядом пробежал по присутствующим и остановил его на Нефрусек. Девушка выдержала его тяжелый взор. Стражник с силой толкнул вошедшего, так, чтобы тот упал на колени перед тронном царицы.

– Презренный, ты наконец предстал пред очами возлюбленной дочери Амона, помазанной богами царицей Верхнего и Нижнего Египта, божественной Нефрусек, – произнес Хотепи, вставая за спиной посланца. – Говори, что тебе приказали передать военному совету.

Посланник попытался подняться с колен, но воин надавил ему на плечо рукой, заставляя оставаться на месте. Аму зарычал и, смотря в сторону, прерывающимся от волнения голосом произнес:

– Мы не признаем бабу своей царицей. Это вы там, на юге, поставили ее управлять собой, так нам нет до этого дела.

Мои господа военачальники Ротэ, Хаму и Рамзес провозгласили себя владыками страны и приказывают выдать Нефрусек. Они обещают сохранить ей жизнь. В случае ее отречения от власти она сможет выбрать сама себе дворец, где и проведет в заключении и достатке всю свою жизнь...

Царица инстинктивно вжалась внутрь трона, до боли сжала подлокотники, так что костяшки пальцев побелели. Дальше закончить речь посланнику не дали. Он говорил неслыханные вещи, поэтому его прервали царедворцы. Несколько самых ретивых вскочили с места, кто-то выхватил оружие, чтобы прикончить смутьяна за святотатственные слова. Хотепи движением руки остановил возмущение.

– Его кровь не прольется! – твердо сказал визирь. – Посланец находится под защитой богов!

Аму, обернувшись через плечо, скалил желтые зубы в издевательской насмешке. От волнения и страха все тело его трясло мелкой дрожью.

– Это и все, что ты должен был нам передать? – спросил Хотепи.

– Нет, господин. Есть еще. Если ваша баба-фараон действительно считает себя способной сражаться и защищать свой трон, пусть явится сегодня в полдень на переговоры с предводителями нашего войска. Они будут ждать ее в пустыне, у развилки караванного пути.

– Это все? – спросил Хотепи.

– Да.

– Подожди, визирь! – властно сказала Нефрусек. – Я хочу еще спросить этого... человека. Ты из аму?

– Да, – не глядя на царицу ответил посланник.

– Я слышала, что среди восставших много твоих соплеменников. Почему? – Нефрусек не справилась с чувствами, и в этом вопросе прозвучали вся ее боль, обида, и ярость. – Ведь мой отец фараон Аменемхет всегда был добр и позволял вашим племенам селиться в Дельте Нила, когда вы бежали из пустыни от голода и войны! Его расположение спасало вас от истребления. Есть ли у вас благодарность?

– Мы слышали, что готовится союз царицы с митанийским царем Машуром. Мы слышали, что митанийский выродок сядет

на трон Египта. Но его народ убивает наших братьев в Ханаане и Сирии, и мы не подчинимся такому господину. Поэтому мы пошли за Ротэ, Хаму и Рамзесом, пусть уж лучше они управляют нами!

Хотеги вопросительно взглянул на Нефрусебек. Она кивнула головой, давая понять, что разговор окончен. Визирь обратился к стражнику:

– Посадите дерзкого болтуна на кол перед шатром царицы.

– Но я посланник! Ты сам говорил об этом! – срываясь на визг, закричал аму. – Ты забыл, я нахожусь под охраной бессмертных богов!

– Как посланника, мы бы тебя отпустили, но как мятежник, оскорбивший своим грязным языком царицу, ты получишь достойное воздаяние, – спокойно произнес Хотепи.

– Нет, нет, нет! – завопил приговоренный к казни, когда воин схватил его за шиворот и грубо поволок вон.

За стенами шатра слышались крики и вопли несчастного и грубые окрики солдат, устанавливающих кол для казни. Потом аму еще долго вопил, мучаясь и страдая от медленной и смертельной пытки.

Когда мятежника утащил стражник, Хотепи обернулся к совету лицом:

– Что будем делать? Как нам следует поступить: будем ли вести переговоры с восставшими командирами Северной армии? Если да, то кто отправится к мятежникам?

Наступило молчание, советники и военачальники сидели, опустив глаза вниз. Большинство членов военного совета – выходцы из знатных семей, и вступать в переговоры с командирами, преступившими свою клятву верности трону, казалось для них оскорблением чести.

– Я поеду на встречу, – неожиданно предложил Тэтис, все это время мрачно наблюдавший за допросом посланника. Нефрусебек бросила быстрый взгляд на Тэтиса, ей показалось его решение прекрасным выходом из ситуации.

– Стоит ли тебе, Тэтис, это делать? Ты главнокомандующий, а если это ловушка, чтобы выманить и убить тебя? Мы не можем пойти на такой риск и остаться без полководца, – благодарно заметил визирь.

– Царице зазорно отправиться к ним на переговоры, ибо они преступники и не достойны такого внимания. Отклонить их предложение о встрече мы не можем, их войско больше нашего, и нужно знать, что они задумали, – неспешно говорил Тэтис. – А я знаю Ротэ, Хаму и Рамзеса давно и смогу с ними договориться.

Наступила пауза. Хотепи сел на свое место по правую руку от трона царицы.

– Кто-то скажет еще свое слово? – обратился визирь к военному совету. Все молчали.

– Решение за вами, царица, – обратился Хотепи к Нефрусебек. – Позволяете ли вы главнокомандующему вести переговоры с мятежниками от вашего имени?

У девушки сжалось сердце, она не знала, что ответить, вернее, она не знала, как поступить в этой ситуации. Нефрусебек бросила взгляд на Тэтиса, в его веселые глаза и широкое мужественное лицо. Ответный взгляд его был прям и светел. Хотя ей вдруг вспомнилось, что при дворе ходило немало слухов о хитрости и даже вероломстве Тэтиса.

– Я позволяю главнокомандующему вести переговоры с мятежниками, – словно чужим голосом произнесла Нефрусебек.

– Военный совет завершен, – провозгласил громко Хотепи, давая понять, что офицеры и вельможи могут покинуть шатер. – Главнокомандующий, я прошу вас, останьтесь, мы обсудим вашу поездку.

Когда все ушли, остались только царица, Хотепи и Тэтис.

– Какие распоряжения вы отдадите перед своим отъездом? – спросил Хотепи.

– Усилить караулы и ждать моего возвращения. Если к утру меня не будет, ищите нового главнокомандующего, – неожиданно улыбнулся в конце Тэтис.

– Вы все еще уверены, что нужно ехать на встречу с мятежными командирами? – сурово спросил визирь.

– Да. У нас нет другого выхода, – лицо военачальника стало серьезным и даже жестким.

Хотепи понимающе покивал головой.

– Судьба царицы да и всей страны находится сейчас в ваших руках, так пусть же боги будут благосклонны к вам. Иначе... – визирь помолчал. – Иначе, если мы проиграем эту войну, Кемет погрузится в ужас междоусобного истребления.

Главнокомандующий, прощаясь, поклонился царице и направился к выходу. Нефрусекбек смотрела в спину уходившему. Она поймала себя на мысли, что, когда он рядом, все происходящее ей кажется не таким страшным.

– Вы доверяете главнокомандующему Тэтису? – неожиданно раздался сухой, как щелканье клюва стервятника, голос Хотепи, когда они остались в шатре одни.

Нефрусекбек вздрогнула от этого голоса. Она повернула голову к визирю.

– Да, доверяю! – с ноткой удивления ответила она.

– А вы? – после паузы спросила царица.

Хотепи стоял заложив руки за спину и молчал. Его пронзительные глаза были задумчивы. В шатре наступило молчание, которое для Нефрусекбек показалось тягостным. Наставник частенько так мог молчать в ее присутствии, когда они оставались наедине. И это всегда смущало молодую царицу. В такие моменты она, госпожа, всегда чувствовала себя неуверенно с человеком, который служил ей. Она никогда не могла понять: ждет ли он ее слов или сосредоточился на своих думах? Впрочем, ей сложно было постичь жреца. Девушке казалось, что тот никогда ни в чем не сомневался, всегда знал, как выбрать единственно верное решение из множества вариантов.

Нефрусекбек вдруг осознала, что никогда не видела улыбающееся или печальное лицо жреца, оно всегда оставалось холодным, отрешенным и безжизненным – как у богов, которым он поклонялся. Что за чувства, желания и страсти жили в душе у визиря, и имелись ли они вообще – казалось молодой царице непонятным.

– А вы верите главнокомандующему? – повторила вопрос Нефрусекбек.

– Когда-то Тэтис, Рамзес, Роте и Хаму были возвышены вашим отцом. До сих пор они считаются лучшими полководцами покойного фараона Аменемхета, хотя и вышли из низов. При дворе они всегда держались друг друга, выделяясь на фоне писцов и офицеров из знатных семей. Они вместе пьянствовали, таскались по танцовщицам. Достигнув высокого положения, они так и не смогли избавиться от своих низменных привычек, – Хотепи поджал тонкие губы. – Теперь, когда Рамзес поднял мятеж, соединив силы, которыми командовали Ротэ и Хаму в

общую Северную армию, о чем они поведут речь с Тэтисом? О чем они договорятся между собой?

– Я верю командующему Тэтису! – упрямо повторила Нефрусек.

Хотепи поднял на нее глаза, но мысли его были где-то в другом месте, и взгляд лишь скользнул по царице, как по пустому месту.

– Я должен удалиться, – склонил бритую голову перед Нефрусек жрец. – Обеденная молитва ждет меня.

Наконец Нефрусек осталась одна. Она ушла за широкий занавес, деливший шатер на две части и закрывавший ее личные покои. Но найти отдохновение не удалось, за стенами шатра раздавались монотонные стоны посаженного на кол аму. Поняв, что ей не выдержать этого хрипения, царица звонко хлопнула в ладоши. В шатер вбежали прислужницы, ожидавшие снаружи, пока шел военный совет.

– Снимите с меня броню и позовите начальника личной стражи, – приказала Нефрусек.

Когда рабыни отстегнули ремни и застёжки тяжелого доспеха, сняли его с госпожи, только тогда она поняла, как устала от его груза и как больно врезались в тело ремни. После этого даже стало легче и свободней дышать.

Переваливаясь с ноги на ногу, в шатер вошел главк – командир наемников-шардана, служивших по заведенному обычаю у египетских фараонов в личной гвардии. Светловолосый и голубоглазый, из-за своего высокого роста он казался неуклюжим. На нем был доспех из кожаных полос, поддерживаемый на плечах кожаными же лентами. Он вопросительно посмотрел на царицу.

– Прекратите мучение этого человека перед моим шатром, – распорядилась Нефрусек.

– Но визирь приказал, чтобы злодей страдал как можно дольше, – на ломаном языке земли Кемет начал наемник.

Нефрусек вспыхнула. Ее слово, ее желание, ее покой ничего уже ни значили даже в ее свите, что уж говорить о мятежных войсках.

– Я приказываю прекратить мучения этого человека! – сорвалась она на злой крик.

Главк вышел на улицу раздосадованный внезапной яро-

стью молоденькой госпожи. Солнце восходило в зенит. Лагерь казался пустынным, все прятались от зноя в палатках, под навесами, там, где имелась хоть какая-то кромка спасительной тени. Только караульные, потев, вынуждено стояли на своих постах. Главк подошел к месту казни. Голова несчастного безвольно свисала на бок. Острие кола, видимо, дошло только до верхней части груди, и ему еще предстояло прожить несколько мучительных часов. Волосы и лицо были мокрыми от пота, а губы покрылись сухой коркой от жажды. Иссущающие лучи светила приносили посланнику мятежников дополнительные страдания. Если поначалу он вопил и проклинал всех вокруг, то теперь сил на это не оставалось, из надорванной глотки раздавался только методичный хрип или стон. По его ногам и колу сочились кровь и зловонная слизь, стекавшая из кишок. Главк поморщился. На его родине, островах и берегах Великого моря (так в древности называли Средиземное море), убийство не превращали в пытку. К смерти врага относились с уважением. Хотя его народ считался в Египте варварским.

Приговоренного к мучительной смерти охранял караульный – соплеменник главка. При появлении своего командира он подобрался, вытянулся, поднял подбородок вверх, выровнял руку с щитом. Без слов главк грубо взял из рук гвардейца копьё и отработанным ударом вогнал бронзовое жало копейного наконечника в область сердца аму.

* * *

Пустыня казалась однообразной. Пара холеных лошадей легко увлекала за собой легкую колесницу главнокомандующего царской армии. Тэтиса сопровождал десяток всадников-наемников. Их головы были обмотаны черной тканью, закрывшей лица до глаз. Длинные просторные одежды и пучки конских волос, прикрепленных к наконечникам копий, развевались на скаку. Египтяне сами не имели своих конных отрядов, а предпочитали нанимать всадников из кочевых народов Аравийской пустыни.

Тэтис одет в белое нарядное схенти (мужская юбка), перевязанное в поясе алым кушаком с длинными свисавшими до пят концами. Доспех в виде чеканного бронзового нагрудного диска стягивался ремнями на плечах, по бокам и застегивался

на спине. Голову прикрывал высокий кожаный шлем, отделанный серебряным обручем.

Возницей он взял одного из своих офицеров Несамона. Ему Тэтис доверял и любил, как младшего брата.

– Пока я веду переговоры с командирами, пройдишь по лагерю, думаю, там обязательно встретишь кого-нибудь из наших старых друзей, выпей с ним, не жалея вина, – Тэтис кивнул головой на полные меха, лежащие на дне колесницы. – Это вино доброе, хмельное, язык развяжет любому. Может, выяснишь, к чему готовят Ротэ и Хаму своих воинов.

– А если они предложат тебе перейти на их сторону, ты согласишься? – спросил Несамон.

Главнокомандующий нахмурил брови. На подобный вопрос – а он обязательно прозвучит на этой встрече – он сам еще не знал ответа.

– А как поступил бы ты на моем месте? – спросил Тэтис.

– Нам нужно присоединиться к ним. Войска царицы обречены, им не выстоять против объединенной Северной армии, – горячо заговорил Несамон.

– А как же верность трону? – горько усмехнулся Тэтис.

– Какому трону?! – изумился собеседник. – Неужели сильные воины должны подчиняться какой-то девчонке, не выигравшей ни одной битвы? Той, кому не по силам отстоять свое право на власть!? Разве это справедливо?! Власть должна принадлежать сильному человеку, за которого не стыдно проливать свою кровь!

С тех пор как Неффрусебек воссела на престол, Тэтису самому не раз приходили в голову такие мысли. Об этом размышлял он, отправляясь в поход против восставших командиров.

Впереди показался разъезд из наемников-бедуинов, находящихся на службе у Северной армии. Несамон поднял стяг с белым полотнищем. К колеснице подъехал предводитель разъезда. Он узнал Тэтиса, почтительно поприветствовал его.

– Я еду к вашим командирам для переговоров. Проводите нас, – приказал Тэтис бедуину.

Вместе они проехали небольшое расстояние, когда на глади песков увидели несколько шатров, раскинутых с краю от древней караванной дороги, идущей по пустыне.

Тэтис остановил колесницу у самого нарядного и большого

шатра и сошел на песок. У входа его встречал Ротэ. Военачальники двух противоборствующих сторон напряженно посмотрели в глаза друг другу, но тут же рассмеялись и обнялись. Слишком много общего было у них. Вместе пришлось пройти тяжкий и опасный путь от простых солдат до царских военачальников, вместе сражались против единого врага под командованием покойного фараона Аменемхета, вместе выдерживали при дворе спесь знати, относившейся к выскочкам из низов со скрытым презрением и враждебностью.

– Мы специально отправили в царский стан посланника, чтобы вытащить тебя для переговоров. Как же это хитрый Хотепи все-таки решился отпустить тебя? – приглашая жестом гостя в шатер, сказал Ротэ.

– А что ему оставалось еще делать? – усмехнулся Тэтис.

В шатре царил мягкий полумрак, приятный для глаз после залитой полуденным солнцем пустыни. На расшитых золотом подушках, раскиданных по коврам, лежал Хаму. При виде старого товарища он поднялся и тоже радостно обнял Тэтиса. При этом последнему бросилось в глаза, что пальцы командира были украшены дорогими массивными перстнями, а кисти рук – широким золотыми браслетами.

– Выпьем, как в прежние времена, когда мы одинаково беззаботно кутили во дворцах и дешевых тавернах столицы и были самыми счастливыми из смертных, – весело предложил Хаму и стал разливать из серебряного кувшина в серебряные широкие чаши янтарное вино. Тэтис опустился рядом на подушки, набитые лебяжьим пухом, и принял чашу.

– Я – сын презренного бальзамировщика храмовых животных. Ротэ появился на свет в тростниковой хижине лодочника. Наш третий товарищ – Рамзес... Кто знает, в какой грязной дыре был зачат он. А ты, Тэтис, в прошлом – уличный бродяга. Никогда еще судьбу Кемет, возлюбленную богами, наполненную золотом и священной миррой, не решали такие безродные псы, как мы, – Хаму, подняв полную чашу, пьяно засмеялся своим словам, почитая их за хорошую шутку. – И впрямь боги благоволят к нам и отдадут все царство в наши руки.

– А где Рамзес? – удивленно спросил Тэтис.

– Он разделил наши силы на два войска, – сказал Ротэ и добавил: – Его часть находится в двух днях пути. Хотя мы

с Хаму настаивали на том, чтобы навалиться единой ратью и разбить царские войска.

– Почему же вы этого не сделали? – поднял вопросительно брови Тэтис.

– Рамзес считает тебя слишком опасным и поэтому боялся рисковать всем войском. Он всегда ставил тебя как полководца выше нас, – усмехнулся Ротэ.

– Так что же, каково предложение о сдаче, которое ты привез от визиря Хотепи? – быстро спросил Хаму.

– Такого предложения нет, – коротко сказал Тэтис.

– Как нет!? – удивленно покачал головой Хаму, словно стараясь согнать хмель из мыслей.

– Войска Нефрусебек будут сражаться.

– Вы сошли с ума! – захохотал Хаму. – Мы же знаем, что номархи южных номов не прислали свои отряды в поддержку Нефресебук и вы выступили из Иттауи лишь с наемниками и той частью воинов, что имела в твоём подчинении после смерти фараона Аменемхета.

– Да, – весело сказал Тэтис.

Ротэ как более трезвый пристально взглянул в его смеющиеся глаза.

– Ты решил перейти на нашу сторону и не вернешься в царский лагерь? – спросил он.

– А что будет потом, когда вы захватите власть? – вопросом на вопрос ответил главнокомандующий.

– Мы договорились разделить Кемет на три царства, – ответил за Ротэ Хаму. – Нижний Египет отдадим Рамзесу, а южный поделим мы с Ротэ. Извини, но для тебя больше земель не осталось. Страна слишком мала для нас четверых. А ты можешь пойти к одному из нас военачальником.

Тэтис громко засмеялся на это предложение:

– На каждого из вас одного трона слишком мало. Вы все прокутите, проиграете в кости и на петушиных боях, раздарите свои царства танцовщицам, наложницам и звероловам. А потом, разорившись, пойдете войной друг на друга.

– Нет, ты не прав, мой глупый Тэтис. Наш Рамзес – мудрый, как священный крокодил Себек (бог, изображавшийся в виде человека с крокодильей головой). Он все предвидит. Мы

заклучим договор о вечном мире между нашими царствами. А против того, кто первый поднимет меч войны, объединятся двое других. Что, не ожидал!? – засмеялся Хаму и по-дружески потрепал Тэтиса по плечу.

– Вам же станет скучно и тоскливо от этой дворцовой тишины, от угодничества писцов, от змеиной хитрости жрецов, от интриг номархов. Вы все равно начнете воевать, потому что это вам милее всего, – с сожалением заметил Тэтис. – Ваш мятеж глуп.

– А у нас нет другого входа! – сурово и зло сказал Ротэ. Его фраза прозвучала резко, как пощечина в этом полушутливом разговоре. – Ты, что, так и не понял, почему мы решили скинуть посаженную жрецами на трон недотрогу Нефрусекбек?

Тэтис внимательно посмотрел на говорившего.

– Девчонка все равно выйдет замуж или спустя время передаст трон своему младшему брату. И что станет при новом правителе с нами? Фараон Аменемхет благоволил к нам и разделил все свое войско между нами. Будет ли по-прежнему благосклонен новый фараон, оценит ли наши таланты? Или нас затрут высокородные царедворцы, а нашим уделом останется лишь служба в жалких пограничных гарнизонах! Мы слишком дорого заплатили за свое нынешнее положение. Отступать уже некуда. Ты сам знаешь, в кровавой схватке все решает единственный и решительный удар. Сейчас у нас еще есть возможность его нанести, и мы это сделаем. А после победы над войском Нефрусекбек никто не посмеет противостоять нашим армиям!

Говорил Ротэ горячо, глаза горели, а широкие ноздри яростно раздувались. Тэтису пришла мысль, что Хаму и Ротэ походили на хищников, почувствовавших скорую гибель своей жертвы. Нефрусекбек была слаба, ее двор не пользовался уважением ни в армии, ни среди номархов. Холодным и жестоким рассудком военачальники поняли, что власть, безграничная и всеобъемлющая, может по злой насмешке судьбы легко оказаться в их руках. И это ощущение пьянило их, как кровь пьянит и делает бешеными гепардов, вышедших на охоту.

– Что скажешь? – прервал раздумья Тэтиса Хаму. – Ты с нами?

– Нет! – честно сказал Тэтис. Лицо его было строгим. Он поднялся с ковров.

– Я возвращаюсь в лагерь царицы, солнце скоро зайдет, не хочу в ночи плутать по пустыне, – Тэтис говорил, стараясь заполнить неловкую пустоту в разговоре.

– Пусть пожрут тебя крокодилы! – выругался Хаму. – Так зачем же ты тогда приехал!

– Перед тем как мы начнем проливать кровь наших воинов, я хотел предупредить, что вы мне братья, но я не предаю своей клятвы трону. Мы прошли вместе многое, но завтра нам предстоит скрестить оружие и смотреть друг другу в лицо. Я не хочу вашей смерти, но я буду ее искать. И по-другому уже не будет. Если мне суждено умереть в этой войне от вас, я почту это за честь для себя. Именно это я и хотел сказать, так будет честно.

Тэтис молча обнял обескураженных друзей, вышел из шатра и направился к колеснице.

– Запомни, при дворе ты останешься один на один со всей этой сворой аристократов и они переломят тебе хребет, – крикнул ему в спину Ротэ, стоя на пороге шатра.

Главкомандующий царским войском взошел на колесницу, где его уже ждал Несамон. Тэтис кивнул командирам на прощание, и колесница сорвалась с места. За ней последовал и отряд телохранителей-бедуинов.

Хаму долго смотрел в глубь пустыни, туда, куда уносились колесница, подымавшая за собой столб из пыли.

– Что с ним такое? Неужели он так глуп, что позарился на звание главкомандующего царским войском? – удивленно произнес Хаму и задумчиво добавил. – Может, все-таки стоило его убить?

– Оставь пустые переживания, наше войско все равно больше, – успокоил его Ротэ.

* * *

Раскаленный бронзовый диск солнца грузно оседал за горизонт. С востока на пустыню напоздали душные сумерки. Кони, подстегиваемые хлыстом Несамона, резво несли колесницу в сторону лагеря царских войск. Тэтис, вцепившись в борта, невидящим взглядом смотрел вперед. Лицо его казалось

мрачным и непроницаемым, поэтому его адъютант даже не стал приставать с расспросами о том, как прошли переговоры. Тэтиса одолевала тяжелые мысли и сомнения. Рамзес, Хаму и Ротэ – их чувства, поступки, движения души были понятны и близки главнокомандующему. Но он уже выбрал своим сердцем Нефрусек, непонятную и чуждую для него. Этот непростой для себя выбор Тэтис сделал сегодня, когда на церемонии вручения священного меча увидел ее большие, как у загнанной серны, глаза и прочел движения ее губ «Спаси меня!». Эти два слова были обращены только к нему одному. И его душа дрогнула от этого, захотелось перевернуть мир ради нее.

Тэтис еще не осознавал, что же испытывает к девушке-царице, и еще больше не понимал, как она, дочь его покойного господина Аменемхета, относится к нему. Порой ему казалось, что он интересен Нефрусек. Он ловил в ее взгляде, обращенном к нему, что-то особое. Но ведь он мог и ошибаться, принять простое внимание девушки за нечто большее. К сожалению, Тэтис мало разбирался в поступках, настроениях женщин, да и не старался этого делать никогда. Они приходили в его жизнь как-то сами по себе, среди них попадались богатые горожанки, молодые вдовы, известные танцовщицы. Но удачливый воин не стремился удержать их рядом с собой. Его мысли, старания и мечты занимала только война. Лишь там Тэтис чувствовал себя уверенно и ясно понимал, что происходит и как нужно поступать. А мир чувств, ощущений, влюбленности – подобное казалось ему слишком обманчивым, неосязаемым, как болотная трясина. Поэтому его одолевали сомнения: правильно ли он доверился своим неясным чувствам к Нефрусек, ведь она царица, а он всего лишь раб у ее трона...

Лагерь уже давно погрузился во мрак и сон. Уже и Хотепи, весь вечер проведенный в шатре у Нефрусек и изводивший ее своим высоким бесстрастным голосом, удалился для ночных молитв, а главнокомандующего все не было. Царица сидела в кресле и рассеяно слушала, как рабыня читает с папируса сказание о путешествии египетского вельможи в пустыне. Но история, полная приключений и сказочных существ, не занимала внимания госпожи. Она напряженно ждала возвращения Тэтиса. Царица велела главку лично караулить у входа в лагерь

и известить ее, как только появится главнокомандующий. Она знала: визирь не до конца доверяет Тэтису и считает, что, отправившись на встречу с мятежными командирами, полководец мог перейти на их сторону. Но Нефрусек ждала Тэтиса. Ей рисовались самые страшные картины: произошла схватка с мятежниками, и он лежит сейчас, истекая кровью, в пустыне. Но Нефрусек ждала Тэтиса. Она верила или убеждала себя, что плохого не случится и он вернется: веселый, бесшабашный, сильный, со своей обычной улыбкой, вселявшей в нее бесстрашие. И ради этого Нефрусек ждала Тэтиса.

Часть шатра, где сидела царица, ярко освещалась огнем изящных масляных ламп, свечей, державшихся на подсвечниках, исполненных в виде мифических существ. Языки пламени блистали и прыгали множеством отражений на натертой бронзе, и казалось, что вокруг все пылает и дрожит. От этого мельтешения рябило в глазах. Нефрусек сомкнула веки, откинула голову на жесткую спинку кресла, покрытого шкурой тигра. Рабыня монотонно читала. Нефрусек вспомнилась ночь, когда ее сделали царицей.

...Это случилось два года назад. Стояли месяцы самого засушливого периода года – шему. Нил обмелел настолько, что прекратилось судоходство больших кораблей, вода в колодцах спала к самому дну и считалась ценнее золота. Это было время жестокого повелителя пустынь бога Сета с красным ликом и глазами, в которых горело пламя адского огня. Его дыхание приносило обжигающий ветер, покрывавший песком плодородные поля и дороги. В знойном мареве над сухой растрескавшейся от жары землей неслась призрачная пылающая колесница Сета и серп в руках красноликого бога жаждал крови и смерти.

В душные месяцы шему пришло время фараона Аменхета покинуть этот мир. Все началось с легкой лихорадки, подхваченной владыкой на охоте, но затем состояние его ухудшилось, воспалились и открылись старые раны, полученные в походах. Аменхет настолько ослаб, что уже не совершал выезды в войска, расположенные рядом со столицей, не посещал служений в храмах Амона-Ра, Осириса, Гора, как это бывало обычно. Это не укрылось от столичного люда, всегда скорого на сплетни. По поводу здоровья фараона пошли толки

и домыслы. Еще более смутили народ случившиеся в разных концах страны мрачные предзнаменования. Так, в знаменитом храмовом комплексе Лабиринте, где почитали бога-крокодила Себека, покровительствовавшего дому фараона, умер старый трехсотлетний крокодил.

Он был воплощением божества на земле. Земноводное верховные жрецы выбирали из рептилий, водившихся в священ-ных прудах храма. Отбирали по особым приметам, указывавшим на избранность животного, и поклонялись ему в течение долгих лет. И вот это божественное воплощение, старое, дряхлое, мало двигавшееся и от того покрытое тиной и зловонной слизью, в один из знойных дней издохло, разрывая метафизическую связь между фараоном Аменемхетом и этим миром. А в Мем-фисе, в храме богини-воительницы Нехбет, во время мистерий тень, падавшая от статуи, опровергая все мыслимые законы материального мира, вдруг отделилась от стены и, якобы голос самой богини пророкотал под каменными сводами онемевшим от ужаса жрецам и служителям: «Хаос грядет! Хаос!».

Эти рассказы переиначивались, обрастали новыми под-робностями и пересказывались в лавках, тавернах, на постоя-лых дворах, вместе с торговыми караванами тревожные слухи расплозились по стране. Советники царя, стараясь скрыть болезнь фараона от подданных, запретили выходить из дворца рабам и мелкой обслуге, чтобы те не болтали лишнего в городе. Не могли отлучаться в свободное от службы время и воины, ох-ранявшие дворец. Резиденция фараона напоминала закрытый город в центре столицы Иттауи. Высокие стены с неприступны-ми башнями, за ними находились дворцовые павильоны с поко-ями Аменемхета и его гарема. Залы для приемов и казармы для царских телохранителей, помещения для проживания обслуги, парки с прудами, зверинец, склады с оружием и припасами на случай осады или голода. Во время болезни фараона жизнь во дворце замерла. Быстро передвигались с тайными поручения-ми от сановников молчаливые рабы и прислужники. Гнетущая тишина стояла в приемных и пиршественных залах, длинных коридорах и дворах. И в этом плотном безмолвии почти физиче-ски, как в яростно сжатом кулаке, ощущалось напряжение.

У ложа Аменемхета с утра до ночи собирались лучшие

знахари и лекари. В тишине, боясь потревожить покой больного, они жарким шепотом обсуждали возможное возрождение жизни в угасающем теле владыки. Во дворец спешно съезжались родственники фараона, наместники, военачальники и жрецы, пользовавшиеся его доверием. Сановники вызывали их лично по царскому приказу.

Тот день врезался в память Нефрусек настолько ясно, что спустя долгое время она отчетливо помнила все произошедшее до мельчайших подробностей. Духота стояла невероятная, и даже толстые стены дворцового павильона и узкие оконца, призванные сохранять прохладу, не справлялись со зноем. Нефрусек в своих покоях наблюдала, как рабыни развлекали ее семилетнего брата царевича Амониса. Царица мать Асо удалилась в храм Изиды для участия в молитвах за здоровье фараона.

Амонис весело бегал, пытаясь поймать убежавших от него девушек-прислужниц. Его глаза под густой челкой волос, оставленной на обритой голове, горели от азарта. От царевича пока скрывали тяжелую болезнь отца. Нефрусек и сама поначалу пыталась подыгрывать в шуточной возне, но у нее не получилось развеселиться. Тревожные мысли одолевали ее. С каждым днем здоровье Аменемхета только ухудшалось. И по мрачным лицам царедворцев, у которых был доступ в покои фараона, становилось понятно, что дни царя сочтены. «Что станет со мной, братом и матерью после того, как отца не станет? Амонис еще слишком мал. Кто тогда займет престол? Как поступят с семьей прежнего господина?» – беспокойные мысли тревожили девушку. С детства Нефрусек слышала историю убийства фараона Аменемхета II. Его визирь и часть приближенных составили заговор и, ворвавшись к царю, изрубили того клинками, так что бальзамировщики с трудом потом смогли мумифицировать тело царя. А сын несчастного владыки бежал в пустыню, спасаясь от вероломства сановников своего отца. Ближайшая история Египта была полна подобных случаев – кровавых убийств фараонов и их ближайших наследников. Поэтому участь самой Нефрусек, ее матери и брата могли стать весьма плачевными в будущей борьбе за власть между различными партиями царедворцев и престолонаследников.

Ее размышления прервал приход раба, лично служивше-

го Аменемхету. Скрестив руки на груди, он поклонился в пояс удивленной Нефрусек и произнес:

– Владыка просит явиться к нему.

Царевна вздрогнула от этих слов. По дворцовому распорядку, заведенному самим же Аменемхетом, жены, наложницы и их дети не имели свободного доступа к царю. Он являлся к ним сам или лично призывал к себе. Воспитанием детей – и от законной супруги – матери Нефрусек, и от наложниц – фараон интересовался мало. Его жизнь поглощали войны, грандиозные стройки, имущественные споры с храмами и владыками областей, прокладка каналов. Аменемхет III вошел в историю страны как великий строитель и воин.

За всю свою жизнь Нефрусек лишь несколько раз удостоивалась личной беседы с царственным отцом. Чаще всего она его видела на больших дворцовых приемах, праздниках и во время молитв в храме, где собирался весь двор. Поэтому приглашение в момент, когда владыка пребывал в тяжелом недуге, удивило девушку, если не сказать больше – испугало.

В личных покоях царя стояла тишина. Раб провел ее мимо малого приемного зала, примыкавшего к опочивальне фараона. Здесь собрались в ожидании известий от лекарей ближайшие родственники и соратники умирающего фараона. Они приходили сюда с раннего утра и оставались до поздней ночи. Лишь кратковременно в течение дня покидали зал для приема пищи. Разбившись на группы, сановники, жрецы, военачальники тихо переговаривались, предавались воспоминаниям о военных походах или совместной охоте. Но мысли у всех были об одном: дни Аменемхета уже сочтены, наследника, готового сразу занять трон нет, а значит, неминуемо развернется борьба за власть между претендентами и их сторонниками. Так что у каждого из царедворцев появится немало возможностей увеличить свое влияние и богатство, равно как и создастся немало опасностей быть отстраненными от должностей и доходов. Поэтому все следили друг за другом, стараясь не пропустить ни одной новости, ни одного слуха, прикинувшего в этот зал. В голове у каждого, кто пребывал в этот час близ покоев фараона, просчитывалось множество вариантов о том, как могут развернуться события, с кем из влиятельных людей дружить и кого опасаться. Но пока

Аменемхет еще дышал, каждый благоразумно держал при себе свои расчеты.

Когда Нефрусек, следуя за рабом, появилась в зале, она ощутила на себе десятки удивленных взглядов. Присутствующим хотелось понять: для чего появилась здесь дочь царя. Перед покоями фараона ее ждали царский лекарь, двоюродный брат отца Ментеф, главный визирь Неби и еще один незнакомый ей высокий жрец. Холодное, надменное лицо незнакомца бросилось сразу в глаза девушке. Его спокойное состояние резко контрастировало с видом остальных мужчин, пребывавших в нервном возбуждении. Присутствующие поклонились дочери фараона. Ментеф как ближайший родственник царя обратился к Нефрусек.

– Господин наш и защитник приказал вам предстать пред ним. Мой брат и ваш отец пребывает в тяжелом положении, и прошу со всем дочерним послушанием отнестись к тому, что он скажет вам – с этими словами он подвел девушку к высоким дверям из черного дерева, украшенными медными пластинами.

Царевна вошла в спальню. Рассеянный свет из оконных проемов под потоком падал на ярко расписанные стены. В покоях запах пряных лекарств смешивался с тяжелым духом умирающего тела.

Аменемхет лежал на широком ложе. Нефрусек подошла ближе и ужаснулась виду отца. Он осунулся, словно стал меньше. Обострился нос, кожа на лбу плотно обтягивала череп. В густом неподвижном воздухе фараон дышал натужно, громко.

– Батюшка! – всхлипнув, Нефрусек припала губами к вялой и холодной руке отца.

– Не смей ныть! – резко оборвал ее, задыхаясь от приступа ярости, Аменемхет. – Мгновений моей жизни мало, и каждый вздох приближает к смерти. Поэтому замолчи, слушай и не задавай глупых вопросов. Я умираю, и все те, кто служил мне верно – советники, военачальники и наместники, сейчас готовы предать меня. Увы, я, поразивший столько врагов в битвах, славнейший из царей Кемет, не могу оставить трон сильному наследнику. Твой брат слишком мал, а ты всего лишь слабая женщина...

Царь на мгновение прервался, так как у него сбилось дыхание. Все еще здоровому мозгу Аменемхета, хоть и измученному

болезнью, тяжело было принять слабость и беспомощность своего умирающего тела. Набравшись сил, он снова заговорил:

– Двор готов посадить на трон любого из моих родственников, вопреки моей последней воле. Даже сквозь толстые стены я слышу, как они шипят, словно ядовитые змеи, и делят мое царство. Но власть должна попасть только в руки моего сына Амониса! И в этом поможешь мне ты!

Аменемхет снова бессильно откинул голову на валик, служивший подушкой, прикрыл глаза.

– Подай воды! – раздраженно приказал он.

Нефрусекбек нашла на низком столике у ложа серебряный кувшин и налила прохладной воды в кубок, вырезанный из нефрита. Она поднесла его отцу, тот приподнялся и сделал несколько жадных глотков. Фараон лег на спину и, собравшись с силами, продолжил отрывисто, словно сберегая силы, говорить:

– Твой брат мал, слишком мал. Корону возложат на тебя.

Нефрусекбек подскочила, словно ее ужалила ядовитая змея. Хоть она и боялась ярости отца, но все же не могла не возразить:

– Но наша матушка...

– Нет! – почти выкрикнул в новом приступе гнева царь, он резко приподнялся на ложе и приблизил свое лицо к Нефрусекбеку. Она отчетливо разглядела сети глубоких и мелких морщин под впалыми глазами отца, его старческую кожу с пигментными пятнами. Так близко она давно не могла наблюдать его, быть может, только в ту пору, когда отец брал на руки ее маленьким ребенком. И тут, возможно, впервые в жизни она осознала, что Аменемхет не сын бога Амона-Ра и не посредник между вышним миром и людьми, не великий владыка, мудро и справедливо управляющий народом. Он просто человек. Он – просто человек! Уставший, обессиленный, находящийся в сомнении и страхе. И это осознание стало потрясением для девушки.

– Твоя мать не может взойти на трон ни при каких условиях! – сурово говорил меж тем фараон. – Она дочь фиванских номархов. А в их угасающем роде еще теплится ядовитая мечта захватить власть, она не сможет противостоять их ухищрениям. Царство должно достаться только моему сыну! Придет время, и он примет тронное имя Аменемхета IV. Слишком много крови:

своей и чужой пролил я в этой жизни ради этого! Любой ничтожный раб, умирающий сейчас в затхлой хижине, счастливее меня! Смерть всего лишь освобождает его от жалкой участи, а я оставляю царство, полные амбары зерна, оружейные с лучшим оружием сокровищницы! Но кто наследует мне?! Неужели все это достанется чужим?!

Царь в отчаяние упал на ложе, неожиданно замолчал, бесильно откинул голову на валик, так что его острый подбородок поднялся вверх над лицом. Наступила тишина. Нефрусек могла подумать, что отец мертв, если бы не еле вздымавшаяся от слабого дыхания грудь.

– До того времени пока Амонису не исполнится двенадцать лет, корону возложат на тебя, – успокоившись и набравшись сил продолжил фараон. – Верховный жрец Амона-Ра Хотепи станет твоим наставником и визирем. Это влиятельный человек. Он поможет управлять страной и номархами. Жрец поклялся мне Вечным Солнцем, что сохранит верность нашему договору. За это я согласился на множество благ для храмов. Но не доверяй Хотепи до конца. Никому не доверяй! Помни, только ты одна можешь распоряжаться всем, и не позволяй никому тобой управлять. Опирайся на военачальников, покупай их верность. Хоть ты и бестолковая женщина, но ты должна сохранить трон для Амониса и потом верно служить своему брату и господину.

Нефрусек стояла ошарашенная словами отца.

– Поклянись мне в этом! – злобно приказал Аменемхет.

Царевна заикаясь, дрожащим голосом повторила слова клятвы вслед за отцом, боясь, что ее отказ вызовет ярость и ускорит и так близкую его кончину. Как только она это произнесла, фараон свободно вздохнул, лицо его прояснилось. Но долгая эмоциональная речь его сильно утомила. Собравшись с последними силами, он снова обратился к дочери. Его слова напугали ее еще больше:

– Теперь уходи и помни, если ты нарушишь свое обещание, я приду к тебе призраком, демоном, огнем или молнией и заберу твою жалкую жизнь! – лицо Аменемхета без того суровое, изменившееся под воздействием болезни, показалось девушке ужасным, словно он уже обращался к ней из самой преисподней.

Ошарашенная увиденным и услышанным, царевна, с трудом сдерживая дрожь во всем теле, вышла из спальни. Снаружи ее встретили все те же. Теперь Нефрусебек поняла, почему они казались такими взволнованными, когда она сюда явилась. Сановники знали, о чем собирался говорить с ней фараон.

– Божественный брат мой изложил вам свое распоряжение? – обратился к ней дядя Ментеф.

– Да, – коротко обронила Нефрусебек. Какой-то частью сознания она еще надеялась, что сейчас услышанное от отца окажется неправдой. Ей скажут: все произнесено фараоном под воздействием болезни, злой лихорадки, временного помутнения рассудка. Но этого не произошло. Сановники с почтением поклонились девушке низко в пояс.

– Лекарь даст вашему отцу напиток, который вновь вернет на короткое время ему силы, – почтительно продолжил Ментеф. – А вы переждете пока в соседней комнате.

Нефрусебек даже не успела спросить, для чего это нужно, как все тот же личный раб умирающего фараона выступил из-за спины вельмож и жрецов и проводил царевну в помещение, находившееся сбоку от опочивальни царя.

Фараон в понимании египтян, даже в среде вельмож и людей царского рода, считался священен. Боги выбирали из тысяч смертных одного-единственного – для соблюдения установленного ими миропорядка и свершения справедливости в этом мире. Комната, в которой оказалась Нефрусебек, была святая святых – тут рабы каждое утро одевали фараона, наносили макияж на его лицо, делали массаж. Эти стены видели земную жизнь обожествленного человека. Здесь он переставал казаться величественным, каким пребывал на приемах во дворце, уже не был богоподобно холодным, каким молился в храмах во время свершения ритуалов. Здесь он снимал все свои многочисленные маски и оставался самим собой: расстроенным, веселым или даже пребывающим в сомнении. Здесь он мог постановывать, если его одолевал недуг, зевать, если хотелось спать. Вышколенные рабы никогда не выносили отсюда того, что видели и знали о сыне Амона-Ра: они понимали, чем может им грозить чрезмерная болтливость.

То, что Нефрусебек оказалась в этих стенах вопреки всем

ее надеждам, свидетельствовало о том, что все сказанное отцом о возложении на нее короны все-таки исполнится. Девушка робко опустилась на небольшой плетеный табурет у двери и осмотрелась.

Кресло, похожее на трон, с резными ножками, украшенное инкрустациями из слоновьего бивня и бронзы, доминировало в обстановке. Рядом располагалось ложе для массажа. Вдоль одной стены, расписанной рисунками, шли столики и высокие лари. На них стояли отшлифованные бронзовые зеркала, шкатулки, горшочки и медные сосуды с самыми различными притираниями, ароматическими маслами, тушью для подведения глаз и другой косметикой, которой в Древнем Египте пользовались и женщины, и мужчины.

С другой стороны, вдоль стены, стояли шкафы, в которых хранились украшенные золотой расшивкой и драгоценными камнями одежды, предназначенные для торжественных выходов в народ, посещения храмов и приемов послгов. Но взгляд Нефрусек привлекли не наряды, великолепные по своей пышности и искусности исполнения украшений. Поверху все четыре стены были расписаны сценами сражений, штурма вражеских городов, морских битв. По канонам художники изображали фигуру фараона, как и богов, выше фигур всех остальных смертных. Вот владыка в короне в виде высокого белого головного убора занес булаву, чтобы разбить склоненную голову противника в одежде ливийца. На другой стене фараон, натянув упругий лук, несется на колеснице по полю, усеянному фигурами сраженных врагов. Но страшнее всего для девушки показалась подпись, сложенная из иероглифов под одной из настенных картин: «Удел фараона в смутное время – война. Его пята попирает поверженных врагов, стенают мятежные вожди, рыдают их жены, отданные для удовольствия грубым солдатам, а реки вражеской страны полны от крови убитых детей, дабы скверное семя не могло прорасти». Иероглифы пляшут в глазах девушки колючими скарабеями. Голова Нефрусек идет кругом, в груди не хватает воздуха: теперь она в ответе за все, что будет сотворено именем фараона...

С раннего детства ее готовили к замужеству, семейным заботам о доме. Главное, чему она должна посвятить жизнь, – угодить своему супругу. К одиннадцати годам под воздействием

советов умудренной дворцовой жизнью матери девочка ясно представляла свое будущее. Если ей повезет и отец отдаст ее за человека, который ее полюбит, то жизнь сложится счастливо. Если она не сможет разбудить в муже сильных чувств, то Нефрусек придется смириться с уделом нелюбимой жены. Но поскольку даже не бралось под сомнение, что фараон выдаст дочь за знатного вельможу, то все равно богатство и почет ей были обеспечены. Другого выбора не имелось. Но теперь весть о том, что на Нефрусек наденут корону, лишила ее осознания своего места в жизни, ощущения себя.

В своих переживаниях девушка даже не заметила, как помещение погрузилось в сумрак. Двери почти бесшумно отворились, с горящей масляной лампой в руке вошел раб. Склонившись низко в поклоне, он пригласил Нефрусек в спальню отца.

Покои фараона были залиты светом многочисленных огней. На этот раз в воздухе витал запах ароматических веществ, но это все равно не смогло перебить тяжелый дух болезни. Обстановка показалась Нефрусек одновременно торжественной и напряженной. Аменемхет полусидел на ложе, опираясь спиной о высокую спинку. Его щеки покрыл еле заметный румянец, а глаза блистали. Лечебные настои искусных лекарей на время вернули владыке силы.

С левой стороны ложа стояли визирь Неби и двоюродный брат фараона Ментеф. Визирь держал в руках серебряный поднос со знаками царской власти: треххвостой плетью, скипетром с загнутой крючком верхней частью и двойной красно-белой короной Египта. Справа от ложа возвышалась высокая фигура все того же незнакомого для Нефрусек жреца. По повелению присутствующих девушка встала подле незнакомца. Незнание всего происходящего добавляла ей особую робость и страх.

В опочивальне наступила тишина. За закрытыми дверями почувствовались движение, шорох множества ног. Раб, стоявший у входа, отворил створы дверей, и комнату заполнили приближенные и соратники Аменемхета, военачальники и жрецы. Не все они поместились в зале, часть осталась стоять в коридоре. На лицах читались напряжение и ожидание.

– Возлюбленный сын Амона-Ра, защитник Кемет, господин наш во дни и ночи, заботящийся о благе народа, уходит в мир предков. Отныне он займет достойное место среди бессмертных богов Амона, Озириса, Гора и будет взирать на нас из вышних сфер, – громко произнес визирь Неби. Голос его сильный и густой звучал тожественно. – По соизволению богов, хранящих Кемет, фараон имеет малолетнего сына, не готового принять на себя бремя священной власти. До достижения царевичем Амонисом достойного возраста полноправной правительницей страны, всех людей, земель и богатств волею нашего господина Аменемхета провозглашается дочь его Нефрусек. А в помощь и назидание ей визирем провозглашается верховный жрец Амона-Ра святой Хнумхотеп.

Визирь перевел дух и продолжил:

– Перед уходом в страну Вечности фараон изъявляет последнюю свою волю и требует от верных слуг и рабов клятвы, что они исполнят его повеление и станут верно служить его дочери и блюсти покой и мир в царстве.

Десятки глаз невольно устремились на Нефрусек. Придворное воспитание и обучение позволили девушке сохранить невозмутимый и холодный вид, достойный дочери царя. Но внешнее спокойствие стоило ей приложения больших душевных сил. Зато лица многих царедворцев выражали растерянность. Египет не знал примеров, когда во главе государства становилась женщина, обладавшая всей полнотой власти. Правителем всегда становился мужчина – воин и лидер. Этот порядок был оправдан жизненной практикой и освящен богами. Что же грозило стране в ином случае: одобряют ли боги такое решение умирающего царя, не погрузится ли Кемет в хаос междоусобных войн или внешний враг сможет нанести удар, узнав о том, что царство возглавляет слабая женщина? А еще могут произойти неурожаи и моры, засуха или нашествие саранчи.

Аменемхет, прекрасно разбиравшийся в чувствах и мыслях окружающих, сразу уловил это замешательство в умах людей, служивших ему долгими годами. И их нерешительность мгновенно разъярила его.

– Вы все преклонитесь и дадите клятву перед богами бессмертными в верности моей дочери! – накинулся он на ца-

редворцев. Почти все оставшиеся жизненные силы Аменемхет вложил в этот крик и злобу. Фараон подался телом вперед, и только слабость не позволила ему вскочить с ложа. – Я приказал окружить наемникам-шардана дворец, ни один не выйдет отсюда живым, если я не услышу от каждого из вас клятвы верности!

Устрашенные вспышкой бешеного гнева царя, находящегося на грани смерти и жизни, знавшие его жестокий нрав и то, что он может в любой момент отдать приказ об избииении изъязвивших даже сомнение, знатные вельможи, испытанные в боях военачальники, умудренные знаниями писцы опустили на колени перед юной Нефрусек. Они стояли на коленях, одетые в дорогие материи, блиставшие драгоценными ожерельями и украшениями. А она смотрела сверху вниз на их склоненные в покорности головы. Среди присягнувших находились в спальне царя и военачальники Рамзес, Ротэ, Хаму и Тэтис.

После вспышки гнева побледневший фараон, тяжело дыша, откинулся на спинку ложа. Визирь царя Аменемхета подошел к жрецу Хотепи. В руках Неби все еще держал поднос с короной, скипетром и пlectrum. И Хотепи как вновь назначенный визирь возложил на голову Нефрусек блиставшую драгоценными камнями красно-белую корону фараонов, символизирующую власть над Верхним и Нижним Египтом. И ничего не было тяжелее этой ноши.

* * *

Снаружи послышался шум. Нефрусек открыла глаза, нервно выпрямилась в кресле, прислушиваясь к звукам. Рабыня прекратила монотонное чтение.

В шатер поспешно вошел запыхавшийся гавк, низко склонившись в поклоне, он проговорил:

– Главнокомандующий Тэтис вернулся в лагерь.

И тут же где-то рядом, за полотняной стенкой, заревели медные трубы, врываясь резкими звуками в обволакивающую мягкость ночной тишины. Трубачи играли подъем. Все мгновенно наполнилось шумом сотен голосов. В шатер вошел Тэтис. Стремительный, покрытый пылью. С порога он бросил на царицу внимательный взор. При его появлении сердце Нефрусек затрепетало. Невольно, от радости, она встала с кресла и сде-

лала усилие, чтобы не улыбнуться, чтобы не броситься к нему навстречу. Это был первый подсознательный порыв, но еще мгновение, и она устыдилась своих чувств. Нефрусебек старалась скрыть свое волнение, так как в шатре еще находились главк и рабыня. Она приняла холодное выражение лица. Но блеснувшая в глазах царицы радость не ускользнула от Тэтиса. И ее реакция отозвалась в его душе ликованием. Сомнения и переживания, что мучили его всю дорогу, мгновенно развеялись.

– Что за шум снаружи? – тревожно спросила Нефрусебек.
– На нас напали?!

– Я велел войску сняться с лагеря. Мы покидаем стоянку, – начал объяснять главнокомандующий, но в этот момент за пологом царского шатра послышались громкие голоса. Хотепи, родич царицы Ментеф и еще несколько вельмож гневно спорили со стражниками-шардана, не пропускавшими их к царице.

Нефрусебек обернулась к главку:

– Прикажите их впустить, – коротко распорядилась она.

Начальник царских телохранителей спешно вышел и тут же вернулся в сопровождении царедворцев с рассерженными и красными от спора лицами. При свете горящих свечей и ламп было видно, что многие из вошедших одевались и собирались в спешке. Лишь только Хотепи, как всегда, выглядел безукоризненно собранным.

Увидев главнокомандующего в шатре и даже не поклонившись царице, как того требовал церемониал, жрец обрушил на Тэтиса свое негодование:

– Что происходит в лагере?! Почему младшие командиры строят полки, а мы, члены военного совета, ничего не знаем о происходящем?!

Его поддержали общим гулом сопровождавшие старшие офицеры и вельможи. Их появление испортило Тэтису всю радость от того, что он смог увидеть Нефрусебек.

– Я распорядился поднять воинов, чтобы спешно покинуть лагерь и отступить через пустыню по той же дороге, что мы пришли сюда. Наше войско отходит к крепости, которую миновали на марше день назад, – коротко пояснил главнокомандующий.

– Но почему вы заранее не собрали военный совет и ничего

нам об этом не сообщили?! – не мог успокоить своего раздражения Ментенф. Он был зол на этого выскочку Тэтиса, который заставил его, человека знатного рода, хранителя царской печати и штандарта фараона, среди ночи при помощи рабов в спешке натягивать юбки, боевой пояс и доспехи. А затем, испытывая тревогу и думая, что среди ночи на них напал враг, теряя свое достоинство, бежать к царскому шатру. Ментефу хотелось, чтобы кто-то ответил за пережитый им напрасно страх.

– Сигнал подъема общий для всех в войске и знак того, что все военачальники должны собраться вместе, – с вызовом заметил Тэтис.

– Объясните же наконец, что вы задумали после переговоров с восставшими командирами? – обратился ровным голосом к Тэтису Хотепи. Хладнокровие и спокойствие визиря позволили смягчить общее раздражение у всех, кто находился в царском шатре.

– У военачальников Хаму и Ротэ в два раз больше воинов, чем у нас, и это только часть войска мятежников. Противостоять им в открытом сражении мы не сможем, – четко излагал свой замысел Тэтис. – Нужно заставить их разделить свои силы. Поэтому лучше отступить под защиту пограничной крепости. Но перед этим мы все оставим лагерь вместе с обозом, палатки солдат со всем содержимым, шатры вельмож с имеющимся имуществом и даже шатер царицы. С собой возьмем только оружие, всю воду и вьючных животных.

– Зачем?! – удивленно воскликнул визирь. Впрочем, сказанное главнокомандующим вызвало удивление у всех. От напряжения все забыли, что находятся в шатре царицы, стоят скопом, окружив главнокомандующего, а сама Нефруссебек оказалась оттеснена в сторону.

– Наше отступление должно выглядеть как паническое бегство. Захватив лагерь со всем имуществом, восставшие командиры не посмеют бросить трофеи. Тогда им придется разделить свое войско. Большая часть бросится в погоню, чтобы захватить в плен царицу и поскорее закончить войну. Это наиболее разумное решение в их положении, – говорил Тэтис. – Если наши полки выступят сейчас, до крепости мы доберемся налегке уже к утру. Там нас будет ждать вода и останется вре-

мя для отдыха солдат. Противник появится у крепости только к полудню завтрашнего дня. Уставшие от долгого перехода по пескам, они вступят в бой на невыгодных для себя условиях. И я попытаюсь их разбить. Затем придет время встретиться с другой частью мятежников. Они тоже будут измотаны дорогой, обременены нашим обозом, ведь ослов и мулов мы заберем, покидая лагерь. Что облегчит нашу победу.

– Залог успеха всего предприятия в том, что мятежники разделят свои силы, когда обнаружат наш брошенный лагерь? А вы уверены, что их вожди так и поступят? – поинтересовался Хотепи.

Тэтис на мгновение задумался. Он слишком хорошо знал нрав и характер своих товарищей-военачальников. Долгие годы они были друг другу даже ближе, чем братья. Матерей одной матери объединяет лишь кровь их родителей. Трех полководцев покойного фараона Аменемхета роднило намного большее: схожие судьбы, характеры, образ жизни. Это позволяло определять мотивы поступков. Обоз царского войска был обременен имуществом аристократов-командиров и вельмож, сопровождавших царицу в походе. Просторные шатры, дорогое убранство, серебряная посуда, подсвечники, раскладные кресла и ложа, отделанные драгоценными камнями и металлами. Все это богатая добыча. Хаму и Ротэ никогда не посмеют бросить захваченное посреди пустыни. Тэтис вспомнил пальцы Хаму, унизанные массивными перстнями. Предвкушение легкой победы и желание делить царские богатства уже затмили разум восставшим военачальникам. Нет, выросшие в унижительной бедности его недавние товарищи не смогут избежать такого искушения. Они даже не почувствуют, что это всего лишь наживка, чтобы заманить их в ловушку.

И неожиданно Тэтис ощутил острое чувство стыда и горечи. Ведь он замыслил гибель для тех, кого долгие годы называл братьями. Он предавал их ради вельмож фараона, кто презирал его и кого презирал сам Тэтис. Главнокомандующий поднял глаза на визиря Хотепи. Тот все еще ждал ответа на свой вопрос.

– Да, я уверен, что Ротэ и Хаму разделят свои силы, – хрипло обронил Тэтис, горло его вдруг пересохло от волнения. Но тут размышления визиря прервал гневными словами хранитель царской печати Ментеф.

– Наше войско должно показать спины гнусным мятежникам? Мы оставим сами шатер царицы со всем золотом на разграбление воров?! Это бесчестие! Боги отвернутся после этого от нас! После такого позора номархи перестанут подчиняться и уважать царствующий дом! – благородный Ментеф дрожал от негодования из-за прозвучавшего решения. Где же такому низкородному человеку, как главнокомандующий, понять, что значат честь и бесчестье.

И тогда Тэтис дал волю своим чувствам. Он наконец нашел повод сорвать гнев на ком-то из-за своего свершенного предательства:

– Боги уже отвернулись от нас! А владыки областей Нижнего Египта покорились власти мятежных командиров. Ваши родственники – знать Верхнего Египта не прислала на помощь царице ни одного отряда. Все затаились и ждут, кто победит в этой схватке. Одержавшего верх провозгласят фараоном, а не того, кто станет обладать царским шатром!

– Я приказываю оставить весь обоз в лагере. Если кто-то ослушается, то я вобью кулаками в упрямую голову свои слова, – главнокомандующий медленно двинулся на Ментефа с перекошенным от бешенства лицом и крепко сжатыми кулаками. Вряд ли когда-либо этому аристократу приходилось понастоящему драться. Вряд ли он вообще понимает, что значит, вгрызаясь зубами, намертво вцепляясь скрюченными пальцами в противника, бороться за свою жизнь.

Ментеф растерялся. Он не мог поверить, что сейчас его, человека древнего и знатного рода, принудят к позорнейшей потасовке на кулаках. Его ошалелый взгляд заскользил по лицам окружавших сановников и остановился на визире.

– Ну скажите хоть вы что-то, святой Хотепи! – взвизгнул Ментеф, стараясь привлечь на свою защиту авторитет жреца.

– Я думаю, нам следует подчиниться распоряжению главнокомандующего царским войском. Ведь мы сами поручили ему командование, – благоразумно рассудил жрец. Он выступил вперед, загородив собой Ментефа от Тэтиса. Хотепи не доверял до конца главнокомандующему. Он не понимал причин Тэтиса служить царице. Ведь присоединись он к восставшим военачальникам, то получил бы во много раз больше выгод. И все же жрец нашел план Тэтиса разумным, хоть и не лишенным риска.

– Мы готовы исполнять ваши приказания, – смотря в глаза молодого военачальника, веско произнес визирь Хотепи.

* * *

Нефрусек собиралась недолго. Как и просил Тэтис, все взятые ценные вещи из столицы в этот поход она оставила в шатре. Когда царица собралась выйти наружу, на ней был простой, удобный в дороге клазирис (женское платье, облегавшее фигуру), перетянутый под грудью золотистым пояском. Густые черные волосы на голове стягивал золотистый обруч с головой кобры.

Заботливая Тимрис предложила госпоже для безопасности в дорогу надеть чешуйчатый панцирь. У Нефрусек даже заняло все тело от воспоминаний, как днем сдавливал и врезался в кожу ремнями неудобный доспех. Поэтому она приказала взять его с собой, вместе с простым кожаным коробом с царской красно-белой короной. Поверх платья она надела длиннополый плащ. Легкий, сотканый из тончайшей шерсти, он сберегал тело от дорожной пыли и песка.

Она окинула взглядом шатер, забитый массивными сундуками с нарядами, низкими и высокими столиками с ларцами, в которых осталась большая часть украшений. Мигали огни в чашах массивных бронзовых светильников, а еще здесь были тяжелые занавеси, привезенные из Вавилонии и Ассура, нарядные ковры и походная посуда из серебра и золота. Все эти дорогие и красивые вещи бросались просто так среди ночи в пустыне. Но Нефрусек ничего не жалела. Пожалуй, пышная обстановка больше тяготила молодую царицу в этом походе. Все это так не вязалось с ее ощущением собственной слабости, безысходности перед надвигающейся угрозой. Сейчас она уходила легкой и даже свободной.

У выхода, провожая госпожу, выстроились девушки-прислужницы. С собой в колесницу царица брала только верную Тимрис. Рабыни стояли с поникшими головами, некоторые с трудом сдерживали слезы.

– Отчего вы печальны? – удивилась их виду Нефрусек.

– Ты уезжаешь, госпожа, а что станет с нами без тебя? – запричитали они.

– Вас заберут вместе с отступающими солдатами! – изумилась Нефрусек.

– Нам придется ехать под охраной воинов, а они грубы и необузданны. Что стоит им свершить насилие над нами, а, удовлетворив желание, бросить в песках. Или просто в сутолоке нас позабудут, и мы, верные твои рабыни, добрая наша госпожа, станем добычей мятежников и больше не познаем твоей милости, – вслед за говорившей другие девушки стали всхлипать и повалились на колени, умоляя их не бросать.

Нефрусек растерялась. Она не знала, что делать, ведь Тэти и Хотепи сказали, что ей как можно скорее необходимо выступить из лагеря, не обременяя себя ничем.

– Перестаньте, ничего не случится, я прикажу позаботиться в дороге о вас, – попыталась она успокоить рабынь. И, боясь их вопросов, поспешно вышла из шатра.

В полумраке, освещенном огнем факелов, ее ожидал молчаливый главк. В рыжих кожаных доспехах, перепоясанный бронзовым мечом.

– Колесница готова к дороге, – он поклонился царице.

– А где визирь? – растерянно спросила Нефрусек. – Он разве не пришел меня проводить?

– То мне не ведомо, госпожа. Мне отдали приказ как можно скорее вывезти вас отсюда, – мрачно ответил наемник. Девушка даже и не догадывалась, что за немногословностью и мрачностью командир царских телохранителей скрывал свое пренебрежение к молоденькой царице, которой служил.

От слов главка Нефрусек стало еще больше беспокойно за рабынь. Ей все-таки хотелось кому-нибудь наказать, чтобы ее прислужниц действительно не забыли в сутолоке отступления. Но никого из вельмож не оказалось рядом, и снова девушка остро почувствовала свое бессилие и безвластие.

Главк проводил госпожу до колесницы, помог взойти на нее, следом поднялась Тимрис.

Вокруг колесницы, выстроившись несколькими рядами в безмолвном каре, стояли царские телохранители с короткими копьями, круглыми щитами, в сферических рогатых шлемах. Нефрусек бросила взор на лагерь, освещенный красно-рыжими огнем факелов и костров. В прыгающем свете мелькали

суетливые фигуры и уродливые тени. Срывая до хрипоты голоса, командиры строили солдат. Те, спешно поправляя в темноте амуницию, искали свои отряды, другие, перегораживая путь, тянули вереницы ослов, груженных кувшинами и бурдюками с водой. Все толкались, шумели, спорили, так что в хаосе даже никто не заметил отъезда царицы.

«Здесь у каждого свое место, своя роль, свое дело, – с горечью подумалось Нефрусек. Легкая зависть ко всем этим людям появилась в ее душе. – Лишь только я, царица, словно ряженая кукла, даже не могу распорядиться жизнью трех верных мне рабынь».

– Пойдите! – раздалось из темноты.

Из мрака выросла сильная, уверенная фигура главнокомандующего. Протолкнувшись через строй шардана, Тэтис приблизился к колеснице. Он поклонился царице. Главнокомандующий выглядел уставшим, осунувшимся.

– Я пришел проводить вас в путь, – объяснил свое появление Тэтис.

– Береги царицу. В дорогое останавливайтесь лишь по необходимости, – сурово, как к своему подчиненному, обратился Тэтис к стоявшему у колесницы главу. В голосе египтянина звучал металл. Все высокомерие наемника, которое тот скрывал за своей мрачностью в общении с Нефрусек, сейчас словно исчезло. Хотя в душе он вознегодовал на такое обращение, ведь командир шардана подчинялся только царице. Но наемник не стал перечить молодому военачальнику, зная его крутой нрав.

– Войско будет идти по дороге следом за вами, так что пусть твои наемники не сбавляют шага, иначе я подгоню вас острием копий, – пообещал главнокомандующий и приказал главу встать во главе своего отряда.

– А где визирь? Я даже удивлена, что не слышу перед отъездом его благоразумных советов, – улыбнувшись произнесла Нефрусек, когда шардана удалился. Девушка была безмерно рада тому, что Тэтис не забыл в этой суете о ней. Он пришел, он здесь, рядом.

– Святой Хотепи решил остаться в лагере, чтобы потом двинуться в путь вместе со мной. Он с вашим дядюшкой Ментефом не доверяет мне. Они подозревают, что, оставшись без

их надзора, я ограблю имущество, которое повелел бросить в шатрах, – было непонятно, то ли главнокомандующий шутит, то ли говорит всерьез. – Так что визирь, как благородный Сокол-Гор, зорко наблюдает за сборами войска.

– А я хотела поручить ему безопасность моих рабынь, чтобы солдаты их не обидели в дороге, – улыбаясь пожаловалась девушка.

– Тогда этим займется мой адъютант Несамон. Он ценитель женской красоты, а если они хороши... – Тэтис слегка запнулся, ему хотелось добавить «так же, как прекрасна и их госпожа», но вовремя удержался от такой недопустимой вольности перед царицей. Вместо этого он весело продолжил: – И если они хороши, уж поверьте, тогда он не потеряет их в пути и привезет вам их в целости.

– Я рада, что вы здесь, – Нефрусек так хотелось сказать молодому военачальнику что-то теплое, важное, что позволило бы ему понять ее отношение к нему. Чувств и слов у нее было много, но они, как назло, все совсем не соответствовали разговору царицы со своим слугой. Да и вокруг находились люди.

Темная тень раздумий легла на чело Тэтиса. Время торопило, ночь подходила к исходу.

– Вы выдвиньтесь с вашими телохранителями первой и к рассвету достигните крепости. Чуть позже прибудет и все остальное войско, – предупредил главнокомандующий. – И я вновь предстану пред вами.

В темноте, повинувшись неясному для себя движению, Тэтис положил свою руку на борт колесницы, туда, где покоилась ее узкая, изящная ладонь. Пальцы молодых людей коснулись друг друга. И это касание оказалось таким удивительным, таким долгожданным. Они замерли от своей смелости, от неожиданности всего произошедшего. И опять ощутили себя один на один среди массы людей, среди хаоса мира. И каждый более всего желал донести свои истинные чувства в затаенном послании другому.

Краем глаза Тэтис следил за окружением. Но, кажется, их прикосновение осталось незаметным. Рабыня Тимрис возилась с корзинками, устраиваясь на дне колесницы, чернокожий возница стоял спиной к царице, а вышколенные шардана смотрели прямо перед собой.

– Вам пора, – скрывая дрожь и волнение в голосе, Тэтис снял руку с колесницы и поклонился царице. – Прощайте!

– Пусть боги будут к нам милостивы. Не задерживайтесь в пути, – оглушенная мимолетным прикосновением, произнесла Нефрусек. Возница тронул поводья, лошади сдвинули колесницу с места. Одновременно двинулось бодрым походным шагом каре шардана.

В лунной ночи отряд стремительно шел по желтой пустынной дороге. Шумный, кричащий лагерь оставался позади. Нефрусек обернулась: у большого царского шатра в свете факелов она видела высокую сильную фигуру. Тэтис смотрел ей вслед.

Александр КРЯЧУН

Работая в Бишкекском ГлавАПУ в 1990-х годах, автору пришлось делать топографическую съёмку городской свалки, где хотели построить крытый рынок. Но впоследствии решение отменили, и открыли рынок «Дордой». На свалке, где автор провёл более месяца, он познакомился с обитателями этого «поселения». Некоторые персонажи имеют подлинные имена.

ЗДРАВСТВУЙТЕ! Я – ВОР!

Рассказ

*Посвящаю деду своему Якову –
убийце и спасителю,
Сгинувшему бесследно в лагерях.*

Бегство

Город был красив. Когда-то, в конце XIX века, его спланировали военные топографы, и поэтому ровные улицы, продуваемые господствующими ветрами, дующими со снежных гор, держали в себе прохладу даже в знойные дни. Они уносили запахи жаркого лета в загородную пустошь, которую в народе называли «Дикое Поле». В этот край мало кто заглядывал. Только машины, гружённые отходами человеческого быта, заезжали и, свалив отбросы, торопливо исчезали, словно преследуемые страшными сказами об этом жутком месте.

Город был разделён ровными прямоугольниками. Только один из районов с названием «Рабочий квартал» смотрелся радиальным солнечным кругом, лучами которого были улицы, сходящиеся к кинотеатру, словно паутиновые нити к сидящему в центре своего мира – пауку. Небольшие районы с многоговорящими названиями «Шанхай», «Чомбе», «Лондон» постепенно исчезали, хороня при этом самые бандитские закоулки. Только «Гончарка», так называемая «Гончарная крепость», жила своей закоулочностью, пугала лабиринтами переулков и ночными страхами. Остались ли в ней потомки гончаров, которые когда-то проживали на этой улице, – не скажет никто. Казалось, что стены домов были старше развалин той крепости из XIII века, которая лежала под толстым слоем земли и мусора в центре этого поселения.

Андрюшка Сухоруков, по натуре тихий парень, проживал в одном из небольших домиков. Почти рассыпанный, он стоял рядом с холмом, под которым покоились развалины древней цитадели. Как и все мальчишки городских окраин, был он крепко сбит, носил затёртый, с длинным околышем, картуз, который не снимал, даже садясь за стол. К пятнадцати годам он открыто курил перед матерью и свободно мог выпить бутылку портвейна «через горлышко», восхищая этим малолетнюю шпану. Отец у него сгинул давно. Не выходя из повседневных запоев, так и умер на тёплом пригорке летним днём. Долго лежал на солнцепёке вниз головой. Только к вечеру мать Андрея подошла к нему и, ткнув ногой в плечо, крикнула:

– Вставай, ирод проклятый! Соседи уши прожужжали, что дрыхнешь на улице! Иди в хату!

Но отец не встал. Мать не орала, не выла. Пошла к плотнику и заказала гроб. Может быть, для неё это было избавлением, а для Андрюшки – первой большой потерей. Он впервые осознал, что такое «уже не вернётся никогда». Отец иногда рукоприкладствовал, но так жила вся «Гончарка». Мальчишки думали, что это происходит во всём мире. И все отцы пьянствуют, бьют жен, детей и по утрам воют от вчерашнего перепоя. Умирают тихо во время красивого лета или с диким криком в уличной поножовщине. Некоторые мужики, не пережив тяжкой доли или сивушного похмелья, вешали себя на чердаках, высунув ноги в потолочный лаз, потому что стропила были низки

для долговязых «челкашей» «Гончарки». В кино мальчишки ходили очень редко, и только на военные фильмы, и поэтому не видели другой жизни. Их планетой была Гончарная крепость, стены школы и сумеречные окрестности ближайшего колхозного рынка, куда они в глухие тёмные ночи бегали воровать фрукты и овощи. Радостью был широкий канал, который вырыли лопатами во время войны. Летом вся молодёжь пропадала на его глинистых берегах.

Несмотря на тихую натуру, Андрей к восьмому классу умел неплохо драться и воровать. Но такая сумасбродная жизнь, которой жила вся «Гончарка», не мешала ему любить животных, которые отвечали ему взаимностью. А беспородная псина, за привязанность прозванная Шнурок, не могла пройти мимо, не лизнув ему руку.

Андрей оканчивал восьмой класс, когда неожиданно, не болея и не жалуясь, умерла мать. Она вечером подозвала сына и сказала: «Открой окно. Душно. Совсем нет воздуха в нашем доме!». Андрей отодвинул косую фрамугу, мать вдохнула сырого мартовского воздуха и стихла. Соседи схоронили, помянули. Смерть в «Гончарке» принимали как уход от опостылевшей жизни и не очень горевали об ушедших.

Андрей кое-как дотянул до конца учебного года. Слабые тройки, которые ему выставили за экзамены, давали свободный шанс для поступления в училище. Желания учиться у него не было, но нужны были специальность и еда. Он повесил на дверь старый замок, который открывался гвоздём, и ушёл жить в общежитие, которое ему предоставили как сироте.

Кормили в столовке училища плохо. Хотелось мальчишкам нормальной еды, ходить в кино и есть не только мороженое, но иногда распить бутылочку вермута на троих. Вечером из окон общежития было видно, как от дверей столовой выходили работники, унося огромные сумки с продуктами. И ещё они видели, как к магазину напротив подъезжала машина, из которой заносили в подсобку ящики с вином, короба с колбасами и ещё много разных закрытых коробок. Идею ограбления магазина подал Андрей. Трое друзей, с которыми он жил в одной комнате общежития, согласились сразу. Кражу совершили субботней ночью. Сбили простой замок. Денег, к их разочарованию, в кассе не оказалось. Набрали четыре мешка вина, продуктов и отне-

сли в пустой дом на «Гончарку». Пили весь день воскресенья. Детские организмы пьянели быстро. Даже обильная еда в виде колбасы, маринованных огурцов и шоколадных конфет не могла победить большое количество выпитого вина. Они дурачились, бахвалились друг перед другом, что нужно предпринимать «большое дело» и взять по крайней мере магазин, торгующий золотом. В понедельник ушли ранним утром, прихватив с собой несколько палок колбасы и конфет для чая. К занятиям в училище не опоздали. Их отсутствия никто не заметил.

Вечером в общежитии, вымучивая из себя учеников, все четверо сидели за столом и учили уроки. Вместе с дежурным мастером и участковым в комнату вошли ещё двое мужчин. Один из них подошёл к тумбочке, на которой лежали куски хлеба, фантики и колбасные шкурки.

– Откуда колбаса? – вопрос прозвучал так, будто спрашивающий знал уже всё.

Андрей понял первым, что они попались. До открытой двери было два шага. Никто не успел его схватить за рукав. Последнее, что он услышал, был чей-то крик: «Далеко не уйдёшь!».

Спрятавшись в кустах, Андрей видел, как вывели его друзей. Люди в штатском крепко держали подельников. Никто не вырывался. Из окон смотрели жители общежития.

– А тот, что сбежал, из «Гончарки». Там у него дом бесхозный от родителей остался, – говорил мастер подошедшему участковому.

Андрей побежал. Он старался успеть. Успеть к дому, спрятать, уничтожить улики. И почему они прокололись так глупо? Ведь было не очень голодно. Зачем принесли колбасу, которая в магазинах была редкостью, а шоколадные конфеты стоили столько, что ученикам из училища практически было их не купить? Можно солгать, что родственники дали. Но в это уже никто не поверит, да и проверилась бы эта ложь быстро.

Замок, который открывался иногда даже сам, без гвоздя, долго не поддавался. Распахнув дверь, Андрей понял, что не успеет: по всей комнате валялись колбасные шкурки, пустые винные бутылки, огрызки огурцов и фантики от шоколадных конфет. В мешках ещё было много вина и продуктов. Ему послышался шум машины. «Едут! За мной!» – шарахнула мысль. Он схватил один из мешков и через огороды бросился в темноту.

Можно было бы затеряться в лабиринтах «Гончарки», но он понял, что его будут искать у друзей, а подводить их он не мог. Он не знал, куда бежать, однако внутреннее чутьё подсказало, что легче всего скрыться в Диком Поле.

Дикое Поле

Андрей мчался в чёрную густоту, принимая хлеставшие по лицу ветки за руки милиционеров, которые хотели схватить его и увезти в подземелье тюрьмы, куда он не хотел. Подбежав к каналу, не стал уходить в обход по мосту, а прыгнул в мутную воду. Эти места он знал хорошо. Вода умерила прыть. Шёл по дну трудно и, казалось, очень долго. Глинистый берег, скользкий и крутой, сбрасывал Андрея обратно в воду, едва он добирался до сухой тропы. Догадался оставить мешок повыше и выбраться. Лёжа на животе вытащил припасы и уже спокойно побрёл дальше. Намокшая кладь стала тяжелее вдвое, но Андрей думал о завтрашнем дне: «Еды хватит на неделю, а дальше время покажет, как жить!».

Город кончался перед объездной дорогой. На Диком Поле вольная вода рыла глубокие канавы, вымывая крупные валуны. Иногда в крутом обрыве обнажались осколки глиняной посуды, а то и изрубленные человеческие скелеты – отголоски неспокойной истории этих краёв. Позади сплошным огнём светился город. Впереди лежало Дикое Поле – так город называл огромную свалку. Наезженная колея матово проступала между смрадных куч, которые сбрасывали, не довозя до разрешённого складирования мусора.

– Здесь меня вряд ли кто будет искать. Сейчас сентябрь. Осень переживу, а там, может быть, всё забудется, – наивно думал он.

Взобравшись на пригорок, Андрей впереди увидел костёр.

– Пастухи, наверное. В ночном. Можно попроситься к ним! – подумал он, вспомнив пересказ учителя тургеневских рассказов. Сам же не очень любил читать.

Но когда взгляделся и при свете взошедшей луны различил огромные кучи мусора, в осколках стекла которого отражались

точки костра, понял, что кони в этом «поле» не могут жить. Послышалось далёкое рычание. Он оглянулся: со стороны дороги шло несколько собак. За дорогой оставалась прошлая жизнь.

Андрей побежал, мокрый мешок больно бил по спине доньями бутылок. Псы, приняв его за добычу, побежали следом. Ведь с детства все мальчишки знали, что нельзя убегать от любого зверя! Почувяв слабинку противника, он обязательно побежит вслед. Впереди, с правой стороны, совсем близко послышалось рычание.

Костёр был уже рядом. Чёрные тени сидели вокруг яркого пламени. Из голов силуэтов выходил сигаретный дым, который в противоположность людям имел синий оттенок.

– А-а-а! Помогите! – закричал Андрей, когда сзади, совсем рядом, послышался задыхающийся рык. Он бросил мешок и облегченный устремился к пламени.

Одичавшие собаки никогда не лаяли, этим приближая себя к своим предкам – волкам. Они всё делали молча. Могли только рычать, выть и драться, особенно при дележке добычи. Колбасный дух остановил их, и они роем бросились к мешку.

От костра отделилась фигура человека. Похожая на палицу дубина медленно поднялась над головой. Раздался оглушительный человеческий крик. Собаки, словно споткнувшись о накаляющийся громкоголосый человеческий вопль, мигом смолкли и попятились от мешка, пахнущего едой. Навстречу Андрею, помахивая дубиной над головой, шёл огромный верзила.

– А ну стоять! Кто таков? – хриплый голос с примесью перегара прорычал в лицо.

– Дядя! Я Андрей! Спасите! Там мешок! В нём продукты и вино.

Эти слова услышали все. Человек с дубиной бросился на собачью стаю. Послышались тупые удары. Рёв человека смешался с собачьим воем. Будто из глубины костра повыскакивали люди. У каждого в руках была палка. Вскоре собачий стон превратился в неразборчивое поскуливание и очень быстро затих, отдаваясь далёким повизгиванием из темноты.

Первый мужчина поднял мешок. Подошёл к костру, поставил его на землю.

– Кто таков? Откуда? И не ершишь, говори!

- Андрей я. Из училища.
Послышались хриплые смешки.
– Студентик! Заблудился?

Вокруг костра начали усаживаться. Андрей заметил грузного мужчину с седой окладистой бородой, который даже не вставал гонять собак. Он полулежал на огромном матрасе и курил. Остальные продолжали бросать в сторону Андрея колкие шуточки.

– А что, паря, чистенький ты какой! Небось, маменька обувает, одевает? – спросил грязноватый парень с птичьим лицом и высоким заострённым черепом, из которого торчали редкие пепельно-ржавые волосы. Между худых небритых щёк выделялся чёрным провалом беззубый рот.

– Нет мамки у меня. И папки нет! – Андрей понял, что попал к бездомным бродягам, про которых иногда говорили в училище, будто они питаются человечиною неосторожных прохожих, забредающих в Дикое Поле.

– Ну, говори! Говори! Зачем? Зачем пришёл? Что? Что надо? Ты, Фусан, будешь «толочь черёмуху», быстро «наркоз введём», – скороговоркой, путано повизгивая, говорил вертлявый мальчишка, по виду самый молодой из группы. Он изо всех сил старался походить на блатного и щеголял перед старшими.

– А ну заглохните! – подал голос бородатый. – Подь сюда! – было видно, что он главенствует в этой разномастной команде.

Андрей подошёл.

– Что в мешке?

– Продукты и вино! – только успел Андрей произнести слово «вино», как наступила тишина. Даже костёр, кажется, притих, выбрасывая искры в ночь.

– Открой! – произнёс бородатый.

Андрей начал выкладывать содержимое поклажи. Когда первая бутылка с вином легла около костра, по толпе прошёл вздох. Андрей сразу превратился в «волхва, дарующего подарки».

Рядом с бутылками легли десять кружков колбасы, три коробки конфет и четыре банки консервов. Было видно, что некоторые из стоящих и сидящих здесь впервые видели такое богатство.

– Рассказывай! Всё рассказывай! И не думай сбрехать! Если соврёшь – сразу пойму! Оторву голову и дам в руки поиграть! – бородатый приподнял и показал Андрею увесистую дубину, которая лежала у правой ноги. На поясе у него висели ножи, из которых торчала красивая рукоять ножа.

Андрей и не думал что-либо утаивать. Его история, особенно об ограблении магазина и побеге, вызвала всеобщее одобрение. Заканчивая рассказ, он грустно произнёс: «Жаль! В доме много продуктов и вина осталось. Менты заберут!».

Вожак прореагировал мгновенно.

– Дохляк! Жмурый! Быстро по глотку вина и с пацаном к его хате канайте. Может, ментов сегодня не будет. И даже будут – они не должны всё забрать, ревизию к утру из магазина будут ждать. На рожон не лезьте. Оприходуєте хату и сюда быстро, – он обратился к беззубому худому парню и высокому черноволосому верзиле, у которого невымытые пряди спадали на давно нестиранный поношенный пиджак.

Услыхав наказ, Жмурый поднял бутылку, зубами сорвал пробку и припал жадным ртом. Дохляк тряс руками и твердил: «Оставь! Оставь!».

– На, добивай! – Жмурый оторвался от горлышка и вложил в тряскую руку Дохляка половину отпитой бутылки: – Не бойсь! Не обижу!

Остальная часть ждала команды.

– Ну, всё! Заправились? Вперёд! Да шевелите копытами! Без задержек! И если узнаю, что глушили по пути из припасов – посажу на кол! Будете у меня жрать пирожки с гвоздями целый месяц! Ясно? – скомандовал вожак.

– Понятно, Абакумыч! – ответил Дохляк. – Пошли, пацан!

Когда три силуэта утонули в темноте, Абакумыч крикнул в ночь: «Жмурый, возьми фомку. Если менты были – они, как пить дать, свой замок повесили!».

Новая добыча

К дому на Гончарке подходили огородами. В окнах горел свет, и ярче его вспыхивали блики фотовспышки. Они вылетали резкими снопами в ночь и, спотыкаясь о крону деревьев, высве-

чивали дрожащие листья. Гончарка, как всегда, затихала рано. Старые люди, уставшие от жизни, старались быстрее уйти в беспамятство сна. А молодёжь ещё не вернулась с попоек, гулянок и ночных набегов на далёкие магазины. Она соблюдала закон «не воруй у соседа!». А если кто уже и вернулся, при виде милицейской машины шаги становились тише дыхания кошки.

– Опоздали! – понуро сказал Андрей.

– Ша! Подождём! Как сказал Абакумыч, могут харч не забрать, – прошептал Жмурый и плотно приложил сухую коренастую ладонь на рот Андрея, – молчи, Щегол.

Из кустов вдруг выскочила собака и, поскуливая, бросилась к ногам Андрея. Он высвободился из твёрдой руки Жмурого и опустился на колено. Обнял пса и зашептал: «Тихо, Шнурок! Тихо!».

В это время отворилась дверь дома и во дворе появилась высокая фигура в милицейской форме.

– Сержант, опечатайте. Завтра утром возьмём людей из ограбленного магазина, пусть опознают и сделают ревизию, – скомандовал вышедший милиционер, этим подтверждая догадку вожака.

Из двери начали выходить люди в гражданской одежде.

Андрей дрожал. Жмурый опять зажал ему рот. Шептал: «Пусть уедут. Заберём остальное!».

Когда в милицейской машине зажегся свет, Андрей увидел на заднем сиденье мальчишку. Значит, кто-то из его друзей показал дом. Впрочем, он не осуждал никого, адрес всё равно был известен в училище. Теперь всё было сосредоточено на спасении. Пока своё избавление от ареста Андрей видел в Диком Поле, на которое пришёл с выкупом в виде вина и колбасы. Было видно, что у каждого жителя этих мест грехов на Земле было во сто крат больше, чем его кража. Сейчас они заберут остальные припасы, и Андрей автоматически станет своим в этой ватаге бродяг и воров. Он совершит повторную кражу уже украденных продуктов. «У кого теперь я ворую: у себя, у милиции или опять у государства? И если его поймают, как будет считаться кража? Второй или вторичной? А не всё ли равно? И как к этому отнесётся правосудие?». Мысли получались умные. Он почувствовал, что за один только сегодняшний день стал

взрослее. Не в биологическом смысле, как взрослеют обычные дети, а по какому-то другому принципу, который продиктовал сегодняшний случай! Андрей почему-то считал украденное своим и жестом благородного богача делился с бродягами, которые предоставят кров.

Замок на двери был другой. Между коробкой и дверью было наклеено несколько бумажек с печатями. Жмурый ковырнул замок небольшим ломиком и дёрнул за ручку. Три мешка стояли посредине комнаты. Андрей, стоя в проёме двери, произнёс: «Всё было под кроватью. Вытащили».

– Ну и что! Нам не нагибаться! – хохотнул Дохляк.

– Шевели копытами! – прикрикнул Жмурый. – Взяли по мешку и уходим.

На столе тикал будильник, время показывало три часа утра. Андрей кинул его в мешок, посмотрел на вешалку, где висело зимнее пальто, потянулся к нему рукой.

– Оставь мелочь. Этого добра у нас много. Подберём тебе самый модный гардероб. Не утяжеляй багаж, – сказал Жмурый, – уходим!

Тогда, в день ограбления, в порыве спешки и воровского азарта поклажа вообще не почувствовалась, а сейчас вес ощущался.

Шнурок завилал хвостом. Не только запах колбасы тянул его к Андрею. Собачья память держала в себе доброту этого парня, который часто кормил его. Он всегда спасался в его дворе от визгливых криков тёток и брошенных мальчишками камней.

– Твоя псина? – спросил Жмурый, указывая на бежавшего рядом Шнурка.

– Он общий. Но ко мне привык!

– Бери с собой, – произнёс Жмурый и ослабился.

– Шнурок, со мной! Рядом! – скомандовал Андрей. Взять с собой собаку он и сам хотел, но сомневался в её нужности. Теперь, если ему советовали, он с радостью согласился.

Собака, поняв команду, начала бегать кругами, путаясь под ногами.

– А ну сгинь, сволота! – Дохляк пнул пса. Тот тихо взвизгнул и спокойно засеменил рядом.

Вначале уходили огородами, где были проделаны бреши в изгородях. Канал обошли по узкому мостку и ушли в черноту

рощи. Андрей уверенно вёл группу по известным местам, да и Жмурому и Дохлому эти края были хорошо знакомы: они не привыкли ходить по проспектам и улицам. В этих куцах можно было бродить без опаски. Сюда даже днём не заглядывала милиция.

– Жмурый! – Дохляк заговорил заискивающе, – может, жажнем по глотку винца? Кто узнает? Малец молчать будет! Да, пацан?

– Заглохни! По тебе же нас Абакумыч и вычислит! – отозвался Жмурый грубо. – У тебя метла сразу развязывается. Потом ни глотка не даст, жратвы может лишить, а то и дубинкой приголубит. Придём скоро, нам за работу нальют добавки.

Ночь кончалась. Приходило сонное утро. Запутанный в травах росистый туман казался Андрею осадком от вчерашней усталости дня. Как будто вся суточная людская суматоха концентрировалась в молочные сгустки и оседала в травы. За ночь отстаивалась и утихала, впитываясь в сырость земли. Андрей не чувствовал сонливости, которая приходит под утро. Наверное, нервное напряжение и насыщенный событиями день не разрешали организму устать.

Посвящение

Жмурый, Дохляк и Андрей подошли к костру тихо. Добычу поставили к ногам главаря.

– Абакумыч! Всё сделали! Полный ажур! – доложил Дохляк.

Жмурого всегда коробило угодничество Дохляка, но он жил с ним в общей стае и открыто не возмущался.

Когда три мешка легли рядом, вожак поднял вверх полусогнутый палец. Властно скомандовал: «Откройте!».

Каждый начал вынимать содержимое из своего мешка. К припасам из первого мешка легли 15 бутылок вина, колбаса, консервы и диковинные коробки с шоколадными конфетами.

– Сирота! – Абакумыч позвал хранителя общака, – оставь пять бутылок вина и пять колбас. Остальное в склад. Здесь половина Пацана. В склад! Понял?

– Какие проблемы? Понял! – ответил вынырнувший из

темноты плотный парень, в отличие от других довольно прилично одетый.

– Абакумыч, на халяву поболее бы винца, – слышалось из толпы.

– Это не халява. Пацана доля. Пацан работал! – строго сказал вожак. – Пусть Пацан распоряжается.

– Да мне что! Я отдаю долю. Всю отдаю. Гуляем! – по-другому Андрей и не думал поступать. Теперь он в семье. В семье, состоящей из людей, не имеющих семьи.

Толпа радостно загудела.

– Свой кореш! Молоток, Пацан! С нами не пропадёшь! Пацан прав! – слышались голоса, так легко добывшие лишний глоток вина.

Андрей догадался, что кличка Пацан теперь будет его именем. Она ему нравилась. Не то, что Дохлак. Пацан – это уже по-настоящему. А так звали не всех.

Андрею налили первому. Он понял – так было заведено! Добытчик имел право первого стакана. Абакумыч как «капитан» выпивал последний.

Разливал вино щуплый мужчина неопределённого возраста по кличке Моргун. Его тусклые воспалённые глаза с опухшими веками постоянно моргали. В них даже не успевали отражаться всполохи костра. Паучьи ладони плотно обхватили бутылку. Он резко опрокидывал ёмкость горлышком вниз, держал мгновение и резко поднимал. Эта виртуозность была давно оценена на просторах Дикого Поля, и Моргун оставался главным виночерпием.

Люди, которые пили ежедневно больше, чем ели, пьянели быстро. Утренний восход постепенно разжижал ночь. Вначале засветлелся восток за дымными мусорными кучами, которые тлели всегда в своей выпотрошенной глубине. Почти прозрачный тонкий дым, пахнувший крематорной горечью, выползал через грязь и уходил в светлеющее небо.

Вожак оставался в недвижимой позе. Он постоянно курил и поглядывал исподлобья на загулявших подданных. Абакумыч хмелел, но вида не показывал. Он смотрел на Андрея, и ему становилось страшно, что ещё один маленький человечек попал в их стаю, откуда трудно уйти. Ему хотелось, чтобы он ушёл,

пока его не засосала жизнь, которую жизнью не назовёшь. Абакумыч думал, как помочь пацану не втянуться в ложную вольность.

– А ну подь ко мне! – Абакумыч подозвал Андрея, – сядь рядом. Скажи, есть дружки надёжные, чтоб тебе схорониться на время? Только чтобы жили не в «Гончарке». Лучше где-нибудь в соседнем селе или другом городе.

– Все кореша, самые лучшие, в «Гончарке». Других нет.

– Про родственников не спрашиваю. Даже если и имеются. Нельзя. Искать в первую очередь будут у них. К воровской братве отправлять тебя не хочу. Сам ушёл от них. Они тебя быстро премудростям научат. Зона станет твоим домом. Или сам хочешь к ворам?

– Н-нет! Не хочу к ворам. Я и так уже – вор!

– Ты не вор! Ты – воришка. Щегол! Это разные вещи. Можешь ещё легко не стать вором, – Абакумыч повернулся на матрасе, поправил на коленях облезлый полушубок и крикнул в сторону костра:

– Моргун! Плесни нам по стакану!

Виночерпий с готовностью наполнил два стакана и поднёс жожаку.

– Давай, Андрюха, выпьем, чтобы ты не стал вором!

Толпа, наблюдавшая за сценой, понимала, что Абакумыч не зря выпивает с Пацаном. Значит, что-то замышляет. О чём думал жожек, никто никогда из стаи не мог предугадать. Был Абакумыч умным, дерзким и жестоким. Но справедливость стояла у него на первом месте. Никто никогда не мог уличить жожака в лишнем куске хлеба или глотке вина, которые позволил бы себе «король свалки».

– Пей, Пацан! Пей! С Абакумычем выпить многие хотят, но он не со всеми пьёт! – грех с души, значит, снять! Возложу его на себя. Ибо их во мне столько, что один-два грешка сошедшего с пути пацана возьму – незаметно будет. Замолить сотнями жизней не получится, – жожек вдруг разоткровенничался с Андреем, – за моей жизнью – грабежи, разбой и жизнь человечья.

От выпитого вина захотелось спать. Бессонная ночь добавила дремотной тяжести. Андрей силился не уронить голову. Но Абакумыч заметил сонность Андрея и сказал:

– Иди туда и ляг! Там лежбище общее! – и махнул рукой за соседнюю мусорную кучу, где в утреннем прояснении виднелись картонные стены пристанища.

Сыроватый матрац показался Андрею мягче детской люльки. Сон мгновенно завладел телом. Без сновидений, тяжело и беспробудно уснул молодой вор.

Абакумыч

Андрей впоследствии сделал себе пристанище. Внутри навозной кучи вырыл пещеру, обложил её толстым картоном и спал в ней вместе со Шнурком. Тепло от перегноя исходило постоянно, и он знал, что и зимой он в нём не замёрзнет.

Словно пропущенные через копировальный станок, потянулись блеклые дни существования. Распределением дневных обязанностей занимался Абакумыч. Он, как на хорошо отлаженном предприятии, распределял поутру роли на день, будто выпуская своих актёров играть придуманные сцены на арене «театра падших». Далеко Андрея не отпускал. Когда кончились припасы из мешков, Абакумыч сказал:

– С завтрашнего дня выходи на промысел, здесь на халяву не живут. Добывай, как сумеешь. И запомни, если хороший куш сорвёшь, значит, и в общаг кинешь по понятиям. Утаишь, всё равно узнаю и накажу. Наказываю больно. Запомни, Пацан. Пока не поздно, можешь уйти. Я отпускаю. В любое время можешь уйти. Хочешь жить честно с теми людьми – иди и живи. Я не неволю! Отсидишь срок, выйдешь на волю и живи честно!

Андрей уходить не хотел. Город искал маленького преступника. Его могли опознать. И поэтому задание Абакумыча было поставлено простое: шуровать мусорные кучи.

Мусоровозы начинали приходиться из города с утра. Андрей со Шнурком караулили машины у въезда к свалке, потому что никто не знал, куда она поедет. Бежали за ней до того места, где из синего кузова начнут сыпаться отходы...

Еды первое время не находил. Андрей сделал из толстой проволоки крюк. На вываленную кучу со всех сторон набрасывались люди. Каждый обрабатывал свою часть. Драк здесь не было – всё более-менее ценное складировалось на общей

площадке и делилось. Только съестное не распределялось. То, что могло утолить голод, поглощалось тут же. За утаенную дорогую вещь, особенно деньги и золото, которое попадалось не так уж и редко, Абакумыч наказывал жестоко: битьё увесистой палкой считалось «лёгким поглаживанием».

Все заметили, что главарь приблизил к себе Андрея. Была ли это какая задумка старого острожника или проснулись отцовские чувства в пустой душе пропитого тела – никто не знал. Да и сам Абакумыч не понимал, чем притянул его этот сирота.

Он часто приглашал Андрея к своему лежбищу и рассказывал ему о своей жизни, стараясь придать к ней отвращение. Но Андрея не интересовали подробности ночных налётов на магазины и сберкассы, он восхищался живучестью рассказчика. То, что, пройдя почти сорок лет ссылок и лагерей, Абакумыч не потерял человеческого облика, было удивительно.

Как-то главарь позвал Моргуну и попросил принести бутылку вина. После того как выпили по стакану липкой жидкости, Абакумыч начал рассказ: « Жизнь моя, Андрюха, просочилась, как вода сквозь пальцы. Мне уже шестьдесят лет, а вроде и не жил я. Рос, словно куст репья среди колосьев пшеницы, всё ждал, когда меня вырвут, как гадкий сорняк, и бросят на свалку. В итоге так и случилось. Как падаль мы все здесь. Облеплены мухами, и нет сил согнать их даже с лица, чтобы лики свои человечьи открыть – показать, что обличье имеем людское. Даже и откроем лица – кому показывать их? Таким же, как мы?»

– А семья была у Вас? – спросил Андрей.

Абакумыч чуть опустил плечи. Видно, вопрос Андрея прозвучал для него столь неожиданно, что сильный главарь как-то сник. Он начал издали: «Я по-настоящему даже не любил никогда. Не знакомо мне это чувство, а может, и было оно, но с чем сравнить его, не знаю. Была всякая шваль. Грязные девки, за стакан сивухи готовые отдать своё тело на растерзание. Не было ничего чистого. Да и не знаю я её – чистоту. Как она выглядит – не знаю. Для меня сказать: «Что такое чистота» – это как слепцу от рождения объяснить, что такое свет. Единственные, от всех отличимые воспоминания остались от одного случая, но после него у меня особый счёт к бабьему полу. Встретил однажды женщину, скорее она меня, под Оренбургом. Был я там

на поселении. Заканчивался у меня срок. Работал на кирпичном заводе. Учётчицей у нас была Валентина – молодая, красивая. Все удивлялись, почему именно её поставили к нам, энкам. Можно было всяких грехов ожидать – работали мужики, за плечами у которых было срока не менее пяти лет колоний. Валентина была одинокой, имела большой огород. Отпросила она как-то у начальства меня, чтобы помог ей по весне огород вскопать. Пошли мы с ней. Справился я с работой до обеда – собрался уходить, чтобы к проверке успеть. Но она сказала, что начальство разрешило мне остаться у неё. Поставила бутылку на стол. Выпили, закусили. Мне было всё это как из другой жизни – дом, накрытый стол, женщина рядом. Остался я у неё ночевать. Это была единственная такая ночь за всю мою торопливую жизнь. Утром лежал на белой подушке, рядом с женщиной, которая даже пахла незнакомо, и думал: «Вот же счастье привалило: ни конвоя, ни колючки, ни решёток. Рядом тёплая женщина – ведь есть же этакая жизнь». Поклялся, что это мой последний срок. Оставалось мне поселения всего две недели, и я строил радужные мечты, что никуда не поеду отсюда, а останусь с Валентиной. Меня аж распирало от будущего счастья.

Но не один я предавался красивым мечтам на Валентиной кровати. Ведь огород нужно было копать каждый год, затем поливать и убирать урожай. Валентина этого сама не делала. Когда я вернулся утром на работу, меня сразу послали месить бетон. Ко мне подошёл Васька из наших, но из другой бригады. Мы были с ним мало знакомы. Остановился рядом: взгляд волчий, кожу на лбу собрал в вертикальную морщину, сплюнул густо.

– Ну что? Как Валюшино тело? Понравилось?

Вспомнил я, что он прошедшей зимой у неё сгребал снег с крыши.

– Тебе разница есть? Вали отсюда!

Васька вытащил нож. Я мешал бетон в это время. Лопата была в руках. В аккурат по виску Ваське удар пришёлся. Забрызгал я ему голову жидким цементом. Лежит он, а сквозь бетонную жижу кровь пробивается. Капает. И последние десять лет, что за убитого Ваську дали, эта струйка душу мне резала».

Абакумыч задумался, не глядя, по звуку, налил полный стакан вина – выпил. Андрей представил себе состояние почти

вольного человека, которому вместо того чтобы получить свободу – поворачиваться лицом к лагерным воротам и заходить в них опять, на десять лет «несвободы», и ему стало страшно.

– Наговорил я тебе сегодня... Но Абакумыч не сломлен. Здоровья во мне лет на двадцать ещё хватит, если ножичком кто не полоснёт. Спать куда пойдёшь? Опять в навоз? Ну, иди. Абакумыч ещё покурит.

В преддверии зимы

Осень уже кончалась, и жители готовились к ненавистой поре. Дожди прошли быстро – густые и долгие.

У каждого постояльца Дикого Поля была тайная мечта – вернуться назад, в прошлое. У всех когда-то были дом, тепло и мама. Но даже иссушённые сивухой мозги осознали, что возврата нет. А вперёд никто не смотрел. Исход жизни был одинаков: кому-то везло умереть от удара ножа или дубины, чаще кончины ждали в полном сознании. В это время никто рядом не находился. Умиравший укладывался в «катафалк» – так называли место, отгороженное коробками. Оно находилось недалеко от основного лежбища. Ставили бутылку с водой. Обречённые не ели хлеба. Дышали они в предсмертии жадно, будто запасаясь воздухом на весь период небытия. Трупы не хоронили. Зарывали в отдалённые мусорные дымящие кучи и забывали. Медленный огонь, который жил внутри, довершал пребывание человека на Земле.

Битые в чужих подъездах, где хотели согреться; вытолканные из общественного транспорта, на котором желали ехать; отхлёстанные веником уборщицы в столовой, где желали взять хлеба со стола – это только усиливало нежелание жить среди нормальных людей. Они могли только воровать. Воровать везде и всегда. Тихо, подло, омерзительно – всё равно руки «грязнее» не будут. Ведь они испытали уже таинство чужих карманов, липкость не своих денег, тайный блуд и презрение подобных себе. Лучше украсть, чем просить!

Зима всегда укорачивала жизнь многих: холод и трудности в добывании пищи легко сокращали население. Заснувшие в пьяном беспамятстве, как обычно, забывали подновить костёр

или сползшие одеяла давали властвовать морозу, который к восходу солнца превращал ещё вчера тёплых людей в звонкие трупы каменной твёрдости.

Андрей ложился спать, обнимая Шнурка, и проваливался в сон, словно падал в мягкие отруби, как когда-то на кровать, застеленную мамкой. Они ложились рано, долго слушая пьяные разговоры, иногда переходящие в крик и мат. Потом слышался спокойный голос Абакумыча, и всё стихало. К зиме жители свалки выстроили небольшие клетки из картона, покрыв их тряпьем, старыми одеялами и травой. У многих в жилище стояли старые аккумуляторы, найденные на свалке и державшие в себе небольшое напряжение, способное раскалить самодельную спираль. Или спирали прикасались к вороху одеял, или зажжённая сигарета выпадала из уснувшего рта, но пожары случались часто. Живые люди горели страшно. Рёв обречённых долго метался над смёрзшими кучами, уходил вверх к чёрному небу. Андрей вскакивал и бежал спасать. Но огонь и ядовитый дым успевали сделать своё дело быстрее, чем приходила помощь... Трупы зарывали на окраине свалки, где постоянно шёл внутренний пожар. Огонь медленно тлел внутри, превращая в шёлковый пепел всё, что попадалось на его пути. От человеческих останков через несколько дней оставалась не отличимая от другого сгоревшего мусора чёрная рыхлая масса.

Образ жизни и окружение подтесали Андрея под себя. Очистили память от прошлого, заставили жить настоящим: без еды, без кино, без чистоты и любви.

Наступило голодное время. Все ждали Нового года. Захватывающие рассказы о недоеденных утках и индюках, найденных в мусорных баках, будоражили пустые желудки. Моргун явно с долей фантазии рассказывал, как нашёл около свалки целую батарею недопитых бутылок, а Жмурый бахвалился, что на праздник будет промышлять, грабя «мутных». Абакумыч спокойно выслушивал пустую болтовню своих приближённых и говорил:

– Елку нарядим. Здесь! – указал на место, рядом с костром, – Дохляк, ты будешь Снегурочкой.

– Ты что, Абакумыч?! Лишу себя жизни, чем в бабье пла-

тье оденуть! – Дохляк резанул себя по горлу, будто тренируясь перед совершением акта самоубийства.

– Что, испугался? Это тебе я припоминаю за прошлый Новый год, когда ты скрысятничал добычу. Помнишь, падла, пришёл кривой и плохо спрятал два пузыря?

– Да я просто забыл по пьяне!

– Ты знаешь! Даже суд не даёт снисхождения, если ты совершил преступление в пьяном виде!

– Абакумыч, каюсь, искуплю. Только в бабье платье не наряжай.

– Ладно, верю. Всем говорю – добычу к празднику несите хорошую. От пацанских запасов осталась лишь эта интеллигентная жратва – конфеты, да заначка была ещё. Гульнуть надо хорошо. Не за Новый год будем пить, а за то, что выжили в старом. Все поняли?

– Понятно, Абакумыч! – отозвалось несколько голосов.

Праздник

Пластмассовая ёлка, найденная на свалке неизвестно кем и когда, была ободранной, кучей и тонкой. Но всевозможные цветные побрякушки, детские игрушки и обрывки разномастных тряпок сделали её похожей на праздничное украшение. Блики от пламени костра светились в алюминиевых тарелочках и кусочках фольги. На верхушку искусственного дерева была надета бутылка с отбитым дном. Острые зубцы зелёного стекла напоминали корону Кощея Бессмертного. Боковые грани склонов особенно сильно отражали отблеск огня, и они смотрелись огранёнными бриллиантами. Эта бутафория праздника многим напомнила детство, покой, дом и ожидание перемен. Но это были лишь мгновения пьяной эйфории. Отрезвление возвращало в реальность постыдного, последнего существования. Следующий год для многих будет последним...

Развели три костра. Между ними соорудили стол из ящиков. Покрыли его кусками картона и газет. Весь запас алкоголя Абакумыч держал возле себя, не желая сей ценный продукт выставлять на общее обозрение жаждущей толпы. Андрей впервые за время пребывания в Диком Поле увидел такое оби-

лие продуктов. Несколько коробок шоколадных конфет из его запасов лежали во главе стола. Украденных, скорее всего, из дачных погребов консервированных овощей было в изобилии. Печёная в костре картошка с маринованными помидорами могла быть украшением не только импровизированного стола бездомного сброда, но и любой группы вполне приличного общества, пожелавшей провести время на природе. Каждый сидел возле своей посуды. Богатый стол не так радовал закуской, как предвкушением обильной выпивки – единственного удовольствия, которое создавало иллюзию радости жизни.

Наступление Нового года ждали, поглядывая на далёкий город, который мерцающей полосой счастливых фонарей виднелся вдали. Даже Абакумыч не носил часов, и поэтому ждали первых салютов.

Они рванули неожиданно, будто все фонари города разом прыгнули вверх.

– Банкуй! – голос Абакумыча прозвучал приказом для Моргуна.

Засуетились, задвигались тела сидящих на корточках. Сейчас. Сейчас начнут вырастать крылья. Ангелы вернутся к покинутым душам, согреют сердца, проснётся дремотная любовь к ближнему. Только совесть не будет возвращаться – она похоронена давно. Её место занято наглым стремлением – выжить любой ценой.

Во время тоста, который сказал Абакумыч, никто не встал. Над полосой города, который виднелся яркими точками упавших в кучу звёзд, всё летели и летели яркие ракеты. Будто люди из другой жизни подбрасывали вверх своё счастье и радость. Барьер года миновал. В тишине некоторые даже услышали, что на окраине слышались крики «Ура!». Два разных мира, живших на одной Земле, встретили общий праздник.

К закуске мало кто тянулся, все знали, что голодный желудок быстрее опьянит тело. Мёрзла на столе печёная картошка, и даже помидорный рассол покрывался тонкими острыми льдинками.

Андрей сидел рядом со Шнурком. Их связывала необходимость быть вместе. Пьянели все быстро. Когда костёр затухал, Абакумыч, не подававший признаков опьянения,

кричал кому-нибудь из приближённых, и охапка заготовленных заранее обломков ящиков летела в умирающий огонь. Похожий на салют снап искр взлетал, освещая серые лица. Гримасы губ не были похожи на улыбки. В глазах не отражался огонь, только из глубины зрачков выходила матовая освещённость, как у фосфорных бус.

– Завтра не отдыхать. Но я не неволю – кто не хочет идти на промысел – не идите. Самый день, когда начнут недоеденное выносить, – Абакумыч давал распоряжения, хотя сам он никогда не ел объедки. Всегда ждал, что кто-то принесёт чистый харч. И каждый старался угодить жожаку.

Ночь, будто подыгрывая празднику, сбавила морозность. Распаренные алкоголем тела жителей Дикого Поля уже не ощущали холода. Выпито было много, но каждый знал, что будет до обессиливания рук поднимать стакан. И даже предрешение «Выпьешь – умрёшь!» не остановит последний глоток.

Смерть Росомахи

К концу зимы население Дикого Поля сократилось. Естественный отбор шёл своим чередом. Весна принесла общую радость – тепло. Хотя снег ещё лежал на холодной мёртвой земле, но вера в выживание была сильнее увядающих морозов.

Костёр пугал ночь и холод. Старый вор Росомаха уже не в силах дотянуться до стакана, приняв посуду из рук Моргуна, прохрипел, обращаясь к Абакумычу:

– Всё, Абакум. Славно я покуролесил в жизни. Отгулял. Отпил. Чую, кранты мне пришли. Лягу сегодня в «катафалк». Водички поставьте. К утру не представлюсь – винца подашь.

– Лады, Росомаха! – главарь ответил так, будто его старый кореш уходил за покупками в магазин.

Люди на Диком Поле привыкли к уходу живых, будто к утренним свежим заморозкам, которые ещё касались весны и по утрам покрывали землю белой нежностью.

«Катафалк» находился недалеко от лежбища Андрея, и он утром, выпустив Шнурка, подошёл к Росомахе. Тот лежал под грудой тряпья. На его лице не было инея. Он приоткрыл глаза.

Будто своими морщинистыми веками поднимал своё тяжкое время, прожитое им за семьдесят лет, в которые уместились беспризорничество, воровские притоны, ходки в лагерь, война, штрафная рота, ранение, Победа, опять лагерь, «Сучья война» на зоне, свобода, малины, большие деньги, снова лагерь и как венец – нищета и прозябание среди смрада и мусора.

– Подойди! – прохрипел вор и с усилием согнул чёрный палец на застывшей руке, которая лежала поверх тряпья.

Андрей сделал шаг и остановился.

– Громко не могу говорить, подойди поближе, чтобы слышать меня.

Подбежал Шнурок и потёрся о ногу Андрея.

– Собаки – они вернее людей. Запомни. Они никогда не предадут. Люди – мразь. Не все, конечно. А псы – это ангелы с собачьими головами. Береги пса.

– А что его беречь? У него врагов нет.

– Это ты так думаешь. Врагов нет, но есть голодные люди, для которых даже мясо своего собрата будет в угодую. Я знавал времена, когда многодетные отцы убивали своего одного ребёнка, чтобы спасти от голода остальных. Вроде шли против божьей заповеди «Не убий», а с другой стороны – спасали другие жизни. Это необъяснимо и страшно – жестокостью и убийством спасать других. И из-за этого садились в лагерь, где с ними поступали так же, – Росомаха шевельнул пальцем, – иди, скажи Абакуму, пусть Моргун винца принесёт.

Абакумыч сам принёс бутылку. Налил стакан и поднёс умирающему. Вино втекло в холодный, сведённый судорогой полуоткрытый рот.

– Ну, славно. Всё... – прошептал Росомаха. Тело его вытянулось, плечи прижались ближе к земле, и уже из мёртвого рта вылетел вздох облегчения.

Обратное бегство

– Шнурок! Шнурок! – Андрей бегал между снежных бугров и звал друга.

В воздухе стояла чистая изморозь. Запах свалки был вморожен сам в себя и затаился. Издалека ветер донёс привкус

забытого наваристого бульона. Андрей увидел синеватые, почти прозрачные струи дыма, которые поднимались за кучами белых холмиков. Он взглянул на два следа, которые уходили к нему, и пошёл по ним. На границе свалки, там, где начиналась полоса голых чёрных кустов, на валуне, спиной к нему сидел Жмурый, а Дохляк ковырял палкой в костре. В умирающем снегу лежали две бутылки дешёвого вина. На двух кирпичач стояла небольшая кастрюля, от которой исходил дразнящий и манящий запах забытой еды. Андрей уже хотел спросить про Шнурка и вдруг его будто окунули в прорубь. Жмурый сидел на... шкуре его друга. Дохляк увидел Андрея, сразу смяк, на корточках попятился назад, выставив вперёд палку, будто хотел ею защититься. Жмурый оглянулся.

– Ну, подходи, подходи – пообедай своим дружком! Угостим! – Жмурый ослабил, обнажив кривые коричневые зубы.

Андрей стоял и смотрел на три вещи: лица Дохляка, Жмурого и рыжую шкуру Шнурка. В этот момент он перестал быть мальчишкой. Какая-то взрослая сила – яростная, злая и дерзкая, бросила его вперёд. Он подскочил к костру. Схватил горячую кастрюлю и выплеснул варево в лицо Жмурому. Дохляк не успел увернуться, и закопчённое дно плотно легло на его щеку. От рёва Жмурого с далёких голых тополей взлетели вороны и заматались в пустом небе, пугаясь непонятного, ломающего тишину звука. Андрей ещё несколько раз ударил Дохляка кастрюлей по лицу и побежал. Ошпаренный Жмурый, растопырив крючковатые руки, ревел, ему вторил с повизгиванием Дохляк. В их вопле не было ничего человеческого. Только звериные, бессвязные звуки, в которых булькали боль, ненависть и злость.

Андрей побежал в направлении города. Второго места, где можно было скрыться, у него не было. Дикое Поле не помогло спастись ему от наказания – здесь он познал ещё большую жестокость. Более полугода нестиранная одежда не трепыхалась, а была похожа на негнущееся кожаное одеяние.

За дорогой начинались дома. Андрей хотел представить тепло и домашний уют, но этого у него не получалось. Словно малая по размеру одежда не подходила к выросшему телу, так и думы про комнатную чистоту и накрытый стол не жела-

ли мечтаться. Он даже не оглянулся, не бросил прощального взгляда на Дикое Поле, приютившее его на половину года. По матери и отцу так не свербило в душе, как увиденная смерть маленького Шнурка.

Повзрослевшим умом Андрей думал: «Ведь и Жмурый, и Дохляк когда-то были маленькими детьми. Они ведь тоже любили сдувать с одуванчиков пух и гладить маленьких собачек. Из какого грязного ушата их облили нечистотами жестокости? Почему доброта иссыкает с годами? А у других, наоборот, накапливается...»

Андрей не заметил, что подошёл к своему дому. Дверь скособолено висела на одной петле. Мебели в комнатах не было. В углу лежала куча мусора из незнакомых тряпок, битых бутылок и рваной, не его, обуви. Через окно без стёкол намело небольшой сугроб, который казался слишком чистым среди убогости и покинутости бывшего дома. Он постоял немного, подышал незнакомым, чуждым и кислым запахом, который не перебил даже холод, резко повернулся и пошел. Он уже чётко знал, куда идти.

Отделение милиции было не очень далеко, и Андрей радовался, что не встретил знакомых. Открыл дверь, подошёл к дежурному милиционеру и громко сказал:

– Здравствуйте! Я – вор!

Николай ТРУХАНОВ

ВОТ ТАКОЙ СЛУЧАЙ

Рассказ

*Нашёл, да не объявил,
всё равно, что утаил.
(Народная пословица)*

Очнулся Борька от привычных звуков на кухне – жена готовила завтрак и собирала ему «тормозок» на работу. Обычно она делала это тихо, но сегодня гремела посудой, кажется, изо всех сил... Голова болела до невозможности из-за этого грохота... Да ещё на рыбалке вчера перебрал. Здорово перебрал.

«Зачем я вчера так напился? Ведь думал: немножко выпью, и всё. Обещал же Татьяне, - думал Борис. – Как ей теперь в глаза смотреть? С другой стороны, мог ли он отказываться, когда у костра со всех сторон: «Ты что, Борька, не с нами, что ли?», «Не уважаешь нас?!» или «Давай, Борька, за хорошую рыбалку!», «Чтоб рыба ловилась большая и очень большая!». А потом ещё и ещё... Теперь и не помню, как ловили... Да и ловили ли вообще. Рыбы-то я хоть домой принёс? Не помню... Не хотел ведь пить, не хотел! Но когда уговаривать начинают, а потом и наседать... Силы воли у меня нет, вот что! – он вздохнул, жалея себя. – Жизнь не задалась у меня! Всё «Борька», да «Борька» – таким уродился, видимо. Да ещё и фамилия досталась жалкая какая-то – Букашкин. Давно хотел сменить её, да всё не решаюсь».

В детстве он был не слабее сверстников, но его губила застенчивость, даже робость. Чего-то всё время стеснялся. Поэтому и поколачивали частенько, а сдачи он не решался дать.

Даже когда его явно с намёком на парнокопытное животное звали: «Боря, Боря, Боря», не смел обидчикам достойно ответить. Только улыбался как-то виновато. Потом, когда подрос, его стали звать просто «Борька». Видимо, для компенсации природа наделила его и ростом, и большими синими глазами, и густыми волнистыми волосами – девчонки засматривались. И за это ему тоже синяки доставались.

За робость свою он рассчитываться тем, что его заставляли делать самое чёрное, самое грязное. В армии был безответным солдатиком, покорно выполнявшим все прихоти старослужащих: «Борька, принеси мне из столовой пайку» или «Борька, убери здесь после нас» – это когда они после отбоя выпивали в коптёрке. Да и на последнем году службы он был всё тем же Борькой. И на гражданке... Даже для жены он был Борькой – уж и не помнил, когда она звал его просто Борей, а тем более Боренькой. Да, наверное, и не заслуживал он другого, хотя и в годах уже был, да и умельцем, каких поискать. Много умел, много знал о дереве – где какое можно использовать, как и чем обработать. Да и с металлом мог, и по электричеству... И сантехнику мог смонтировать не хуже профессионала. В общем, мастером был... Не то чтобы мастером, а просто любое дело делал аккуратно, ровненько да ладненько, на совесть. По-другому просто не умел.

Одеваясь, он понимал, что будет ему сейчас от жены по первое число. А жена – женщина крутая. Когда женился, она тростиночкой была, а с годами поздоровела, покрупнела Татьяна, силой какой-то бабьей налилась. Даже раньше Борька не смел повысить голос на неё, а уж замахнуться... Теперь тем более...

С головной болью и нитьём во всём теле приоткрыл дверь из спальни. По запаху понял, что жарит Татьяна котлеты.

«Вот ведь встала пораньше, мясо промолоча, а я... – сочувливо подумал Борька. – Это мне нужно было вчера фарш подготовить».

Да, хорошая жена ему досталась, заботливая. Прижми-стая только. На сигареты даёт, конечно, но такую мину скорчит... А на пиво Борька и не просит – так рыкнет, что всякая охота пропадала. Ну и когда что-то не по ней – ворчать начинает. Но поворчит, поскрипит, да и...

«Может слинять потихоньку сразу на работу. Но рожа у меня, – он посмотрел в зеркало, где на него глянуло затёкшими глазками небритое, опухшее лицо. – Да и голова болит – сил нет! Мне бы по дороге на работу пивка выпить. Нет лучшего лекарства. Денег только у Татьяны попросить придётся. А там, что бы ни сказала она, права будет. Что ж, потерплю», – он опять вздохнул.

– Танюшечка, чем это у нас так вкусно пахнет? Что ты такое вкусненькое приготовила мне на завтрак и на обед тоже? – попытался Борька подмазаться к жене.

– Подлизываешься? Ну, ты и «красивый» вчера припёрся! Посмотрел бы на себя! Свалился под дверью, а мне пришлось тебя в квартиру затаскивать. Перед соседями совестно! Рыбы привёз он! Замороженную и даже с чеком!

– Как с чеком? – сначала удивился Борька, а потом понял: «Вот гады, такую подлянку мне подкинули!».

– С каким чеком?! На, смотри, – она ткнула ему бумажку. – На рыбалку они ездят! – продолжала ругаться Татьяна. – Водку жрать только! Тебе самому не стыдно?

– Танечка, Танюшенька, ну виноват! Прости меня, пожалуйста! В последний раз! Мы должны были на моей машине ехать, тогда бы я и капли в рот не взял. Но у нашего «Москвича» резина лысая. Вот и поехали на Серёгиной. А там мужики уговорили выпить за улов. Чуть-чуть.

– Чуть-чуть! Ух, как дала бы тебе, – она замахнулась сковородкой.

– Ну что ты, ведь не алкаш я какой-нибудь, – инстинктивно прикрываясь рукой, жалобно оправдывался Борис. – Это же не так уж часто бывает. Не каждый же день.

– Тогда бы я вообще тебя в дом не пустила! Пьянствуешь, а в доме дел не впроворот!

– Ну, ты скажи, что нужно, я сделаю.

– А сам не можешь догадаться? Вечно тебя толкать надо, с дивана сам не поднимаешься!

– Я же устаю на работе!

Препирались долго, пока завтракали. И всё не решался Борька попросить денег. А намёка Татьяна, кажется, не поняла. Вот если даст на резину, то там и на пиво тоже хватит.

– Тань, мне нужно шины поменять на машине. Ты бы выделила...

– Да ты что, денег осталось только-только до полочки! Получишь, отложу немного. Сколько там тебе надо? Раза за три-четыре наберётся.

– А до этого меня гаишники штрафовать будут.

– Пешком походишь! – Борька понял, что жена денег не даст. Даже на сигареты. Тем более на пиво. Всё же попробовал ещё раз:

– Ну, хоть на сигареты дай, достань из своей заначки. Ведь где-нибудь припрятано, а?

Зря он это сказал. Жена буквально взорвалась – очень уж зла была на Бориса.

– На, на, ищи! – она стала хватать банки с полок и швырять их на стол. – Ищи, ищи! Поковыряйся, может, там, на дне в рисе! Или в гречке! А то в пакете с вермишелью! Или в муке!

Напуганный этим раздражением, Борька поспешно выскокчил в прихожую. Торопясь, надел куртку, в сердцах швырнул на пол тубель, у которого отстала подошва – видимо, запнулся вчера. На глаза не попадалось ничего, чтобы можно было надеть. Открыл дверцу шкафчика, стал перебирать обувь: комнатные тапочки, летние босоножки, а в самой глубине – старые зимние сапоги Татьяны... Она вообще была очень экономной – носенную обувь долго не выбрасывала, по многу раз отдавала в ремонт, и только если уж совсем...

«Не хранит ли она заначку где-нибудь здесь? – глупая мысль пришла ему в голову. – Не может быть, чтоб у неё не было заначки. Вполне могла припрятать».

Запустив руку внутрь одного сапога, Борька в глубине нащупал бумагу – обычно газетой жена набивала обувь, чтобы просыхала и не теряла форму. Засунув всё обратно, он взялся за второй сапог. Этот был набит до самого верха. Борис потянул бумагу... Оказалось – свёрток. А в свёртке... Мать честная – деньги! Много денег! Наверное, тысяч сто. Или даже больше!

Внутри у Борьки как будто что-то рвануло, и он зарычал:

– Татьяна! Ну-ка иди сюда! Иди... – и добавил слово, какое только у него пьяного вырывалось и то только среди мужиков.

В дверях появилась жена, и её фигура не предвещала для мужа ничего хорошего. Но это был не тот случай!

– Так говоришь: денег нет! – зловеще, шипящим голосом начал Борька. – А у самой значено... Сколько здесь? Признавайся, сколько скопила! У машины колёса лысые, а ты «Денег нет!». Да ты..! Да ты..! Нет у неё денег! Значки у неё нет! Мне на сигареты по десятке даёшь, а у самой тысячи спрятаны!

Татьяна, вмиг потеряв грозный вид, оторопело смотрела то на Бориса, то на пачки денег в его руках.

– Что молчишь? Сказать нечего! – и заорал. – Откуда деньги? Сколько здесь припрятала? Говори!

– Боренька, я не знаю, что это? – чуть не плача, жалобно проговорила Татьяна.

– Не знаешь! – кричал Борька. – Не знает она! А почему они спрятаны в твоём старом сапоге? Кто, кроме тебя, их туда мог засунуть?!

– Боря... Боря, может быть... Славик принёс, припрятал на время свои вещдоки.

– Да ты что? С ума сошла, что ли? Чтобы Славик, – остывая, но всё ещё раздражённо сказал Борька. – Ну не могли же они взяться ниоткуда.

В бригаде, где он работал, его тоже все называли Борькой. Люди менялись, а он оставался всё тем же Борькой. Бригада небольшая – всего четыре человека. Занимались они ремонтом и отделкой квартир, офисов. Работу для них находил бригадир. Даже не бригадир, а мелкий предприниматель, «оберст», как меж собой они его называли – он всегда громко ругался, находя недоделки, а то и брак.

Борьке нравилась его работа, хотя даже самому себе он не признавался в этом. Нравилось, когда стены, кое-как оштукатуренные чьей-то равнодушной рукой, становились гладкими и ровными, как будто по белой простыне прошёлся горячий утюг, когда в каком-нибудь офисе кривые перекрытия скрывались за гладкими плитами легких панелей. Неосознанно любовался фигурным потолком в две, а то в три плоскости. Или когда пол покрывался красивым ламинатом, или стены в ванной великолепным кафелем.

А ещё он любил свой инструмент, который собирал много лет: рубанок деревянный (железный не признавал), плоскогубцы, бокорезы, отвёртки и отвёрточки разных размеров, стаме-

ски из хорошей стали, заточенные до острия бритвы, разные молотки «по руке». Самый маленький был даже хромирован. И никому никогда не давал его. Только сам пользовался своим инструментом.

– Ох, Борька, когда-нибудь заплатишься за свою жадность! Ну, дай, чего ты.

Обычно Борька на такие приставания говорил: «Свой иметь надо», сердито сопел и отворачивался, закрывая чемоданчик со своим инструментом на замок.

Сейчас они делали так называемый евроремонт в двух смежных квартирах. Эти две квартиры должны были превратиться в одну: где-то нужно было заложить дверь, в другом месте сделать проём. Поначалу думали, что хозяином здесь будет какой-нибудь богатенький мужик, а потом оказалось, что жить здесь будет семья рыбака.

Борька шёл на работу и раздумывал об утреннем происшествии.

«Чьи же это деньги? Откуда? А вдруг я их украл где-нибудь по пьянке?» – струхнул Борька.

Конечно, он, как и многие, приворовывал по мелочи: то горсть шурупов – ну, нужно кое-что дома скрепить, то кусок линолеума под ноги около ванной, то несколько дюбелей... Нет, ворешкой он не был, так – мелкий несун. Но чтобы по-крупному...

«Да нет, не может быть! Везде, куда мы приходили, были пустые комнаты. Мелочь какая-то в столах: карандаши, бумаги ненужные, однажды линейку металлическую «приватизировал». Откуда же они, эти пачки денег могли свалиться? – совершенно ничего путного не приходило в голову. – Ну-у, а если никто не хватился их до сих пор, может... «приватизировать», – он сам испугался неожиданно пришедшей мысли. – Да как можно, ведь наверняка чужие!».

До нужного дома оставалось совсем немного, когда за спиной вдруг раздалось: «Эй, друг!». От этого окрика Борька вздрогнул, оглянулся... Нет, крикнули не ему, но что-то в этом «Эй, друг!» было! Какое-то смутное, пока ещё неопределённое воспоминание коснулось его сознания, что-то в этом «Эй, друг» было знакомо. И в некотором смущении от этого оклика

и от странной находки дома он так и поднялся на второй этаж обычной хрущёвки.

Миша никак не мог вставить панель в отведённое ей место в каркасе, а Борька отрешённо думал о своём, об этих невесть откуда взявшихся деньгах. И ещё беспокоил этот окрик за спиной. В соседней комнате монтировали каркас для перегородки, перекидывались словами, шутили над Василием, женившимся полгода назад, над тем, почему он постоянно опаздывает.

– Да тёща у нас гостит, – отбивался тот.

– Тёща в гостях, а ты из-за этого опаздываешь? Врёшь, Вася! Любящая тёща и завтрак приготовит, и на работу проводит. Темнишь ты что-то!

– Ничего я не темню. Она меня как утром увидит, так и начинает все мои вчерашние грехи вспоминать. И зудит, и зудит... А уж как любит учить жить... Ну я и придумал: притворяюсь, что сплю. А когда она уйдёт в поликлинику, вот тогда я бегом, не завтракая...

«Тёща! Точно, тёща! Вот змея, принесла и спрятала у нас. Может, хотела Татьяне потихоньку дать на сохранение, а я помещал? Точно: как-то на днях о чём-то шептались, а тут я пришёл. Прячет от тестя, маразматичка чёртова. Карга старая, крыша наверняка едет, вот и прячет деньги где попало, – раздумывал Борька. – Хотя... откуда у них с тестем такие деньжищи могут взяться? Тоже ведь живут от пенсии до пенсии. А если украла у кого-нибудь? Украла... В её-то годы! Да у кого она может украсть! А может, копила много лет?».

– Никак не могу засунуть, не входит он, – отвлёк Борьку панический голос Михаила.

Борька отдал напарнику заготовленный заранее вырезанный лист, взял из его рук тот, который не хотел становиться на место, залез на стремянку, подsunул панель, повернул её, ещё немного подтолкнул, и она легла внутрь каркаса.

– Как это у тебя получилось? – восхитился Миша и, рассмотрев лист в своих руках, стал ругаться: – Борька, ты с какой стороны откромсал? – Борис очнулся. – Ох, Борька, Борька! Что-то с тобой сегодня непонятное. Испортил целый лист. Иди, ищи, может, из остатков что подойдёт.

Борька вышел в соседнюю комнату, где Василий со своим напарником Серёгой уже заканчивали каркас из металлических профилей. Намётанным глазом заметил, что профили стоят не в одной плоскости.

– Вась, Серёга, вы бы проверили, а то тут... – больше он ничего не успел сказать.

– Чё ты лезешь не в своё дело? Ты где работаешь? Вот и иди туда, – хорошо, хоть дальше не послали.

Борькина душа не принимала плохо сделанную работу, но он опять промолчал; только подумал, перебирая в коробке отходы лёгких листов для потолка: «Всё равно придётся переделывать». В самом конце дня в углу Борька заметил ещё одно место, где по неведомой причине каркас выпирал уродливой «раковой опухолью».

– Мужики, а это почему так-то?

– Да непонятно. Несколько раз шурупы ввёртывали, а всё равно выворачивает. Не переделывать же, – оправдался Вася.

– Ну, надо было посмотреть, что там, почему.

– Тебе, Борька, что, больше всех надо? Сойдёт и так, – присоединился к дружку Миша. – И вообще, пора домой собираться.

Собралась минут на двадцать раньше и, как обычно, наказали Борьке:

– Приберёшь тут.

И Борька покорно взялся за веник, раздумывая над утренним приключением.

– Да, батя, дела! – сын Славик, работавший в полиции и приехавший к ним разбираться, рассуждал: – Такие деньги... В сапоге... И кто знает, сколько они пролежали в этой заначке. Но, знаешь, после маминого звонка я просмотрел сводки происшествий за год – ничего похожего не было. Кражи были, даже крупные, но уже раскрытые... Я вот что думаю: положите-ка их в банк. Со временем что-нибудь и прояснится. Да и проценты накапают. А вообще-то, решайте сами.

Они весь вечер просидели молча, и только когда уже легли спать, Борька нарушил гнетущую тишину.

– Ну, мать, что думаешь?

– Даже и не знаю, Боря. Точно не мои деньги, ты тоже с роду столько не зарабатывал. С одной стороны – вроде чужие,

с другой – как бы и ничьи, – и, видимо, уже всё для себя решив, сказала: - А нам они совсем не лишние будут. Дыр в квартире хватает: ремонт надо было бы сделать, мебель купить. И Райке послать – просила давеча по телефону.

– Нечего было уезжать. А то думают, что в другом городе сухари слаще, – проворчал Борис.

– Все же дочь, – она вздохнула. – Да и тебе запчасти, колёса на машину надо, – Татьяна перевернулась на правый бок и через пару минут уже спала.

«Может, и вправду... А вдруг придёт кто-нибудь за ними? Может, как Славик сказал, в банк положить: и не потратим их, и проценты набегут. Да, но и сейчас они нужны – много чего купить надо, – Борьку раздирали совесть и соблазн потратить находку на себя, на семью.

Эта ночь измучила его: он просыпался и вновь засыпал, и всё думал, думал...

И следующим утром, пока завтракал, пока шёл на работу, терзался от вопросов, на которые не находил ответов, и размышлял, что делать с непонятно откуда свалившимися на них деньгами.

«Откуда, откуда могли взяться они? Тёща с тестем клянутся, что ничего про них не знают. Может, кто из гостей спрятал у нас? Так и гостей за год вроде никаких не было. Дни рождения отмечаем только семьёй. Соседи? Иногда заходили... Да всё больше денег одолжить. Что же с ними делать-то? В банк положить под проценты, так этих процентов сколько ждать! А придут за ними? – всё же Борька потихоньку, понемножку уговаривался. – Ну, не идут же! Значит... Значит, они ничьи! Вот так и будем считать: ничьи! И правильно Татьяна решила купить для начала кухню. Хорошо будет – всё вместе: и газовая плита, и посудомойка, и вытяжка, и машину стиральную туда встроить. Шкафчики там разные, полочки... Для машины не только колёса можно будет купить... – Борька размечтался. – Станок универсальный себе куплю. Электроинструменты разные. Мебель начну делать – и сейчас-то ходят: Борька сделай то, сделай это. А будет своя мастерская...» – успокоил, убаюкал наконец свою совесть Борька. И, распланировав, как исполъ-

зовать деньги, повеселел. И уже с улыбкой поднялся на второй этаж, где его ждали, чтобы перед работой, как обычно, сыграть в подкидного дурака.

Ближе к концу рабочего дня они стали крепить гипсокартон к каркасу в дальней комнате: Миша подставлял лист к профилям, а Борька дрелью, как из автомата, вгонял шурупы. Это звучало так, как будто он какую-то мелодию исполнял. Вот-вот будет финал, и тогда раздадутся аплодисменты. Закончив, Борька полюбовался ровными строчками шурупов в листах, приложил к получившейся плоскости длинную рейку – отклонений практически не было.

– Чё ты всё проверяешь? Как получилось, так и ладно.

– Ну, Миш, не могу я по-другому. Давай другую стенку делать.

– Не, технический перерыв! Мужики, пошли, передохнём, – это означало, что он предлагает сыграть в карты.

Они расселись вокруг импровизированного стола из куска гипсокартона, поставленного на вёдра, Михаил стал раздавать... Но едва игроки сыграли пару партий, как открылась входная дверь – в панике они стали прятать «орудия преступления». Ведь если «оберст» застанет их за картами, то крика не избежать.

– Добрый день! – поприветствовал их вошедший мужчина.

С ним настороженно поздоровались. А неожиданный посетитель разглядывал преобразившиеся стены, потолок... Его тоже разглядывали: крепко сбитый, коренастый, с обветренным лицом, в годах уже...

– Я, парни, хозяин этой квартиры, – он широко улыбнулся.

– Вот, с плаванья вернулся, с путины.

От этой улыбки напряжение спало – свой, тоже работяга, хоть и моряк, стали здороваться за руку, расспрашивать:

– А на чём плаваешь? На траулере. А в каких морях? И вообще, как там, на путине? Заработки как?

– Заработки неплохие. Хорошо заработать можно, много.

Пока он рассказывал о плаванье, Борька разглядывал хозяина квартиры: ему казалось, что он где-то видел его и, как будто, слышал этот голос. Да-да, именно этот голос окликнул его когда-то «Эй, друг».

И тут Борька вспомнил! Всё вспомнил! Тогда его послали за пол-литрой, а этот мужик зазвал к себе, потому что жена спрятала одежду и он не мог выйти. А ему срочно нужно было опохмелиться – кто крепко выпивает, может понять эту жажду. Дал он Борьке денег и попросил сходить в магазин. Ну, а потом они вместе приговорили одну бутылку, вторую, потом и Борькину, которую должен он был в бригаду отнести. А когда Борька сказал, что он с бригадой занимается отделкой квартир (а были они уже крепко под газами), этот мужик предложил работу. Тут же дал денег, вынув из стола коробку, чуть ли не доверху наполненную купюрами.

– На, возьми. Ещё бери. Бери, сколько надо. Ремонт только сделай. Хорошо сделай!

– Да я... Да мы... Что б...

«Так вот, чьи это! Но он вроде не помнит меня, – подумал Борька. – Вот и хорошо, вот и хорошо, что не помнит, – совесть была крепко заперта и уже не мучила его. – А мы сегодня с Татьяной после работы поедем покупать мебель. Давно хотели. А потом ещё и обмоем».

– Только заработки на путине даются ох как нелегко! Совсем непросто работать с тралом, когда палуба всё время из-под ног уходит – качает прилично, а держаться за что-нибудь некогда. И всё это часто в морозец, палуба леденеет, скользко становится, а сосульки на костюме звенят, как игрушки на ёлке. И спина всё время мокрая. Не от холода, а от работы этой, от тяжёлой работы. А потом на переходе только голову на подушку, а тебя уже будят – опять трал вымётывать.

– Ремонт-то ещё в прошлом году хотели с женой сделать, да вот такой случай... – продолжил свой рассказ хозяин квартиры. – Триста двадцать тысяч отдал я какому-то мужику. Сволочь он оказался: пообещал ремонт сделать, деньги взял, а после – ни слуху ни духу. А ведь договаривались, что зайдет ко мне, все обсудим. Не зашел... Пришлось опять в плаваньё пойти, хотя и возраст уже, и здоровье – еле уговорил врачей. На путине-то сухой закон, а как возвращаемся в порт, многие чуть ли ни всё заработанное спускают. Вот и я тоже в прошлом году сорвался. С тех пор в рот не беру. Да и нельзя мне теперь. У нас с женой двое детей, да ещё двоих из детдома решили

взять. Глазёнки эти ждущие как-то увидели, с тех пор забыть не могу, – боже, сколько тепла, сколько нежности было в его голосе. – Братика с сестрёнкой. Вот поэтому две квартиры в одну и решили переделать. Чтоб мальчишкам своя комната была, а девчонкам – своя. И нам с женой спальня. Ну и гостиная.

Нет, ничто не шевельнулось в голове у Борьки – он всё для себя решил: мужик, рыбак этот, забыл, кому деньги отдал, и его, Борьку, не помнит, в милицию не обращался... Он продолжал вкручивать шурупы и не вслушивался в то, что говорит хозяин квартир. Даже лёгкая улыбка появилась на его лице – заживём, заживём, как не жили ещё.

– Ребята, – услышал он, – вот здесь, кажется, как-то нехорошо получилось – выпучивается стена-то, да и угол как-то, – робко заметил хозяин квартиры.

– Ну, совсем немного, почти незаметно. А угол... Ну, не смогли сделать. Что ж теперь – переделывать? Сойдёт! – оправдывался Васька.

Борька обернулся, его глаз сразу выхватил выпирающее «пузо» гипсокартона.

– Мужики, действительно, выправить надо было бы. Нехорошо ведь!

– Заткнись, Борька! Тебе что, больше всех надо?! – зло прошептал ему Вася, оказавшийся рядом.

Так уж бывает в природе, что где-то глубоко-глубоко под землёй и дном океана земные пласты раз от разу, понемногу, по чуть-чуть сдвигаются, и вроде бы ничего не происходит. И, наконец, последний, казалось бы, маленький, совсем маленький сдвиг приводит к землетрясению, поверхность океана вздыбливается и рождается гигантский вал, разрушающий все препятствия. Так и в голове Бориса рассказы рыбака о трудностях работы на путине, о детях из детдома, его слова о человеке, взявшем у него деньги, и, по сути, укравшем их, подспудно подталкивали к «землетрясению». И хотя раньше Борька мирился с плохо сделанной работой другими, понимая, что «оберст» всё равно заставит переделывать, в этот раз родилось «цунами».

– Я не Борька! – вдруг заорал он. И как будто вырос, поднялся во весь свой рост, которого стеснялся всю жизнь. – Я для тебя, сопляка, не Борька, а Борис Васильевич! – Переделаете!

Я сказал – переделаете! – и, сбавив тон, обращаясь к хозяину, пообещал: – Обязательно переделаем. И не сволочь я! Знаешь, это мне ты деньги тогда, год назад, отдал. Крепко выпили мы с тобой. И я не помнил, как домой пришёл, куда их спрятал... И только на днях в старом сапоге жены случайно нашёл. Сначала подумал, что жена заначку схоронила. Даже тещу заподозрил, а потом и думать уже не знал что. Прости! А деньги я тебе верну. Все верну. До копеечки.

Мелис АБАКИРОВ

ТАШ-КОРГОН

Рассказ

*Посвящается
Ибрагиму Джунусову.*

Престижная небольшая клиника находилась в центре города, снаружи она напоминает тенистый, уютный парк отдыха. Со всех сторон окаймленная оживленными большими улицами, она имеет с четырех сторон железного забора контрольно-пропускные входы для пеших посетителей, расположенные у ворот для машин, живя какой-то отдельной жизнью больничного города-крепости. Здесь расположены несколько институтов, которым присвоены имена прославленных академиков, в которых ученые ведут свои научные изыскания, лечат больных и читают лекции студентам – будущим врачам. Клиника представляет собой отдельный комплекс многоэтажных домов, построенных еще до наступления эпохи урбанизации, а потому все эти здания обладают своеобразной зрелищностью. Их фасадная сторона украшена узорчатыми арками, словно у театров. Приятное для глаз место.

На южном углу, с западной стороны этих зданий, особняком выделяется одноэтажный квадратный дом, окруженный до самой крыши каменным забором, словно аппендикс, выделяющийся среди красивых архитектурных сооружений. Неприметное безыскусное здание, однако известно многим. Это частная клиника некоего ловкача, поставившего на широкую ногу саморекламу, говоря, мол, «я получил профессорское звание за рубежом, мои статьи опубликованы на многих иностранных языках...

Я – лекарь, умеющий продлить жизнь людей и омолаживать старых». Проект здания и строительство, включая сооружение неприступного забора, были осуществлены по заказу хозяина. Клиника имеет свои отдельные ворота и существует, как любит выражаться её владелец, «абсолютно автономно». В отличие от окружающих её институтов, не видно ни одной живой души, входящей или выходящей из здания, выглядящего, как Таш-Коргон.

Клиника оборудована суперсовременной новейшей медицинской техникой, а взаимоотношения медперсонала с больными, что поразительно само по себе, происходят в бесконтактном режиме. Да, в самом деле, бесконтактно, врачи прямо из своих кабинетов, а больные из палаты, где они лежат, вступают в общение между собой с помощью аудиовидеокамер и компьютерной техники. Говорят, что через них врачи узнают об их состоянии и назначают лечение; лишь младший медперсонал заходит к ним, раздает лекарства и трижды в день приносит им еду на безупречно чистых подносах прямо им в постель, обслуживая, как английских аристократов. Считается, что именно это и является одним из преимуществ этой клиники от других лечебных заведений. Но если перечислять, то преимуществ много.

В клинике установлен строгий контрольно-пропускной режим. Сотрудники входят с помощью специальных чипов-карточек, в которых указаны отпечатки их пальцев, а после того как откроются двери, у входа их встречают крепкие вооруженные охранники, тщательно проверяя их удостоверения. Как говорится, муха не пролетит.

Больные, вошедшие сюда, больше не выходят отсюда живыми и здесь же завершают свой земной путь. Родственники не могут забрать даже их тела. В маленьком крематории кремируются тела покойных, и красивые стеклянные колбы с горсточкой пепла вручаются в руки их отпрысков. Говорят, что они берут их для того, чтобы спрятать дома как память за портретами своих матерей и отцов. Но об этом, кроме обладателя праха, ни одна живая душа не знает.

Люди, обладающие кое-какой информацией, говорят, что эта клиника – место обитания для тех людей, которым уготована участь в скором времени покинуть сей мир. Своеобразный дом для престарелых, да к тому же тайный дом для родителей власть

имущих и богачей, не желающих афишировать, что отдали своих близких в лечебное заведение для ухода в мир иной. Именно поэтому эта клиника является престижной и дорогостоящей.

Ни один престарелый человек не регистрируется здесь своими настоящими именем и фамилией. О них знают лишь главный врач и человек, который сдал сюда своих родителей. Не знают ни врачи, ни медсестры. Лечебную карточку заполняет лично главный врач, затем он же ее передает своим подчиненным. Поэтому и имена, звучащие здесь, кажутся таинственными и загадочными. Но тем не менее кажется, что эти имена зримо обрисовывают внешний облик больного. «Белоусый старик», «Плешивый старец», «Косоглазый старик», «Вальжная старуха», «Старый ворчун», «Глухая старуха», – одним словом, очень точные описания! А зачем, спрашивается, в таком случае больному свое собственное имя?!

В истории болезни наших героев указаны имена – Степенная байбиче и Старушка-простушка. Они лежат в маленькой, тесной палате. В дальнем углу у окна расположена Степенная старуха, а у порога – Старушка-простушка. Они обе не в состоянии ходить на ногах, лишь изредка, лежа, переворачиваются с боку на бок и посмотрят друг на друга, а большей частью они разговаривают лежа, глядя на потолок, и засыпают. Медики им твердят: «Сон – это естественное лекарство Улукмана от старости, вам следует больше спать». Зачастую голос невидимого человека распоряжается из радиорупора: «Прекратите разговаривать. Настало время спать!».

Степенная байбиче более разговорчива. Старушка-простушка отнюдь не речиста. Обе они повидали в жизни всякое. Первая из них – с рождения жила в городе. Всю жизнь отработала, сидя в кабинете, поэтому ее белая кожа не знала загара, а собранные в один пучок на макушке волосы никогда не развевались на ветру. Вторая старуха – сельская по рождению, ее закаленное лицо изборождено колхозной работой. Она из тех, кто всегда беспрекословно выполнял все указания бригадира. И размышления, и речи у старушек сообразны с их прошлой жизнью. Да и жизненный опыт у них разительно отличается друг от друга. Степенная старуха по своей профессии – редактор

издательства, а Старушка-простушка – одна из тех людей, кто ни разу даже не полистала газету, не то что книгу.

Человеку ведь свойственно мирно, неспешно беседовать, когда ему становится тоскливо. Согласно общепринятым условиям клиники, старые больные люди не должны разглашать данные своей биографии и чьи они родители. Но, как говорится, слухом земля полнится. Нечаянно пророненное кем-то слово может быть распространено и дуновением легкого ветерка. Всё же то и дело они обмолвятся о характерах и повадках своих сыновей и снох, о том, кто они такие.

Поскольку Степенная старуха раньше работала редактором издательства, для нее привычно умение хранить свои тайны. Она едва заводит разговор о чем-то и тотчас же ловко повернет беседу в другое русло. Старушка-простушка же, бывшая колхозница, не умеет скрывать свои мысли, выкладывая как ладони все, что есть в душе.

Сын Степенной старухи работает представителем какого-то зарубежного банка. Окончил с красным дипломом одно из технических высших учебных заведений в Москве и является программистом, прекрасно разбирающимся в компьютерах. Зарубежный банкир, оценив его по достоинству, сделал своим партнером. Степенная старуха, после того как у нее случился инсульт, не желая обременять своего сына и сноху, якобы сама же попросила ее сдать в учреждение, где будут следить за ней, как положено.

Поскольку сын Старушки-простушки был прямодушным, дородным сельским парнем-силачом, его пригласили в физкультурный институт потренироваться, после чего он стал чемпионом на международных соревнованиях по боям без правил. Позже он стал разводящим одного из крупнейших рынков, где и выдвинулся в лидеры; начал налаживать торговлю крупных дельцов, решать спорные вопросы между ними. Вот так он и дорос до уровня партнера хозяина рынка. Ныне он один из именитых авторитетов криминального мира. Старушка-простушка, оказывается, не смогла ужиться в одном доме со своей вредной городской снохой, говорящей только на русском языке, вследствие чего и была сдана сюда.

Беседу обычно начинает Степенная старуха:

– Солнце сегодня взошло необычайно ярко! От солнечных лучей кончики деревьев серебристо блестят. Ах, как же было бы прекрасно, если жизнь всегда начиналась вот так же чудно, какое же это невыразимое удовольствие! Наверное, сейчас, радуясь солнечному лучу, черные скворцы вовсю чирикают, словно соловьи. Эти пластиковые окна, оказывается, хуже обычного стекла, доносятся сюда лишь далекие отголоски. Но все же я в душе чувствую, как черные скворцы вовсю чирикают, подражая соловьям... А вы, байбиче, слышите в душе такую мелодию?

Степенная старуха к Старухе-простушке всякий раз обращается словом «байбиче». На что Старушка-простушка кое-как, еле бормоча, что-то отвечает через некоторое время... Продолжая смотреть на окно, Степенная старуха продолжает:

– Это что за великое чудо, иметь возможность жить на этом белом свете, вы согласны со мной, байбиче?! Не зря ведь сказано, что некий великий падишах, умирая, сказал: «Как жаль! Ради того чтобы прожить хотя бы еще один день, я не променял бы этот день на всю свою прежнюю жизнь. И отдал бы за него все собранное мною богатство». Это что за щедрость, что за страсть к жизни! Так могут выразиться только великие падишахи. А мы же все рядовые люди – простолюдины, не так ли, байбиче?..

Старушка-простушка не промолвила ни единого слова. В этот момент неожиданно раздался голос из радиорупора:

– Уважаемая Степенная байбиче, не философствуйте попусту, беспокоя большую рядом с собой почем зря. Не тратьте впустую ее мозговые извилины, они у нее и так ограниченные.

В такие моменты Старушка-простушка выходит из себя от ярости:

– Это у меня-то мозгов не хватает, да?! Чтобы я увидела тебя в гробу!.. А каков твой мозг?

– Прекратите дискуссию! – раздается повелительный голос из радиорупора.

На следующий день с раннего утра, спозаранку начала говорить Старушка-простушка:

– Чтобы я увидела его в гробу! Еще врач называется. А зачем он лечит меня тут, коли мозгов у меня не хватает? Неуже-

ли он уже позабыл, как он загребает деньги моего сына своими лапами? Ну, погоди, сын придет, я пожалуюсь ему, расскажу ему. Пусть он даст указание своим рэкетирам, чтобы они избili тебя. Еще не таких, как ты, он исправил, сворачивая им шею. Это для него раз плюнуть...

– Не надо, байбиче, держите себя в руках. Ведь эти люди тоже являются чьими-то любимыми детьми, – заметила Степенная старуха.

– А как их можно терпеть? Или же нам зашить рты ниткой? А ради чего мы отдали столько больших денег им?! Ну, раз лежим тут живыми трупами, неужели мы не имеем права и побеседовать между собой? – сказала с серьезным видом Старуха-простушка.

Степенная старуха, утешая Старушку-простушку, незаметно переводит разговор на другую тему.

– Вы говорите истинную правду, байбиче. Но не стоит тратить на них нервы. Не зря ведь говорится, что злость – враг, а ум – друг человека. Вы лучше расскажите мне о своем сыне.

– О сыне? А что сказать? Он – спортсмен, чемпион, – начала свой рассказ Старуха-простушка.

– Спортсмен? Чемпион?!

– Да, именно. У него имеются многочисленные рэкетирские свои.

– Свои рэкетирские имеются?

– Поэтому и разбогател он. Из-за чего моя вредная сноха и ее мама-интеллигентка совсем уж зазнались. Это они оттолкнули меня от моего сына.

– Если ваша сваха – интеллигентка, как она посмела пойти на такое?

– Да, так и поступила. Чтобы я увидела их в гробу! Они меня за человека даже не считают. Всегда едят отдельно, сами по себе, сидя за высоким столом. А меня, называя темной колхозницей, усаживают отдельно. Сажают на пол и дают пищу на низком столе. Видать, настоящие интеллигенты. Раз не умеют даже вместе есть, как в селе. А эта сваха моя – настоящая кикимора, водрузив на кончик носа свои очки, весь день напролет читает книги, важничая, сидя в мягком кресле. Как будто она уже стала чилистен. А затем всю ночь смотрит кино с охами и

ахами, сидя вместе со своим зятем, не стыдясь ничего. Ей лень хоть разок помыть даже чайную ложку. Белоручка, аристократка несчастная. Иной раз, бывало, желая побеседовать, я подходила к ней и спрашивала: «А что это ты читаешь, сваха?». А она мне отвечает: «Вы все равно не поймете эту книгу. На русском языке. Омер. Древний грек»...

– Гомера читает, значит, – подметила Степенная старуха.

– Да, Омер. А другой раз спросила, она отвечает: – Кёте, говорит, что он немец. Байран – англичанин, говорит. Иной раз меня так и подмывало вырвать из ее рук этого Байрана и выкинуть в огонь. Но нельзя, не смогла я так поступить. Не желая внести раздор в семью сына, я терпела из последних сил.

– Вы поступали правильно, байбиче, – поддержала Степенная старуха. – Разве можно вносить раздор в дружную семью? Если в семье появится хоть малюсенькая трещинка, то будет нелегко ее исправить вновь. Мать – это ведь скрепляющее вещество для всей семьи, байбиче. Или я не права, байбиче?

– Права-то права, бесспорно. Но ведь они совсем уж зазнались из-за барышей моего сына, до такой степени, что со мной вовсе перестали считаться. И сваха, и сноха за считанные дни заново начали переодеваться во все новое, вплоть до штанов. А для меня даже маленького платочка им жалко, чтобы у них руки отсохли совсем. Поэтому я со зла высказалась: «Если бы ты вышла замуж за какого-то интеллигента своего, то штаны твои были бы в заплатках!». Весь скандал начался из-за этого. А затем они привезли меня сюда.

Из невидимого радиорупора в палате раздался голос:

– Теперь уже дошли до штанов, да?! Прекратите сейчас же свои бессмысленные обсуждения и дискуссии. Поспите!

– Следует внять их совету, байбиче, – предложила Степенная старуха. Старушка-простушка кивнула головой. Спустя некоторое время Степенная старуха предалась в объятья сна и начала дышать глубже. Старушка-простушка, похоже, оттого, что была крайне возбуждена, заснув, начала прерывисто храпеть.

– Ай-ай-яй-яй, даже глазам не верится! Под окном всю расцвели розы-лолы. До чего же они прекрасно выглядят. Белье розы белоснежны, словно молочные, а рядом с ними желто-

красные цветы смотрятся, словно спелые яблоки. Фиолетовые цветы я вижу впервые. А вы видели раньше, байбиче, розы фиолетового цвета? Кажется, что благоуханный запах цветов наполнился в моих ноздрях. Как жаль, что окна пластиковые у нас. Иначе мы с вами могли бы всю насытиться благоухающим запахом цветов. Жизнь ведь такова, без сожаления не обойтись в ней. Не так ли, байбиче? – вот так начала беседу на второй день Степенная старуха, обратившись к Старушке-простушке.

– Разве запах розы может сравниться с ароматом полевых цветов, которые растут вдоль арыков в селе? И стебли у них длиннее, чем у розы, – возразила Старушка-простушка.

– Да, все цветы хороши и нежны, и у каждого из них есть свой неповторимый ароматный запах. Вы это правильно заметили, байбиче, – поддержала Степенная старуха.

– Просто вспомнились те давно уже минувшие дни, когда мои объятия были полны букетами цветов. Ах, как была прекрасна наша молодость, не правда ли, байбиче?!

– О какой молодости ты говоришь? Она у меня совпала с войной. Если получишь весточку о гибели любимого парня, разве это молодость? – угрюмо пробурчала Старушка-простушка. – Все мои сверстницы остались старыми девами и в конце концов стали токол пожилых стариков. Да пропади она пропадом такая молодость!

– Нет, байбиче, не говорите так. Жизнь ведь прекрасна именно вместе со своими приливами и отливами. Если бы она состояла сплошь из одного только блаженства, разве мы смогли бы оценить ее по достоинству? Жизнь увлекательна именно своей непредсказуемостью. Ой, похоже, мы уже заболтались совсем... Пока не получили предупреждение от доктора, следует прекратить разговор. Давайте лучше отдохнем, байбиче.

– А что, мы разве уже потрудились, махая с тяпкой в руках до усталости, чтобы отдохнуть? Вы уж лучше прямо скажите, что хотите спать. Спать, так спать, – сказала Старушка-простушка.

Еще один день они проводили в вечность. Степенная старуха, лежавшая под окном, как всегда, стала провозвестницей начала нового дня.

– И сегодня настал мирный, беспечный день. Небо синеет всюду. Ах, как прекрасны эти белые облака, напоминающие

караванщиков! Впереди маленькое облачко, напоминающее главаря караванщиков, едущего на муле, а за ними тянутся друг за другом навьюченные нары и верблюды. А ну-ка, подсчитаем-ка, сколько наров и верблюдов?! Раз, два... четыре-пять... о-го-о, их, оказывается, десять... двадцать один! Привязав веревку к короткому хвосту самого последнего верблюда, идет подросток, держа в руке свой хлыст. Видать, караван, вышедший из Оша, направился в сторону Мисира. Но вернется назад этот караван, обойдя весь мир, оттуда привезет дешевую шелковую ткань, завалив ими рынки «Дордой» и «Кара-Суу». А ведь путешествие по миру – это неповторимое удовольствие. Вам довелось попутешествовать, вы побывали где-то за рубежом? – спросила она у Старушки-простушки.

– Какое там путешествие! Даже здешнюю Чуйскую долину я не объездила, как следует. Раз не знаешь русского языка, как будешь путешествовать, – ответила Старушка-простушка. – А вы были за границей?

– Да, была, байбиче. Я целый месяц отдыхала на прославленном курорте Болгарии. А еще в течение десяти дней совершила круиз на пароходe вдоль берегов стран, расположенных у Черного моря. Не зря, наверное, говорится, оттого, что увидишь другие страны и земли, расширяется представление человека о мире.

– Я так и не смогла познать этого, – искренне призналась Старушка-простушка.

Но про себя она испытывала зависть к Степенной старухе за то, что ей удалось многое увидеть. Она подумала, почему же все это выпало именно на долю Степенной старухи, а не на ее? – так ревновала Старушка-простушка про себя. Ревность есть чувство бурное и неуправляемое. Не зря ведь говорится, что ревность сталкивает человека с крутой скалы. Старушка-простушка в этот миг находилась вся во власти ревности, думая, почему же это Степенной старухе выпала честь лежать у окна и она так красочно рассказывает ей, лежавшей у порога, о том, что она не может увидеть своими глазами? Постепенно все больше и больше усиливалось ревностное чувство Старушки-простушки... Она чувствовала себя униженной, сгорая от того, что не может почувствовать то же, что Степенная старуха.

Так шли дни за днями... Степенная старушка, как обычно, глядя в сторону окна, начала бормотать.

– Наступила уже осень. Листья начали желтеть. Ах, какая эта прекрасная пора, бабье лето! Листья урюка и березы покраснели от лучей солнца и алеют, будто горят. А по серому небу пролетает стая журавлей, растянув паутиной свой клин. Мне даже кажется, что я слышу печально-протяжный, прощальный журавлиный крик. Как жаль, что нам не дано услышать прощальные голоса журавлиного клина. В селе вы наверняка многожды провожали журавлей по осени, махая рукой: «Прощайте! Будьте здоровы! Счастливого вам пути! Вновь возвращайтесь живыми и здоровыми, созданные Богом мои любимые пернатые!». Было ведь такое, байбиче?

Старушка-простушка безмолвно кивает головой, скрывая, что ничего подобного в жизни она никогда не испытывала. Конечно, ей довелось много раз увидеть пролетающих журавлей, но ни разу она не провожала их так, как рассказала Степенная старуха. Если бы она могла бы увидеть их через окно, хотя бы сейчас могла бы их проводить! И в душе ее с еще большей силой вскипело чувство ревности и зависти по отношению к Степенной старухе.

В один из дней Степенная старуха тихо заговорила:

– Похоже, наступила уже зима. Небо сплошь окутано темными облаками. Наверное, начинается буря. Байбиче, кости мои начали мерзнуть. А в мышцах – слабость. Это что ж такое происходит? Да и в душе у меня как-то тяжело, какое-то недоброе предчувствие овладело мною. Все же мы ведь с вами мусульмане. Если вдруг заглянет по мою душу смерть, вы прочтите, байбиче, молитву за упокой моей души, воздастся вам за это благодарность. Вы согласны, байбиче? Сделайте так. Просто повторяйте слова: «Биссимиларахманрахманрахим». Улама ведь говорили, что это сочтется как молитва за упокой души. Поступайте так, байбиче, ладно?

– Ладно, я согласна, – поспешно согласилась Старушка-простушка, будто Степенная старуха могла передумать и забрать свои слова обратно.

Наступила ночь, и они уснули... Наутро Степенная старуха, начиная всегда своим бормотанием день, не издала ни зву-

ка. Казалось, что ее просветленный лик даже похорошел, сияя каким-то неземным светом. Старушка-простушка перепугалась:

– Степенная старуха, Степенная старуха! Вы живы? – вскрикнула она. Но ответа не последовало. Старушка-простушка ещё громче заорала: – Будьте прокляты вы все, умерла Степенная старуха! Умерла!

Тотчас же, как будто только поджидали у двери этой вести, в палату вошла группа медиков с главным врачом. Приложив палец к артериальной вене на шее Степенной старухи, главный врач покачал головой тем, кто находился рядом с ним, произнеся слово, которое Старушка-простушка никогда раньше не слышала:

– Отнесите в крематорий...

Место покойника всегда внушает страх. Целых два дня Старушка-простушка даже не оглядывалась в сторону опустевшей кровати, где лежала Степенная старуха. Лишь на третий день она обратилась к медсестре, которая принесла ей еду:

– Милая моя, прошу тебя, поменяйте мою кровать с той кроватью, которая стоит у окна. Я скажу сыну, чтобы он тебе дал всё, что ты будешь просить. Я хочу лежать у окна, глядя на свет божий.

– Я доведу вашу просьбу до главного врача, профессора, мама, – ответила медсестра, искренне жалея ее.

– Дорогая моя, ты назвала меня мамой! А я ведь давно уже отвыкла от этого слова. Перестала слышать это слово даже от родного сына своего. Дорогая моя, ты уйди отсюда, прекрати работать здесь, ладно? Здесь даже воздух нечист, дорогая моя. Здесь Каменная Ограда, где лежат живые трупы...

– Прекращай разговаривать. Переведи ее! – велел голос из невидимого радиорупора. Это был голос главного врача.

Кровати на маленьких колесиках были быстро заменены местами друг с другом. Старушка-простушка долго лежала с закрытыми глазами. Будто сердце ее могло разорваться оттого, что она увидит мир за окном. И, не желая вспугнуть себя, еще долго она не могла открыть глаза. Лишь после того как медсестра покинула палату, она открыла глаза и медленно повернулась в сторону окна... О ужас! – за окном на расстоянии всего пяди от оконного стекла впритык находилась высокая серая стена, возведенная из шлакоблока. Ничего не видно, ни неба,

ни деревьев. Старушке-простушке не верилось своим глазам. Она, протерев глаза кулаками, взглянула вновь и вновь. Высокая стена затемняла даже вид окна. Больше ничего не видно. И Старушка-простушка, начавшая было благодушествовать лишь совсем недавно, вновь оказалась во власти злобы. Оказывается, ее обманывала все время эта Степенная старуха. И давняя ревность Старушки-простушки к ней в сию же секунду превратилась в ненависть, и она истощно закричала:

– Чтобы ты оказалась в аду, Степенная старуха! И гори в аду! Каждый день ты чирикала, словно перепелка, оказывается, обманывая меня. Чтобы ты горела в аду! И чирикай в аду!..

Старушка-простушка задыхалась, холодный пот выступил по всему ее телу. В горле застрял комок, и уже не в состоянии дышать, она откинулась всем телом назад. Главный врач, следивший за всем этим из видеокамеры, велел сидящим рядом с ним:

– Отнесите Старушку-простушку в крематорий!

Анкара – Бишкек.
Октябрь, 2015.

Перевод с кыргызского Мамасалы Апышева.

Константин КАРАХАНИДИ

РАССКАЗЫ

Бабушка Феодора говорит по-русски

Бабушка Феодора знала много языков. Жизнь её помогала... Где бы она ни жила, старалась осваивать язык. Родом она была из Византии и, кроме родного понтийского диалекта греческого языка, говорила на турецком и армянском. В Грузии к ним прибавился, естественно, грузинский.

После переселения во Фрунзе она активно начала осваивать русский язык, на котором разговаривали её соседи, многочисленные клиентки, бабушка прекрасно шила.

Со мной в детстве она общалась на великом и могучем и только поздно вечером на вечерней молитве обращалась к Богу на родном языке.

Так сложилось, что последним освоенным бабушкой языком стал русский. Вот именно с ним было связано несколько семейных преданий.

Братишка сидел и готовил уроки. Процесс шел медленной, но верной дорогой. Брат думал.

– Что сидишь? – спрашивает бабушка.

– По русскому задали придумать пять слов на букву П, – делится ученик своей проблемой.

– Пиши, – с ходу диктует репетитор, – парпан.

– Бабушка, барабан – это на букву Б.

– Ну, я и говорю: «парпан», – с чувством выполненного долга и знатока русского языка произносит бабушка.

Познания бабушки в области русского языка и особенно-

сти произношения слов часто заставляли наши семью ломать голову. Однажды произнесенное слово «запор» дало толчок для филологических изысканий нашей семьи разных поколений.

Молодая поросль считала, что бабушка имела в виду марку автомобиля «Запорожец» и так лихо ее сократила до уровня «запор».

Интеллектуальное крыло в лице родителей и родственников выводило, что это какое-то устройство для запираения дверей или ворот. Самый язвительный, дядя Володя, подозревал, что бабушку потянуло на физиологию и она требует медицинского разъяснения этого сложного человеческого недуга.

На самом деле бабушка просто просила обратить внимание на бедственное положение нашего забора.

Последние годы жизни бабушка прожила с младшим зятем. Он был человеком творческим, общительным, разносторонним и довольно известной личностью в своем городе, потому что заведовал городским Домом культуры.

В доме часто собирались компании из важных и нужных людей. Столы, накрываемые по такому случаю, соответствовали моменту, объединяя блюда нескольких национальных кухонь: сациви, фасоль по-грузински, долма, маринованные и жареные баклажанчики, мясо с разными приправами, красная острая солёная капуста со свеклой, маринованный чеснок. Непременно были и острые, пряные блюда, вызывающие жажду и желание её немедленно утолить порцией хорошей водочки или вина. Гости ели, пили и восхваляли руки творца, приготовившие и накрывшие такой шикарный стол.

Однажды бабушку как виновницу и распорядительницу дома усадили за стол, и она, соответствуя представлениям о воспитанной теще важного человека, завела светский разговор.

– Целый день с утра все кастрирую и кастрирую, – сложив ручки и опустив глаза, многозначительно сказала она.

Народ за столом был мужской, зрелого возраста, способного показать себя еще огого... заволновался и притих.

Дядя подавился и, увидев друзей, вдруг захотевших покинуть стол, спросил:

– Мама, что вы сказали?

Бабушка, польщённая всеобщим вниманием и тишиной, повторила:

– Говорю: с утра кастрирую, то на базар, то в магазин, прачечную. Все бегаю туда-сюда, кастрирую!!!

Мужчин поразили широта и активность бабушкиной медицинско-ветеринарной практики. Кое-кто укоризненно смотрел на дядю, подложившего такую свинью близким друзьям и коллегам.

Дядя сам был в растерянности: что привело такую тихую раньше тещу к помешательству? Может, кто-то насочинял про него гадости, и это дошло до её ушей, либо мамаша так умело скрывала эту свою патологическую страсть много лет. Может, признаться в чём-нибудь малом или полностью всё отрицать? – думал он.

Все привстали и приготовились дернуть с низкого старта...

Дядя, знавший глубокие познания тещи в области русского языка, в отсутствие жены, которая была более сведуща в языковых заморочках бабушки, догадался первым.

– Я знаю, знаю, – радостно успокоил он уже вконец обесиленных от волнения и страха мужчин... Это она имела в виду, что с утра много гастролировала, то есть бегала по делам!!!

Бабушка сияла от удовольствия общения и возможности хоть как-то поддержать имидж своего зятя.

Слух о женщине, сумевшей довести до обморочного состояния целую кучу уважаемых людей, разлетелся по городу очень быстро. Здесь постарался сам зять. В гости к нему стало приходиться несметное количество людей, а, следовательно, бабушке «кастрировать» приходилось все больше и больше...

Как ты скажешь!

Прости, мама, что я не успел это написать раньше.

Желанье вечное гнетёт,

Травой хотя бы сохраниться –

Она весною прорастёт

И к жизни присоединится.

Г. Шпаликов

– Вы идите, мне с отцом поговорить надо. Подождите в машине, – говорит пожилая женщина двум взрослым мужчинам – сыновьям, переминающимся рядом. – Я скоро приду.

Мужчины очень похожи друг на друга фигурами, разворотом плеч, формой головы. Они одновременно, пробираясь через заросли, раздвигают густые кусты цветущей сирени, широко размахивают руками, поворачивают мощными шеями – всё свидетельствует об их близком родстве.

– Мне надо с тобой посоветоваться, как быть дальше. Я всегда прихожу к тебе за советом, хотя ты всю жизнь молчал и ждал от меня решений. Такой подход тебя очень устраивал. Сегодня особый случай, и потому разговор будет долгий. Нет, у меня все нормально. Ну, как нормально: «все в соответствии с возрастом и погодой» – так я люблю говорить. Дети обо мне заботятся, люди не забывают.

Женщина сидит на маленькой скамеечке внутри могильной ограды и смотрит на портрет мужчины, четко выделяющийся на черном фоне камня габро. Густые волосы, широкий лоб, большой округлый нос, тонкий разрез губ и волевой подбородок – каждая часть лица запоминается сразу. Кажется, будто он внимательно слушает то, что говорит ему жена, но её не обманешь.

– Ты опять думаешь о чём-то своем: о работе, машине, деревьях на даче, к которым привил черенки разных сортов яблок и груш, но только не слушаешь меня. Послушай хоть раз внимательно! Твой младший сын собирается вместе с семьей уезжать на постоянное местожительство в Грецию. Документы уже подали, собирают вещи. Старший категорически отказывается, говорит: «Здесь родился и жить буду». Он по-своему прав.

Мне надо решать: останусь я здесь, где всё налажено, все своё, даже место рядом с тобой приготовлено, или ехать с младшим. Им надо помогать! Там две маленькие девочки, нет дома, надо сдавать экзамены и подтвердить диплом, искать работу. Конечно, мне выгодней было бы остаться, но как они там без меня?

Женщина в окружении цветущих кустов сирени, сладко дурманящих весенним запахом, тяжело опирается на столик и смотрит на портрет, ожидая ответа или хотя бы какого-то знака со стороны мужа.

– Ты бы хоть раз улыбнулся, – продолжает она. – Вот к моему отцу придешь, всегда улыбается: грустно, лукаво, радостно, но всегда с улыбкой, а от тебя только серьезный взгляд. А ведь у отца какая жизнь была тяжелая! Мальчишкой, спасаясь

от резни, убежал в Россию из Турции, только зажил по-человечески: встретился с братьями, стал зарабатывать, женился, дети появились, – забрали и дали срок – десять лет на Севере. Мама одна мыкалась по всей стране.

Помню, я уже большая была, одиннадцать лет, когда нас выслали с Кавказа. Шел уже третий день, состав медленно полз мимо горы, где находилось наше село, вся гора выла, кричала и плакала, стоном стонала. Дома стояли с мебелью, полные погреба запасов, а людей нет, скотина была не кормлена, не поена, не ухожены поля и сады. Люди в поезде – а это в основном были соседи и родственники – с ума сходили от горя. Да что я тебе говорю, сам хорошо знаешь про это.

Тяжело вздыхая, она расстегнула пуговицы лёгкого черного пальто. Майское солнце припекало.

– Молчишь. Как всегда. Вся твоя жизнь была сплошное преодоление проблем, которые сам же создавал. Главная причина – несносный характер, неумение быть дипломатичным с людьми. Ты был прямой, как столб. Всю жизнь я боролась с тобой и помогала решать проблемы, навороченные тобой. Что тебе стоило хоть немного уступить в той или иной ситуации?! Старший сын спустя годы со смехом вспоминает, как обратился к тебе за помощью. Нужно было поставить одному знакомому заочнику зачёт у тебя. Так ты устроил целое представление. Месяц гонял его, давал задания, и в результате тот исчез с горизонта, то ли нашёл обходной путь, то ли бросил учебу.

Твой выпускник-дипломник, директор кирпичного завода, упрашивал тебя взять кирпич для дачи по цене битого, ну маленькая махинация, дешевле бы вышло. Нет, ты упёрся: «Мне ничего не надо». В результате домик с гордым названием «финский» остался деревянным сараем, но ты не поступил с принципами.

Все началось со свадьбы. Ты помнишь? Ты с родителями приехал и сказал, что через два дня свадьба, а у меня нет свадебного платья. Я подружкам расписала, какой шикарный у меня будет наряд. Молодая дура была, фантазерка. Вечер, магазины закрываются, мы с мамой побежали. Купили какой-то материал, мама покроила и на машинке сшила мне платье. Конечно, это было не то, что я задумывала, но мама шила отлично. Уже тогда надо было подумать, а я... Любила!

Первый раз мы встретились на новогоднем вечере, где-то в клубе молодежи. Мне было лет семнадцать или восемнадцать, а ты уже был, как мне казалось, взрослым мужчиной. Нас познакомили, и я убежала к подругам, не придав значения этой встрече. Ты же сказал, что если женишься, то только на этой девушке.

Родственницы твои всполошились, потому что все их усилия женить тебя были пустой тратой времени, узнали про нашу семью и пришли к родителям знакомиться. Двенадцать лет – большая разница. Все женщины мне завидовали, потому что ты так влюблённо смотрел на меня.

Ты мечтал стать моряком и плавать на больших кораблях, ведь родился на берегу Чёрного моря, и в твоих жилах текла древняя кровь греков-мореходов. Каким красавцем был бы ты в форме морского капитана при твоей внешности! Как красиво сочетались бы белый летний китель, форменная фуражка с природной смуглостью кожи, густыми блестящими черными волосами и гордым, выступающим назло всем ветрам, большим и выразительным носом. Над этой частью лица мы постоянно шутили в семье и подтрунивали, чем вызывали твое неподдельное удивление.

– С чего вы взяли, что он большой?! Вы мне завидуете!

Знакомые утверждали, что я для тебя была всем. Но кто бы знал, как мне было тяжело из-за твоего дурацкого характера.

Жизнь прошла... Прости меня! Если я уеду, то, наверное, не смогу часто приезжать и разговаривать с тобой. Сам понимаешь, расстояния нешуточные и моё место рядом с тобой займет кто-то другой. Видно, судьба у нас такая, все наши старики лежат в разных местах, нет одного родового места.

Она встает, смотрит на догорающую в подставке свечку, крестится.

– Ну, ты всё-таки подумай, что же мне делать: уезжать или остаться. Ну хоть раз помоги мне! Как ты скажешь, так и будет...

Она приходила ещё несколько раз, но муж молчал, предоставляя ей возможность самой решать этот жизни трепещущий вопрос. Потом женщина исчезла, и уже никогда больше к нему не приходила...

Олег БОНДАРЕНКО

РАССКАЗЫ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ: СУХОМОР.

Строго 18+

Меня зовут Антиной. И есть у меня жена, и также трое сыновей – Антисим, Антихам и Антиафет, и ещё есть разные твари, коих я собрал подле себя, дабы спасти от жуткой всемирной катастрофы. И сказал мне Господь: подготовься, ибо сорок дней и сорок ночей будут происходить вокруг страшные события... Только тебе дарована возможность спастись, и будешь ты участвовать в великом апгрейде... Помни: от тебя зависит многое, если не всё, и от того, как примешь ты Испытание Моё, и жизнь на Земле станет развиваться по-новому... Живи – чтобы возродиться, прославляя Имя Божие в веках...

Кто убедит океан
быть более благоразумным?
Пабло Неруда. Из «Книги вопросов»

1 апреля.

– Уже должен начаться прилив, – сказал Мариус, поглядывая на часы. – Нам нужно собираться, а то наступит буль-

буль!.. – и он показал жестами, что с ними обоими будет, когда вернётся вода.

– Конечно, на сегодня хватит, пойдём, – улыбнулась Мария, довольная, высоко поднимая сумку со свежесобранными моллюсками, крабами и ракушками – чтобы показать. В высоких болотных сапогах, растрёпанная на морском ветру, она была чертовски хороша, как озорной сорванец-симпатяга, и Мариус невольно залюбовался подругой.

Они вдвоём направились по влажному обнажённому в час отлива дну – дальше, к сухому берегу, до которого приливная волна обычно не доходила. Мариус с лёгкой тревогой следил за временем, чтобы случайно не опоздать, но, казалось, что нынче природа решила сделать передышку – прилив не торопился.

– Что-то сегодня как-то не по графику, – виновато сказал Мариус, когда они с Марией выбрались наконец на недосыгаемую для воды высоту.

– Ну и ладно! – ответила девушка. – Самое главное – на завтрак насобирали!.. – И она, обнажив ряд великолепных зубов, игриво взглянула на своего парня, а потом прильнула к нему, к его крепкой моряцкой груди в мохнатом свитере; обняла и потянулась губами. – Любимый!..

Молодые поцеловались. Мариус стоял счастливый, согревая свою единственную, и радовался каждому мгновению, когда она была рядом. Вместе с тем краем сознания он был немного не здесь – всё смотрел и смотрел боковым зрением на океан. И видел – вода и не думала заполнять оголённую на время акваторию, наоборот, она вроде бы отступала всё дальше и дальше... Мариус прервал поцелуй.

– Что, любимый?.. – спросила подруга.

– Да ничего... Просто странно как-то, – и он взглянул в сторону горизонта. – Могли бы и не торопиться... Что-то с приливом и отливом не так... Во-он куда вода ушла – её отсюда едва видно!.. Сколько живу, а такого...

– Да Бог с ней, с водой, – прошептала Мария и, вновь прижавшись к Мариусу, поискала губами его губы. – Не думай ты ни о чём... Лучше иди ко мне! Мой милый!..

2 апреля.

– Джимми, – сказал редактор, – после планёрки заглянешь ко мне.

Джеймс О. Попкин, ведущий-журналист телеканала ОМ-МАНИ-Пи, кивнул головой и, налив из автомата кофе, проследовал со стаканчиком в кабинет шефа.

– Итак, ты возглавишь эту группу, о которой мы сейчас говорили, – редактор удобно развалился в кресле. – Ваша задача – разобраться, что, чёрт возьми, происходит с океаном и почему на всей линии побережья дно обнажается с такой стремительностью и на таких больших участках. Вот, – шеф перегнулся и перебросил через стол пакет материалов, – это информация, которой мы располагаем на девять утра. Везде, во всех портовых городах, если не паника, то состояние нездорового возбуждения. Суда лежат на брюхах, рыба подохла нафиг, народ толпится на набережных и пристанях. Наши репортёры ведут прямую трансляцию с места событий; но это не даёт ответа на вопрос: какого дьявола? Что это всё значит?!

– Я понял, – Попкин отхлебнул горячего кофе. – Мне нужны вертолёт, два оператора и... вот, предлагаю этих четырёх корреспондентов, – и он выложил перед редактором список. – Нужно будет поработать с Морской академией, институтами океанографии, климатологии и сейсмологии, Штабом ВМС, а также с властями на местах и судоходными компаниями. Ну и данные из библиотек...

– Конечно, ты уже как следует подготовился к нашему разговору, – проворчал редактор, пробегая глазами список. – Ты знал, ты всё знал... Далекое пойдёшь! – и он повернулся к селектору, вызвал секретаршу: – Руби, свяжите меня с губернатором... А ты, Джимми, давай двигай, возьми, что тебе надо, чёрт побери. К вечернему выпуску новостей у нас уже должно быть что-то конкретное, и я вообще жду от тебя отдельный аналитический обзор событий. Короче, свободен!.. Хэллоу, это господин губернатор?..

Попкин, прихлёбывая кофе, закрыл дверь редакторского кабинета и на ходу набрал номер мобильного телефона. Дождался ответа, допил из стаканчика, смял его и забросил по пути в ближайшую урну в конце коридора.

– Привет, Эва! – бодро поздоровался в трубку. – Насчёт сегодняшнего ужина в «Ночном павлине», о котором мы договаривались. Боюсь, всё отменяется. Только не ругай меня очень сильно – это связано с морем, да... Ну, эти необъяснимые пока что дела... Но завтра... Или послезавтра... Я торжественно обещаю тебе...

5 апреля.

Капитан Йон Густафссон, высокий, широкоплечий и веснушчатый, с копной рыжих волос, с тревогой склонился над навигационной картой в окружении своих помощников по кораблю. Контейнеровоз «Крейзи пенгвин», плавающий под панамским флагом, шёл с грузом из 2 800 контейнеров TEU и как раз сейчас находился в относительной близости от мыса Доброй Надежды.

– Вообще ничего теперь не понять... – капитан в сердцах выругался. – Где какая глубина – всё так быстро меняется! Данные со спутника устаревают на глазах; мы получаем их, а они уже не соответствуют действительности... От этой карты проку нет!

– Херр капитан, – сказал первый помощник, – по существу мы не можем зайти ни в один из портов южной Атлантики, они все сейчас осушены. До тех пор пока мы не будем иметь точную информацию об изменении маршрута в связи со складывающимися обстоятельствами, предлагаю лечь в дрейф и придерживаться вот этих координат, – он очертил на карте границы района. – Уровень дна достаточно низкий и предполагает, что мы не сядем на внезапно возникшую из ниоткуда мель...

Капитан промолчал и лишь подошёл своей характерной походкой вразвалку к бару, спрятанному в стене за картиной с изображением парусника среди волн. Открыл, достал бутылку дорогого виски, налил себе на палец.

– В общем, так... – начал было он, но договорить не успел.

Судно трянуло – просто зверски, с сокрушительной силой, палуба, а с ней и всё в штурманской рубке содрогнулось, как при шести-семибалльном землетрясении. Звякнули приборы, перевернулся стол, и кое-кто из людей с шумом попадал на пол; но капитан удержался на ногах. С яростью он смотрел на свой стеклянный стакан, из которого от толчка пролилось содержимое, замочив пальцы и белый форменный китель.

– Ах ты ж... – прорычал Йон Густафссон, выпил одним глотком то, что осталось в стакане, и сурово взглянул на неуклюже поднимавшихся с пола. – Дрейф, говоришь... Вот мы и приплыли! Не было тут раньше никакой банки!.. Эй, Ларс, ты живой? Проверь, что там в машинном отделении. Остальные – со мной, на мостик и на палубу. Выясним степень повреждений...

Они вышли на пронизывающий ветер, и шквал солёных брызг обдал их с головы до ног. Капитан озабоченно оглядел волнующийся вокруг судна океан – но никаких признаков суши, оголившихся рифов, поднявшегося дна заметно не было. Однако Густафссон знал, что под днищем уже слегка накренившегося корабля притаилась смертельная опасность, которая, видно, уж и не отпустит их – до самого конца...

Где-то недалеко, в полумиле от контейнеровоза, капитан вдруг заметил выпрыгнувшего из воды кита. Он издал протяжный низкочастотный гул-крик, и было в его мощном оглушающем вопле нечто надрывное...

7 апреля.

– Прошу вас, господа министры, садитесь. – Премьер выглядел каким-то усталым, и в голосе его чувствовалось напряжение. – Мы собрали вас сегодня на экстренное заседание, посвящённое одному-единственному вопросу. Вы все знаете, что в последнюю неделю на Земле происходит масштабный катаклизм, объяснить природу которого учёные пока не в состоянии... – Премьер-министр обвёл собравшихся тяжёлым взглядом. И вздохнул. – Мы будем рады услышать ваши рекомендации, чтобы выработать единый государственный план действий. Слово предоставляется министру по чрезвычайным ситуациям, он доложит о текущей обстановке в стране и за рубежом. Слушаем Вас, Кавамура-сан.

Итиро Кавамура, седой и подтянутый, церемонно поклонился премьер-министру и всему кабинету. Взял в руки данные. По его знаку референты разнесли каждому из присутствующих отпечатанные пятнадцать минут назад карты со свежей информацией и с пометками «Для служебного пользования».

– В настоящее время, – начал он, – мы наблюдаем резкое и быстрое понижение уровня мирового океана, которое в той или

иной степени затронуло всю планету. Процесс стремительный, и ситуация меняется с каждым часом. Отлив воды – назовём это отливом – оголил огромные участки суши, в результате чего осушены практически все функционирующие порты во всех странах. Вы можете посмотреть конфигурацию суши и воды на предоставленных вам картах...

– Скорость отступления океана разная в разных случаях, она зависит от рельефа дна, особенностей береговой линии, течений, температуры воды и других факторов, – Кавамура был серьёзен, как никогда. – Средняя скорость составляет от 8 до 15 километров в час, или от 5 до 9 морских узлов. В результате территории континентов и островов сильно увеличились, многие острова перестали быть таковыми. Так, например, море отодвинулось от Нью-Йорка примерно на тысячу километров, от Токио – на триста пятьдесят. Японский архипелаг стал единым массивом суши, и площадь страны возросла в 1,7 раза.

Англия и Франция отныне соединились в одно целое, пролива между ними больше нет. То же произошло, например, и с Кубой и США – смотрите сами...

О внутренних водах. Как ни прискорбно, но процесс затронул и их. Реки и озёра большей частью пересохли, обмелели, превратились в скопище почти не связанных друг с другом фрагментов. Например, перестала существовать как общее система Великих Американских озёр. Каспийское море по сути исчезло с поверхности земного шара...

Самое загадочное во всём этом процессе – мы не знаем, куда девается вода. По закону сохранения жидкость не может никуда исчезать, она лишь меняет физическое состояние: испаряется либо превращается в лёд. Однако на практике в данном конкретном случае наши наблюдения не подтверждают возрастания влажности в атмосфере Земли, скорее наоборот – воздух, и климат в частности, становится более сухим. Тают арктические и антарктические льды – но их талые воды почему-то не препятствуют иссушению планеты...

Экспертами оперативно выдвинута гипотеза, что вода просто-напросто стекает внутрь Земли, в её глубинные недра, через образовавшиеся на дне океанов гигантские дыры – подобно тому, как вытекает вода в сливное отверстие ванной. Однако мы понимаем всю слабость этой теории, и к тому же она не

объясняет причину постепенного исчезновения пресной воды также из всех крупных резервуаров и хранилищ. Как следствие, уже сейчас наблюдается острейшая нехватка запасов питьевой воды в городах и сёлах.

Но и это не всё. Специалисты отмечают катастрофически быстрое изменение климата по всей планете. Он становится гораздо более жарким, средняя температура возросла на два градуса, нарушен озоновый слой, и увеличивается радиация, повышается общий радиоактивный фон...

В этот момент перед премьер-министром вырос помощник, который, почтительно склонившись, прошептал ему на ухо какую-то информацию.

– Так! – громко сказал премьер, оборачиваясь к присутствующим. – Прошу меня простить, Кавамура-сан, что перебиваю... Мне только что сообщили о начале извержения вулкана Какаяма – раньше он находился под водой, в цепи донного хребта к юго-востоку от наших островов. Сейчас же вылез на поверхность; самое плохое, что он связан в единую вулканическую систему с двенадцатью другими вулканами, до сих пор считавшимися потухшими, и они соответственно тоже проявляют активность... Боюсь, что нам придётся в срочном порядке эвакуировать более трёх миллионов человек населения ближайших префектур...

13 апреля.

– Не высовывайся! – тихо приказал Педру. – Пригнись-ка к земле!.. – Сам же он, с пистолетом на взводе, осторожно выглянул из-за укрытия – проверить, не заметили ли их с Жуселину парни, вооружённые автоматами, – в тридцати шагах отсюда.

Бандиты прислушивались, однако, видно, ничего особенного в осматриваемом месте им не показалось. Они отправились дальше – по пустынной улице, с разгромленными магазинами и остовами машин, сожжённых в ходе недавних трёхдневных беспорядков; полиции, увы, так и не удалось взять под контроль эту часть города после волнений измученных жаждой людей – местных рыбаков и их семей, в одночасье оставшихся без моря.

Внезапно один из бандюков-мародёров выпустил автоматную очередь куда-то в провал окна в здании напротив, с закопчёнными от дыма стенами, и оглушительный треск пуль

разорвал тишину во всём притихшем, истерзанном, затаившемся районе.

– Уф-ф!.. – выдохнул Жуселино, когда очередная опасность миновала, и, повернувшись, уселся прямо на пол с битым стеклом и пылью от штукатурки; опёрся спиной о камни. – Слушай, у тебя там ещё пара глотков должна быть...

– Воды? Или кашасы?.. – Педру усмехнулся и, спрятав пистолет, пристроился рядом.

– Воды, конечно, я уже на кашасу смотреть не могу...

Педру вытащил из кармана узенькую фляжку.

– Бери, брат, только помни, что это всё, что у нас осталось... Нам хотя бы до завтра дотянуть, может, у наших ребят ещё чуток водички найдётся!..

Жуселино смочил губы и молча вернул флягу обратно. Встал. Отряхнулся, оправился.

– Эти свалили, – сказал. – Ну, если мы не поторопимся, то не успеем к донье Изабелле на кандомбле ...

...Конечно, они не успели, потому что пробираться по извилистым улочкам старого города, ежеминутно скрываясь от членов соперничающих банд, было делом нелёгким. Когда молодые люди выбрались на песчаный берег, за пепелищем и руинами последних сгоревших зданий, в то место, которое ещё недавно было берегом, а нынче превратилось в начало бескрайней дурно пахнущей пустыни, уходящей за горизонт, церемония уже завершалась.

Педру и Жуселину, спрятав оружие, как тени, присоединились к другим участникам ритуала, извивавшимся и раскачивавшемся в причудливом танце под мерные удары атабаке и кашиши. Главная жрица – донья Изабелла, толстая, чёрная, как смоль, в белом пышном платье и белом платке на голове кружилась и кружилась, впав в транс... Женщины-исполнительницы воздевали руки к небу, совершали плавные волнообразные движения, покачивали бёдрами в мистической танцующей походке, и в сумраке жаркой ночи под ритмичный бой барабанов их силуэты казались волшебными бабочками, порхающими под луной.

Донья Изабелла, в которую на время вселилась Йеманжа, одна из богов ориша, пробежала перед танцующими, и можно

было слышать её неясные хриплые крики: «Олокун умер, он ушёл от нас!.. Йеманжа больше не родит рыб!.. Единный Бог-творец проснулся, но он отдаёт себя другому миру!..».

Педру устало спросил у Жуселину:

– Ты всё понял?

Тот в ответ лишь махнул рукой:

– А что тут понимать-то? Нам кранты... – И, отойдя к пальме, вытер пот со лба. – Короче... Короче, дай глотнуть – на этот раз кашасы из твоих последних запасов...

15 апреля.

Толпа напирала и напирала, и сдерживать её становилось всё труднее. Лейтенант подошёл к Абеди Мбвеле, стоявшему в оцеплении, и коротко сказал: «Дайте предупредительные выстрелы в воздух!». Мбвеле так и сделал – очередь загремела, как тамтам, сухо и жёстко, и люди на мгновение замерли, потом отпрянули назад; но лица их горели ненавистью, злобой, и Мбвеле было крайне не по себе.

Он сейчас готов был провалиться сквозь землю...

Молодой, но уже опытный солдат, он нёс службу по линии ооновских голубых касок. В этой бедной, забытой Богом стране и так политическая обстановка складывалась не лучшим образом, а в последние две недели вообще стало невмоготу. Люди вокруг как озверели, и солдатам из ООН приходилось постоянно быть в напряжении, выполняя свою миссию, они словно ходили каждый день по лезвию ножа. Тем более что в соседних лесах объявились чуть ли не партизаны, те нападали на мирных жителей села, на крестьян и даже на гуманитарный конвой с питьевой водой. Страшно стало жить и служить. Мбвеле ощущал это всей кожей.

...Сейчас на аэродроме, точнее, на подступах к нему, творилось чёрт знает что. Голубые каски должны были защищать желавших вылететь на небольшом самолёте. Лейтенант сообщил, что это группа учёных и с ними ещё два-три политика, которые пытаются разобраться в причинах происходящего, почему отовсюду уходит вода и как лучше поступить в сложившихся обстоятельствах.

Мбвеле стоял в оцеплении у маленького здания аэровокзала посреди раскинувшейся до горизонта саванны, и лишь

силуэт далёкого вулкана Килиманджаро с курящимся поверху дымком нарушал монотонность иссушённого жарой пейзажа.

– Вы относитесь к нам, как к свиньям! – кричали из толпы.

– Пустите нас! Мы тоже хотим эвакуироваться на самолёте!..

– Только о себе и думают! – со злостью прокричала стоявшая сразу напротив Мбвеле высокая чернокожая женщина с маленьким ребёнком. – Вы все продажные! Вы охраняете трусливых главарей! Они хотят сбежать из страны, а вы им служите! На простой народ вам наплевать!..

– Мама, – проплакал ребёнок, – я пить хочу...

– Потерпи, родной, – откликнулась мать, и хотя голос её заглушали выкрики и визг разгневанных протестующих, Мбвеле расслышал всё хорошо – слишком близко находился к ним.

– Всем стоять! Стоять на месте! – завопил лейтенант неподалёку, обращаясь и к своим солдатам, и к толпе. – Иначе мы вынуждены будем открыть огонь на поражение!

Толпа заволновалась, зашумела, заигикала, заулюлюкала. Засвистела.

Мбвеле, в глубине души пристыженный, старался не смотреть на маму с малышом...

Вскоре на охраняемую территорию аэропорта заехали два пропылённых навороченных джипа, битком забитых озабоченными пассажирами с чемоданами и узлами.

– Прибыли! – бросил лейтенант солдатам. – Всем приготовиться! Держать цепь! Самолёт должен безопасно взлететь!..

Сам самолёт тем временем заводил моторы, и толпа людей распалялась от бессилия что-либо сделать.

– Чтоб вы все сдохли! – заорала женщина. – Будьте вы прокляты, тьфу на вас!

– Мама! Мама! – рыдал ребёнок.

Сердце Мбвеле сжалось, и мир зашатался кругом. Он видел только лицо несчастного мальчугана и его растрескавшиеся от жажды и жары чёрные губки.

– Возьмите, – произнёс солдат, не выпуская оружия, другой рукой тем временем отстегнул от пояса солдатскую флягу с водой. И протянул матери с ребёнком.

Та схватила её быстро и молча, открутив металлический колпачок, поднесла горлышко малышу к губам. Ребёнок жадными глотками пил и пил прямо из горла.

– Отдай! – взвизгнул кто-то, и соседние протестующие выхватили флягу у женщины из рук. Фляга исчезла в толпе, люди взревели, как моторы на взлётно-посадочной полосе. Женщина с ненавистью взглянула в глаза Абеди Мбвеле и плюнула в него.

Мбвеле молча и деловито сдерживал всё усиливавшийся поток напиравших.

Самолёт, видимо, перегруженный, пробежал по полосе в облаке пыли, разогнался и, сверкнув на солнце слившимися в цельные диски лопастями, тяжело оторвался от земли, беря курс в противоположную от Килиманджаро сторону...

17 апреля.

Они шли по тем землям, которые ещё совсем недавно были морским дном...

Их было двое всего – мальчик и девочка, мальчик немного старше, но сколько именно им обоим было лет, сказать сейчас уже никто не смог бы, слишком измождёнными выглядели дети. Ссутулившиеся, со впавшими глазами, они даже не шли, а ковыляли – куда-то, куда было известно только им самим. И Богу, если бы он, конечно, не отвлекался от людских страданий.

– Кианфан, я дальше не могу, – сказала девочка и в изнеможении села на камень, проживший большую часть жизни в качестве подводного. Сейчас камень был совсем чёрный и грустный, от него исходило зловоние, как, впрочем, и от всего остального, что находилось вокруг, – сказывалось разложение многих тонн водорослей и умерших рыб, скользких – бывших когда-то скользкими и осклизлыми – морских тварей.

– Надо идти, Юи, – отвечал её старший спутник. – Если мы остановимся, то никогда не придём к маме.

– Почему ты думаешь, что мы её там найдём?..

– Я знаю, Юи, твёрдо знаю, что мама наша в тех краях, а дойти мы можем, лишь сократив дорогу – через залив по дну. Поверь мне, сестрёнка, мы доберёмся...

Девочка, казалось, вот-вот расплечется. Но она сдерживалась из последних сил.

– Я пить хочу... – жалостливо сказала она. – Если бы немного водички...

Её брат молча направился к ближайшей мутной солёной

луже – их немало встречалось им по пути, похожие на грязные, не до конца запёкшиеся сгустки больной крови. Зачерпнул ладонью горькую жижу. Принёс.

– Подержи во рту и выплюни, – пояснил он девочке, сам облизывая пересохшие губы. – Только не глотай!..

Та жадно положила влажный комок грязи в рот.

Мальчик с состраданием смотрел на сестрёнку...

– Ну ладно, если ты очень-очень хочешь, то отдохнём... Только совсем немного, чтобы успеть, успеть... Успеть... Мы обязательно доберёмся до той гряды, которая была когда-то берегом... Поверь, я твёрдо знаю. Мы пересечём океан! – и он как-то странно оскалился – такой невесёлой вышла у него улыбка. – Ты ведь не забыла, что меня зовут Кианфан?..

Но Юи, оказывается, спала, сидя на камне и свесив свою головку на грудь. Мальчик глянул на неё с болью в глазах, и мука отразилась на его недетском лице.

Потом он сел рядом с девочкой и, прищурившись, осмотрелся. Бросил взгляд в небеса – там, дожидаясь своего часа, парили чайки, страшные птицы, раскормленные за последние несколько дней. Кианфан хмуро глядел на них и отсчитывал в уме отведенные на драгоценный отдых секунды – считал до тысячи...

20 апреля.

– Заносите, сюда, сюда, – сказал врач, указывая на освободившееся место в больничном коридоре; предыдущего пациента, умершего от истощения и обезвоживания организма, уже успели унести. – Положите больного здесь.

Сказать, что госпиталь был переполнен, – значит ничего не сказать. Люди лежали чуть ли не на головах друг у друга: осунувшиеся, хрипящие, со всевозможными болезнями, которые вдруг повылезали у всех и каждого в минувшие пару-тройку недель. Больше всего было пациентов, пострадавших от нехватки жидкости, а также с новообразованиями на коже, кистой и опухолями внутренних органов – следствие радиации, возросшей до критических величин. Опухоли развивались стремительно, больные теряли сознание тут и там, и помочь им в сложившихся обстоятельствах не представлялось возможным – но можно

было хотя бы создать иллюзию борьбы с этим страшным недугом, хоть как-то его смягчить... А людям в нынешние времена были важны именно участие, внимание – злобы и ненависти они и без того натерпелись.

Также хватало пациентов, пострадавших в драках, потасовках, давках за водой и продуктами, даже получивших огнестрельные ранения. Ну и таких, у кого были болезни глаз – от жары, ультрафиолета, пыли, разложения начинались воспалительные процессы.

Конечно, госпиталь в нынешней непростой ситуации мало что мог предложить больным, кроме ухода. Лекарства и медикаменты по сути закончились; большим спросом пользовался морфий, и его продавали по дороговизим ценам сомнительные личности в коридорах больницы, уже даже не прячась от охраны и персонала – всё равно полицейская служба была занята совсем другим.

Этот, только что поступивший в госпиталь очередной больной имел огромную ужасную опухоль на лице, и принявший его врач отдавал себе отчёт, что медицина здесь – тем более в обстановке конца света – бессильна. Но распорядился поместить несчастного в проходе и по мере возможности медсёстрам поддержать его...

...Сам же врач, он же заведующий отделением, пошатываясь от усталости, побрёл к себе в кабинет, который сейчас также использовался и как склад оставшихся немногочисленных медикаментов. Врачу требовалось хотя бы минут 15-20, чтобы отключиться и передохнуть, так как он не спал уже больше пятидесяти часов...

В кабинете за отделением на негнущихся ногах подошёл к окну и бросил взгляд во двор. В глазах кололо и резало – дай бог, чтобы просто от недосыпания. С высоты четвёртого этажа открывалась вся окрестная картина – широкий больничный парк с уже высохшими от отсутствия влаги деревьями и увядшими цветами, с вытопанными газонами и клумбами; везде, где только можно, были установлены палатки для приёма больных, и в них люди лежали и сидели, а немалое число волонтеров разного возраста возились с ними, лечили их, утешали. И они же уносили ушедших из жизни, которых было слишком много, чтобы индивидуально хоронить.

Врач, постояв и посмотрев, вернулся к столу, включил компьютер... Странное дело, но электроника всё ещё работала в эти дни, по крайней мере в больнице – от собственного «движка». Хотя топлива уже оставалось очень мало... На мониторе, в специальной служебной программе, возникла картинка – результаты анализов некоего пациента, с рентгеновским снимком лёгких и данные компьютерной томографии избранных органов. Врач молча рассматривал хорошо видимое раковое поражение, и ему совсем не хотелось лишний раз читать фамилию больного – его собственную фамилию и его собственное имя... Он просто глядел, думал, наблюдал...

В дверь постучали. В кабинет заглянула старшая медсестра, всё ещё старавшаяся выглядеть свежей и уверенной в себе, хотя и с кругами под глазами.

– Привезли группу солдат, около тридцати человек, раненых при защите водонапорной башни, – информировала она заведующего. – Я не представляю, куда их можно разместить!

– Пойдёмте, – вздохнул врач и встал. – Попробуем что-нибудь придумать. – По пути, однако, развернулся и подошёл к компьютеру. Закрыв открытую программу, чтобы никто из медиков ничего не смог увидеть, и отправил машину в сон. А своей подчинённой сказал: – Мы должны, мы просто обязаны что-нибудь для них сделать...

22 апреля.

Месса заканчивалась. Папа Римский служил её сам, как и случалось почти все последние дни в Ватикане из-за особо тяжёлой обстановки и важности участия Его Святейшества в деле общения с Господом во времена Сухомора. Проведя заключительный обряд, во время которого кардиналы торжественно прошествовали по залу под бормотание молитв и звуки органной музыки, папа проследовал в отдельные рабочие покои.

Его сопровождало несколько служителей церкви, и среди них кардинал Джованни Боккалеоне, являвшийся много лет и личным секретарём, и префектом Папского дома. Он почтительно склонил голову перед папой, снявшим свою тяжеленную тиару и присевшим в старинное резное кресло передохнуть, – сказывался восьмидесятилетний возраст.

Окружение папы стояло поодаль и ждало распоряжений.
– Вы можете быть свободны, – устало отпустил всех высший первосвященник. И махнул рукой в красной перчатке, украшенной драгоценным перстнем с печаткой. – А Вы, кардинал Боккалеоне, пока задержитесь...

Когда комната опустела, папа продолжал некоторое время задумчиво сидеть в кресле и чём-то думать.

Кардинал не спешил прерывать его размышления.

– Я знаю, какую информацию Вы ждёте от меня... – папа снял очки и протёр старческие слезящиеся глаза. – Знаю... У меня такое впечатление, кардинал, что Бог... чем-то занят. Он вовсе не покинул детей своих, не думайте, что стадо осталось без пастуха. Но, как сейчас принято говорить, Он... работает над другим проектом, погружён в него всецело, и новые деяния овладели Его помыслом... Пройдёт время, и Бог вновь обратит на нас, человек, взоры свои... А пока нам остаётся молиться и ждать, и звать, и просить. Ибо всему своё время, и время всякой вещи под небом...

Кардинал Боккалеоне поклонился, понимая всю безысходную мудрость папиных слов и его боль – боль понимающего и страдающего.

– Всему своё время, и время всякой вещи под небом, – продолжал папа. – Время рождаться, и время умирать... время убивать... время разрушать... время плакать...

...И папа долго смотрел куда-то в невидимую точку, согнувшись под тяжестью груза, который невозможно было снять ни с головы, ни с души, ни с сердца...

26 апреля.

– Доложите обстановку, – сказал верховный правитель, и лицо его было бледно и нахмурено.

Генерал из ЧКПС (Чрезвычайного комитета по противодействию Сухомору) взял в руки указку, подошёл к экрану, спустившемуся у стены с потолка. Свет в конференц-зале потух, едва слышно загудел проектор.

– На сегодняшний день положение даёт нам определённые перспективы. К плюсам относятся: первое – увеличение площади нашего государства за счёт новых, осушённых природою земель – мы и так до сих пор занимали колоссальную террито-

рию, но сейчас она возросла, по оценке военных специалистов, в три раза, и возникла проблема демаркации границ в новых условиях, с соседними государствами, площадь которых также, к сожалению, выросла. Суша теперь занимает две трети всей Земли. – Генерал показал указкой на изображение на экране. – Вызывает тревогу лишь факт, что мы теперь граничим по суше – в том месте, где раньше был океан, – со своим исконным врагом, с которым раньше не имели сухопутных границ. Это потребует от нас дополнительных ресурсов для строительства разделяющей стены протяжённостью свыше восьми тысяч километров.

Второе. Заметно сократилось население, что позволяет высвободить столь необходимые нам средства. В частности, теперь стало возможно произвести экономию бюджета за счёт социальной сферы, в том числе за счёт следующих статей: соцзащита, образование и медицинское обслуживание. Правда, в последнем случае министерство здравоохранения требует увеличить финансирование на нынешний бюджетный год из-за возросшей потребности в лечебных учреждениях, но нашими экспертами был просчитан коэффициент соотношения скорости сокращения народонаселения и прироста новых территорий, который позволяет найти приемлемое решение: необходимо просто оттянуть удовлетворение запроса минздрава, и в течение двух месяцев проблема отпадёт сама собой. Так сказать, естественным путём.

– К сожалению, – продолжал докладывать генерал, – имеются и минусы. К ним относятся: высокий уровень радиации, на который не рассчитана наша боевая техника, недостаточное количество дорог для передвижения военных колонн – прежде всего там, где раньше располагалось морское дно, далее, быстрое устаревание топографических данных...

– Генерал, – вдруг строго прервал его с места верховный правитель. – Вы полный идиот!..

– Слушаюсь, – пролепетал генерал, машинально вытягиваясь по стойке смирно. – Есть полный иди... от... Товарищ верховный пра... пра...

Правитель встал и рассержено покинул конференц-зал. С ним из помещения вышло двадцать человек свиты.

Верховный своей быстрой, уверенной, легко узнаваемой походкой – надо сказать, удивительной для человека его воз-

раста – прошёл через анфиладу комнат государственной резиденции. Добрался до рабочего кабинета и в дверях повернулся к сопровождающим его лицам.

– Всем стоять здесь! – приказал он. – Со мной внутрь никто не заходит!

Далее он заперся, сел за огромный дубовый стол с идеально разложенными на нём бумагами – донесениями, справками, докладами и т. д. (компьютеры верховный не любил и не доверял им) и, не переставая хмуриться, погрузился в раздумья. Ещё через час встал – чтобы включить музыку, его любимую композицию «Вот новый поворот» группы, с которой враждовал полжизни, – и, вернувшись к столу, вытащил из нижнего ящика маленький, но надёжный пистолет, которым пользуются разведчики.

Подошёл к широкому, на всю стену окну с пуленепробиваемыми стёклами... Посмотрел наружу – на высохшую под жарким солнцем поляну, на которой в прежние времена росли деревья, позднее вырубленные из соображений безопасности... Постоял, подумал... Взял курок...

...Охрана за дверью переполошилась от звука выстрела. Генералы побледнели, кто-то из агентов схватился за сердце. Но это уже не имело никакого значения. Откуда-то из комнаты всё ещё неслись последние аккорды ныне запрещённой в стране песни:

...Ты не разберёшь,
Пока не повернёшь
За по-во-рот...

29 апреля.

...Безлюдные улицы...
...Развалины...
...Пепелища, оставшиеся после пожаров...
...Мумифицированные трупы тут и там – видны были страшные маски на искажённых от боли, застывших лицах людей...

...Потрескавшаяся земля – от сухости, от сейсмических толчков, от мученической вибрации планеты...

...Тощий, измождённый лев, каким-то чудом ещё живой,

бредущий куда глаза глядят и разрывающий покойников в безнадежных поисках крови...

...Тишина...

...Мёртвая тишина по всей планете...

8 мая.

– Ты посмотри, сколько рыб! – воскликнул Жак-Ив, с изумлением наблюдая ожившее изображение на мониторе – картинка передавала то, что снимала камера вокруг корпуса их батискафа в свете специальных прожекторов.

Альбер также глянул и восхищённо вскинул брови.

– Боже мой, – пробормотал он, – никогда ещё не видел такую их плотную концентрацию!..

Оба исследователя молча смотрели, удивлялись и любовались плавающими вокруг них миллионами, да что там – миллиардами подводных существ, занимавших буквально каждый кубометр воды, словно пассажиры в переполненном вагоне метро в час пик (увы, грустная и глупая на сегодняшний день ассоциация, ибо никакого метро, да и пассажиров на свете больше не существовало).

– Ты понимаешь, да? – спросил Жак-Ив. – Они спасаются здесь, приплыли со всего Мирового океана именно сюда, в Марианский желоб. Он ведь самый глубокий на Земле, и только в нём – ну ещё в трёх-четырёх аналогичных точках – остаётся хоть немного моря, у самого дна... Какая сейчас у нас глубина?

Альбер взглянул на показания приборов:

– Мы опустились на 1600 метров, и, видимо, скоро достигнем дна... Это всё, что осталось от Марианской впадины... Вода, кстати, продолжает понемногу убывать.

– Да, – Жак-Ив вздохнул. – 1600 метров. Для нашего батискафа – детская задача, но где сейчас найдёшь глубже?.. И ты заметил, что никаких глубоководных монстров и диковинных существ, характерных для Марианской экосистемы ещё совсем недавно, за бортом не встречается?

– Конечно! Их разорвало при понижении давления воды, по мере её оттока, а остатки плоти съели рыбы. Теперь здесь более или менее обычная водная среда, всё равно как в верхней, поверхностной зоне Тихого океана... Рыбам – раздолье.

– А нам?..

Альбер помолчал. В борт внезапно ударила какая-то крупная и наглая рыбина; подводное судно чуть заметно вздрогнуло, и послышался глухой стук. В лучах прожектора мелькнуло нечто вроде особо здоровенного морского чёрта-удильщика. Рядом с ним проплыл скат.

– Сколько у нас в запасе времени? – Жак-Ив был неумолим. – Всего два часа? А что потом? Всплываем?.. – Он произнёс это таким тоном, что было ясно – вопрос задан чисто риторический. – Где мы всплываем? И, главное, зачем? Мы и так с тобой, видимо, остались последними...

Альбер, не вдаваясь в дискуссию, подвинул к себе бортовой журнал и, склонившись, принялся что-то усердно в нём писать.

– Я хотя бы отмечу всё, что мы видим, результаты наших наблюдений – для тех, кто потом нас найдёт...

– Ты уверен, что найдут?

– Батискаф не песчинка, рано или поздно он кому-нибудь из подводников бросится в глаза... Пусть когда-нибудь... В будущем.

Послышался ещё один удар в сверхпрочный корпус. Морским тварям было тесно там, в глубине, и они были вынуждены лавировать, нередко сталкиваясь друг с другом и с глубоководным кораблём.

– Ладно, – сказал Жак-Ив коллеге. – Я, как командир экипажа, благословляю тебя. Пиши! Хотя лучше бы ты оставил послание потомкам... В стихах, например:

Когда я на море смотрю,

Море видит меня?

И кто убедит океан

Быть более благоразумным?..

За бортом послышались новые звуки – они были похожи на низкий голос моря или же песнь мироздания, прощальную песнь по тем, кто уходил из прежней жизни навсегда...

10 мая.

Одинокая птица летела над пустынной землёю. Над песками и над камнями, над чёрными горами, которые когда-то были покрыты толщей солёной океанской воды. А сейчас не было этой суши – дикой, сухой, безжизненной – ни конца, ни края...

Птица кричала, но крик её поглощали равнодушные небеса, и даже облака не подслушивали, потому что отныне не существовало облаков, они все ушли в историю.

Разве что крошечный водоём – это отсюда, с высоты, он казался крошечным – виднелся где-то в расщелинах мрачных скал, и лишь над ним одним ещё вилось небольшое облачко испарений. Последний бассейн, последнее хранилище влаги на земном шаре, каким-то чудом уцелевшее на месте бывшей Марианской впадины, в котором нашли приют рыбы, моллюски и морские животные со всего мира...

Бог смотрел из Вселенной на эту каплю воды и думал о чём-то своём... Никто не знал, был ли он доволен своей работой...

Меня зовут Антиной. И есть у меня жена, и также трое сыновей – Антисим, Антихам и Антиафет, и ещё есть разные рыбы и морские твари, коих я собрал подле себя, дабы спасти от жуткой всемирной катастрофы. И сказал мне Господь: подготовься, ибо сорок дней и сорок ночей будут происходить вокруг страшные события, вся вода уйдёт, и наступит Сухомор на планете.

И ещё Он сказал: Я сердит на ваше дельфинье племя, вы погрязли во грехе, и настал для вас час возмездия. Отныне не останется прежних дельфинов на Земле, Я позабочусь о том, чтобы все подводные грешники получили по заслугам, ибо нарушали Мои заповеди вашему морскому народу. Но тебя, Антиной, дельфина-праведника, Я оставлю в живых и дарую тебе возможность спастись, чтобы не пропали все труды Мои, когда Я создавал вас при сотворении мира. Ты возродишь дельфиний род, и будете жить вы честно и безгрешно, уже в новом качестве.

И ещё Он предписал мне собрать вокруг себя тех водных существ, которых смогу я сохранить, каждой твари по паре, и плыть с ними в место, Им указанное, которое одно не пострадает в дни тотального ухода воды.

К сожалению, не удастся спасти тех, кто живёт за пределами морскими и океаническими, на суше, и в том числе двуногих, – Господу не до них, а может, Он стал рассеян слишком; конечно,

мы, дельфины, как существа разумные для него представляем наибольший интерес... Мы мыслим, и потом мы не рыбы, мы сами по себе, и Бог считает нас вершиной Творения Своего, учитывая нашу идеальную биологическую форму...

Разумеется, Господь подумает о других своих детях, о тех тварях, коими населил когда-то, в прежние времена Землю, – в нужное время, как только завершит основные дела. Сейчас же Он увлечён судьбою дельфиньего племени, работает только с нами, и именно мне с семьёй выпала великая честь обновить наш народ благими деяниями и молитвами ради грядущего на планете.

Нынче исполнилось сорок дней и сорок ночей с начала Сухомора, и килька, посланная мной на разведку, доложила, что вода морская вновь начинает прибывать – везде, везде, везде. Хвала Всевышнему! Слава, слава! И мы вновь теперь будем жить и размножаться, и прославлять Имя Божие в веках! Аминь!

С НОВЫМ ГОДОМ, ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ!

...Часы пробили двенадцать ударов, и наступил Новый год.

Мы чокнулись, как и положено, я – шампанским, хозяева дома, где я коротал ночь, – водкой. Дружно вздрогнули и пожелали друг другу всего-всего-всего. Я почти не употреблял спиртного и сегодня сделал исключение ради приятелей и праздника; приглашающая сторона же уже была сильно хорошенькой и держалась на ногах исключительно для того, чтобы упасть лицом в оливье после традиционной дюжины ударов, а не до неё.

Выпив, закусив, мы по ходу посетовали на то, что бою кремлевских курантов в этот раз не предшествовало ставшее привычным поздравление по телевизору президента. Но не было, так не было, что ж... Во всяком случае, всей новогодней мишуры хватало и без того, и тем более на столе бушевало море алкоголя.

За окном раздалась пальба. Это ошалевшие граждане пускали ракеты, взрывали пиротехнические бомбочки, стреляли петардами, устраивали фейерверки и т. д. Небо озарилось

разноцветными гремучими сполохами, и тьма стала похожей на радужный шестицветный флаг.

– Друзья, айда во двор, посмотрим? А? – предложил я.

– Чего смотреть-то? Ик!.. С балкона вон всё видно... – пробормотал хозяин и приложился к очередной рюмке.

– Тогда я сам на пять минут сбегая... – мне было совершенно невыносимо сидеть в такой момент в тесной квартире, тем более чужой. Я выскочил в подъезд, оттуда – на заснеженную улицу и, задрвав голову, с замиранием сердца глядел на мерцание пороховых вспышек, сопровождаемое грохотом и бабахом справа и слева, и вообще везде.

«Интересно, – думал я, – а кто мне первым на мобилу позвонит? Говорят, от этого звонка весь год зависит...»

И тут, как по команде, у меня заиграла мелодия входящего вызова. Кстати, я установил себе «Боже, царя храни». Достав телефон из широких штанин, бросил быстрый взгляд на экран – там, однако, горело только: «Номер не определён». Странно. Но, блин, приятно, в такую-то ночь...

Я ответил на вызов – закрывая уши от боевых действий окончательно свихнувшихся горожан.

«Внимание, с Вами будет говорить президент нашей великой Родины, – сообщила мне в трубку какая-то девушка. – Не отключайтесь. Оставайтесь на линии».

– Что-о?! – заорал я в ответ. – Тут ни хрена не слышно! Я не понял!..

И в тот же миг сообразил, что пальба на улице как-то вдруг сразу прекратилась, во всяком случае, почти; последние свои слова я прокричал чуть ли не в полной тишине, воцарившейся среди сугробов.

«Президент Вас хочет поздравить! – громко и строго сказала позвонившая мне девушка. – Вы должны понимать, какая это честь». Далее последовал щелчок, и за ним – в трубке – небольшая многообещающая пауза.

«Чепуха какая-то, – подумал про себя я. – Ребята разыграть меня захотели...»

И тут же услышал голос ЕГО. Да, ЕГО САМОГО, без дураков. Если меня и хотел кто-то подколоть, то, должен признаться, у него получилось очень натурально, прямо не отличишь. На мгновение я потерял дар речи.

«Здравствуйте, Василий, – сказал в трубке президент, и голос его был тёплый, заботливый, проникновенный. – Только что наступил Новый, исключительно благоприятный для нас год, и я счел своим долгом позвонить в первую очередь вам лично, чтобы поздравить».

У меня пересохло в горле. Верить в такую фантастику не хотелось.

– Это... – я пытался подыскать нужные слова. – Меня на понт хотят взять, что ли?.. Дурачка из меня делаете?..

«Зря вы так! – президент казался обиженным. – Вы ведь Василий Иванович Лампочкин, родился 15 октября 1960 года, окончил среднюю школу номер восемь в Биробиджане, с четырьмя двойками, дважды неудачно поступал в МГИМО и ВГИК, работал слесарем на Челябинском тракторном заводе, в настоящее время разведен, трое детей, живущих с матерью, привлекался за неуплату алиментов, любовница Зинка с плодовоовощной базы, вы встречаетесь по средам, пятницам и воскресеньям по адресу: пер. Челубея и Пересвета, 13 с шести до восьми часов. Я правильно позвонил?».

– Правильно... – пробормотал я, растерянный донельзя. – Слушаю Вас, господин президент...

«Так вот, продолжаю, – неслось из трубки, всё тем же удивительным тоном, чутким, отеческим. – Новый год наступил. Как всегда, мы с волнением ждём этот праздник. Загадываем желания, дарим друг другу подарки. Радуемся замечательной традиции встречать Новый год в семейном кругу, с родными для нас людьми и друзьями. Атмосфера добра, внимания и щедрости согревает наши сердца. Открывает их для светлых помыслов и благородных дел, вселяет надежду...».

Мне внезапно пришла в голову мысль попросить у президента поддержки в некоторых вопросах – раз уж у нас с ним разговор тет-а-тет. Вспомнилось, как посадили друга – за то, что его на дороге случайно переехал мажор, попался некстати. И еще о неприятностях у соседки – она заведующая библиотекой, и ей в фонды подкинули литературу враждебного государства, «Кобзарь» Шевченко. А также пришла на ум судьба нашего бывшего директора – его взяли за то, что отремонтировал за свой счет сельский ДК, силовики оформили расчет с подрядчиком как взятку. Захотелось сказать и о дворничихе из Центральной

Азии, умершей при родах во дворе роддома, так как ее не пустили на порог. И о знакомой девушке, на которую ополчились власти из-за репоста в интернете...

– Господин президент, – торопливо сказал я, – и Вас поздравляю с Новым годом! Я хотел Вас попросить...

«Подождите, не перебивайте, – ответили в трубке. – Я не закончил. Я прекрасно знаю о всех ваших проблемах, и поверьте – мои люди взяли их на контроль. Так вот. Из счастья и успехов каждого человека складывается процветание нашей Родины. Любовь к Родине – одно из самых мощных, возвышающих чувств. Дорогой Василий, сейчас, когда мы подводим итоги уходящего года, хотел бы искренне поблагодарить вас за верность и солидарность с нашей политикой, за глубокие чувства правды, чести, справедливости, ответственности за судьбу своей страны. За неизменную готовность отстаивать интересы Родины, быть вместе с ней и в дни триумфа, и в пору испытаний. Добиваться исполнения наших самых смелых и масштабных планов...».

– А-а-а-а!!! – кто-то завопил под боком. Мимо меня промчалась женщина, потрясая мобильным телефоном. – Со мной говорит НАШ ПРЕЗИДЕНТ!!! – закричала она на бегу. – Представляете?! Сам! Президент! Говорит! Со мной! А-а-а-а!.. – и скрылась в темноте.

Мимо проехал автобус – наверное, первый в Новом году. В его ярко освещённом салоне я увидел кучу народа в шубах, зимних пальто и меховых шапках; все пассажиры с трепетом держали в руках телефоны и благоговейно слушали, что им говорят в трубке невидимые собеседники. На их лицах сияло непередаваемое блаженство, они светились от гордости, и чувствовалось, что душой и сердцем они не здесь.

Даже водитель автобуса вёл машину – и одновременно говорил с кем-то по телефону, вернее, внимал звонившему, и тихая радость играла на его светлом челе.

«В наступившем году нам вместе предстоит решить немало задач, – продолжал поздравлять меня президент. – И год будет таким, каким мы сами его сделаем, насколько эффективно, творчески, результативно будет трудиться каждый из нас. Других рецептов просто нет. Мы должны выполнить, реализовать всё намеченное, ради себя, ради наших детей, ради Родины... Василий! Пора сказать самые тёплые слова своим близким.

Сказать им спасибо за понимание и надёжность, за терпение и заботу. Чем больше будет доброты и любви, тем увереннее и сильнее мы будем. А значит, и успеха обязательно добьёмся! С Новым годом вас, Василий, с новым счастьем!».

– Сейчас, сейчас, – бормотал я сам про себя, – сейчас нужно сказать ему, что зарплату задерживают уже полгода и цены на базаре под праздник взвинтились в десять раз! И что дорога, которая ведет к нашему учреждению, – ее отремонтировали несколько месяцев назад – просто рассыпалась в прах из-за некачественного асфальта...

Но в трубке послышался ещё один щелчок – мой собеседник отключился. Зато вместо него я услышал девушку, ту же самую, что и в начале, и она напомнила: «Вы сейчас говорили с президентом нашей страны. Спасибо за внимание!».

Дальше последовали гудки...

Я стоял посреди ночной заснеженной улицы, потрясённый, с телефоном в руке. И вдруг ощутил прилив какой-то сумасшедшей энергии, наполнявшей меня по самую макушку. Я понимал, что нынешний разговор, нынешнее поздравление – это аванс, который мне выдан не просто так, он свидетельствует о высочайшем доверии мне как патриоту и гражданину.

Я ничуть не обратил внимания на то, как забегали вокруг меня подвыпившие горожане – те самые, что взрывали пиротехнику пять минут назад. Как они вопили до одурения: мол, нам только что позвонил президент! Самолично, не посчитал за труд поздравить с Новым годом! Пре-зи-дент! ПРЕ-ЗИ-ДЕНТ!!!

Я понимал, что это смешно – не мог же в самом деле глава государства звонить каждому, тем более в такую важную, ответственную минуту. Пусть ТЕ думают, что хотят, утверждают, что хотят. Я-то в действительности знаю, КОМУ ИМЕННО позвонил ОН САМЫЙ.

Я гордился, и сердце моё пело. Как будто заново родился! С восторгом взглянул в небеса. Смотрел и видел там мириады звёзд, ставших свидетелями этого удивительного, выдающегося, потрясающего события. Хотелось жить и действовать!

Я выпрямился. Приосанился. Проникся. И понял, что в Новом году готов идти с новыми силами в новый бой.

ПОЭЗИЯ

НОВЫЕ СТИХИ

ШАХМАТЫ

Отцовский взгляд, придирчивый, как рашпиль,
Часы двойные с кнопкой, блеск доски,
И лампы круг, и день почти вчерашний
Ворчанью сонной мамы вопреки.
Волшебный мир квадратно-чёрно-белый.
Победы вкус, и поражений гнёт.
Король дрожит, но смелой королевой
Пусть жертвенный, но начат вечный ход!

С тех пор я быть пытаюсь королевой
В делах, в утратах, в горестях – во всём,
И, правая, увы, считаюсь левой,
Когда пора пожертвовать ферзём.
Хотя я, в грязь лицом не ударяя,
Стараюсь сдюжить, взявшись лишь за гуж.
А жизнь была и адом мне, и раем,
И чем-то вроде цеха стрижки душ:
Иллюзии, мечты, надежды – стружкой
Затейливо сползали, чтоб нагой
Душа осталась, – без любви, без дружбы,
Без сожалений, сдобренных тоской.

И вот душа – спокойна, беспристрастна,
Легко уйдя от всех мирских погонь,
Себя подняв под стать высокой власти,
Забыв, что дым, однако, не огонь, –
Вдруг осознала: жертвы все напрасны,
Корона – не судьба, а только роль,
И юной пешке власть ферзя соблазном
Мерцает путеводным, а король
Готов отдать коня нахалке, царство,
Казну, победу, королевский чин,
Моральный кодекс разменять на цацки:
Вдруг ощутив себя по-холостяцки,
Как водится нередко у мужчин,
Корону сдвинув набок залихватски,
Обняв молодку явно не по-братски,
Уже ведёт её под балдахин.

О королевы! Жертвы ваши глупы.
На зло с добром без вас расчерчен мир.
Законы игр людских – не для суккубы.
А в беззаконье свергнутый кумир –
Увы, ничто – вот так сбивают тумбы,
Похмельным утром покидая клубы,
Взрывая светом окна всех квартир.
Пусть жив Приам, но вы – уже Гекубы,
Америки, каких не ждут Колумбы,
Случайным вепрем стоптанные клумбы,
Бесплодный всеми брошенный такыр.

Ну что сказать? Права была ведь мама,
Что шахматы дитяте ни к чему.
Увы: в игре намеченная драма –
Лишь матрица незрелому уму.

АВТОПОРТРЕТ НА ФОНЕ 1990-х

В тех незабвенных девяностых,
Когда любой грядущий день
Мог съесть меня легко и просто
Иль навсегда задвинуть в тень,
Лишив работы и достатка,
Жилища, статуса, семьи, –
Ах, как тогда любилось сладко!
Какие пели соловьи
В душе! – ведь каждый миг последним
Мог стать в бурленье бытия.
Была, как все, чуть-чуть я ведьмой.
И в том заслуга не моя,
А просто в миг, когда надежды
Хрустально крошатся навек,
Свою личину, как одежды,
Срывает в спешке человек,
Чтоб обнаженность чувств и веры
Его вели над бездной вдаль,
Чтоб от агонии империй
Уйти тропинкой той, что встарь
Спасала прадедов от смуты
Набегов вражьих, прочих бед;
И чтоб в секунды, не в минуты,
Мы постигали мудрость вед;
Чтоб всё, что нам дано природой,
Внезапно вскрылось подо льдом
Надежд и образов – угодных
Не нам, а тем лишь, с кем живём,
Кого считали мы опорой
В своём привычном круге дел.
Мы прозревали очень скоро.
А кто с прозреньем не успел,
То оставался где-то втуне
В грядущей жизни, и уже
Букашкой в вечном накануне,
Как в янтаре, как в мираже,

Смирялся, гас, не исчезая,
Не раздражая, не вина.
А жизнь летела, как борзая,
За дичью в дикой пляске дня,
Который всё, чем были, выжег,
Вознёс, втопав сначала в дно.

Благодарю за то, что выжить
Мне было всё же суждено –
Нахальной рыжей певчей птичке
Без злата, хлама, без гнезда...
Последний день живу! –
Привычка
Со мной осталась навсегда.

ПЕРЕВОДЯ ЭПОС

А во сне только тени людей
Вижу, хоть повествую о них я.
Мной разбужено давнее лихо –
Яркий отблеск бессмертных идей
Бытия, что на равных несу
С земляками в истории новой,
Всё надеясь, что древность спасу
От забвения певческим словом –
Пусть лишь эхом:
В чужом языке
Нет созвучий, всего лишь намёки:
Трубной медью наполнены строки
На чужом;
На моём же – в руке,
Как во сне, остаётся лишь тень,
Эхо, трепетный запах невнятный;
И язык мой становится ватным –
Им ворочать как будто бы лень.
И бескровные тени людей,
В сердце боль оставляя, уходят.

В отлученье от таинства вроде
Начинается серенький день.
Всё пропало – сжимаешь виски.
День течёт, застывая, как дёготь.
Ногти – в хлам, приниматься за локоть?!

Только издали – слышу! – легки:
Акула, Сарала, Телкызыл...
Прямо в мозг мой врываються кони,
Сквозь прижатые к векам ладони
Вижу ужас, объяввший аил,
Слышу вскрики, и ржанье, и лай,
Чую запах горящих амбаров,
Где предвестником долгих пожаров
Ветер носит иссохший курай;
Слышу, вижу!.. Уже без преград
Понимаю, участвую в схватке:
Ровным строем в раскрытой тетрадке
Строки-конники дружно летят!

Акула, Сарала, Телкызыл –
Ржанье их переводится сердцем.
Это давнего детства посыл:
А куда безъязыкому деться,
Очутившись в стране, где язык
Не похож на привычную мову,
И покуда обучишься слову –
Жизнь полмира упрячет в тайник?
Насекомые, птицы, зверьё –
Вся дворовая живность, – бывало,
В мире стать мне своей помогала,
Отделяя от правды враньё.

Всей истории верные псы
Вы – животные, птицы и звери:
Через вас раскрываются двери
В неразгаданный мир Лао-Цзы
Или Ричарда Баха простор,

Чья душа – белоснежная чайка –
Всё пытается взмыть до сих пор
Ввысь, где главная светится чакра;
Сам царевич Иван – не дурак
Выбрать в дружбе своё продолженье, –
Верил Волку, иначе никак
Не свершил бы во власть восхождение.

На пространствах всех Сказов – взглядись:
Волки, соколы, тигры и кони!
Протестанты мы все, –
На иконе
Их писать запрещает нам высь,
Охраняя от мольб и молитв,
Чтобы дать хоть немного им воли
От людских нескончаемых битв,
От предательства, хитрости, боли,
От больших и незримых обид...
Не скажу и полслова я боле.

О ЛЮБВИ

Встретились – и думали: навеки.
Но легло прошедшее, как сталь,
Между.
О любимом человеке
Мне расскажет разве что печаль.
Нет, не та печаль, что грустной песней
Лишь подёрнет взгляд в вечерний час,
А печаль, что столько в мире весит,
Что ломает напрочь хрупких нас.
Я тебя на дно тянуть не вправе.
Я одна виновна в том, что нет
Радости в любви,
Что ты отравлен
Хмелем всех обид моих и бед.
Спотыкалась в жизни столько раз я,

Разбросала множество камней;
Собирать приходится сейчас их
Мне одной? –
Конечно, только мне.
В мир, придя беспомощными, так же
Одиноки были, как сейчас.
У небытия всего лишь кража –
Жизни нешлифованный алмаз
Как попытка стать хотя бы частью
Света, озарения, огня.
Тьма поглотит скоро жадной пастью
Всё, что остаётся от меня.
Обними покрепче на прощанье,
Посмотри последний раз в глаза.
Не к тебе – к себе я беспощадна,
Мне светить, наверное, нельзя:
Ни любить, ни радоваться счастью,
Ни лелеять ласковый уют.
Выпадало это всё нечасто
Мне, рождённой горечью для смут.
Рада я, что миг хотя бы прожит,
Как в мечте несбыточной, во сне.
Вспоминай почаще, мой хороший,
Без усмешки только обо мне.

Хорошо, что жизни оставаться
В памяти навеки не дано.
Лишь мгновенья – вот и всё богатство:
Взгляд, объятья, старое кино,
Стук дождя в стекло, далёкий ужин
При свечах, улыбки, шёпот тел.
Предвкушенья счастья в том, что нужен
Хоть кому-то, –
В этом наш предел.

БАРАХОЛКА

Здесь продаётся шкаф славянский,
Конь шахматный и конь троянский,
Передник девы Орлеанской,
Пиратский мостик капитанский,
С кибиткой срощенный цыганской,
А также флигель адъютанский,
Без позолоты аксельбант;
Кусок от белой юрты ханской
Династии тьмутараканской,
Юбчонка армии шотландской –
На самом главном месте бант;
Хрусталь, почти венецианский,
Клавир из ямы оркестрантской,
Ковёр – когда-то хоросанский,
Но по нему прошёл десант
Мышей или скворцов афганских:
Он стал мечтой американской,
Где лишь название – гарант...

О мозг мой, хватит гнать диктант!
Любой из нас, порывшись в жизни,
Столь барахла отыщет к тризне
И, может, даже бриллиант
Отковыряет из-под спуда
Вестей, пришедших ниоткуда,
Что ношей тащит он, атлант,
Прислужник яви, адъютант,
Вещей ненужных интендант,
Забытых описей педант,
Что мозг хватает, сколько влезет:
Архив бездонный – бесполезен!
Кто в том хозяйстве комендант?
Утерян ключ, а из команд
Одну лишь помним: про талант,
Что зарывать его – к болезни,
Что он, мол, выведет один

Из свалки множества годин,
Из гиблой кучи информации,
Где так несложно затеряться,
Забывать – зачем и кто ты есть...

Могла бы ересь дальше несть,
Но, впрочем, знать пора и честь:
Ум перетряхивать – без толка.
Пока. Закрыта барахолка.

Январь-март 2017 г.

ПУТЬ К СЕБЕ

Стихи

К началу

В проводах наши ветры играют,
И звенят по дороге столбы.
И пути мои перебирают
Беспокойные пальцы судьбы.

И на этих бездомных дорогах,
И у новых истоков дорог,
Не смогу я и вспомнить немногих,
Кто со мной разделить бы их мог.

Вспомню джунглей коварные тропы,
Бездорожье пустынь и степей,
Ошалелые трассы Европы,
В горных кряжах обрывки путей.

По родным и по чуждым дорогам
Я прошел, меж людей – одинок,
Открываясь ветрам и тревогам,
Унося, что не смог – не сберёг.

Но когда в волосах золотишки
Пыль дорог завершит серебрить,
Я вернусь к своей первой тропинке,
Где когда-то учился ходить...

Скажи что-нибудь

Разговор бесполезный не клеится,
Собеседник туманный размыт.
В занавесках блеск ночи синее
И луной с небосвода коптит.

Отголоски словес разбегаются
И забвение мыслям дарят:
И охотней они забываются,
Чем серьезней о них говорят...

Где-то мечется память в движении
И надеется что-то успеть.
На всплеснувшееся раздражение
Опустилась молчания плеть.

Кто-то что-то сказать мне старается.
Я глазами присох к темноте.
Мысль пробиться куда-то пытается
В заблудившихся слов тесноте.

В день совсем возвращаться не хочется
От уюта ночной пустоты.
Неиспытанное одиночество
Над собой расставляет кресты.

Не скорблю и не чувствую бремени
Жизни, стиснутой в жалких горстях.
В будущем - у прошедшего времени
Слишком долго я стыну в гостях...

С улыбкой

Я, кажется, уже забыл,
Как долго в этом мире жил,
Но жить хотел бы дольше.

Ошибок много совершил,
Но если б не курил, не пил,
То совершил бы больше.

Один

Зажгу свечу. Наполню два бокала.
И с памятью их выпью на двоих.
Взгрустну о тех, кого уже не стало,
И вновь налью – и подниму за них.

Задумаюсь (зачем такие мысли?)
Над тем, чем привыкали дорожить.
Совсем упасть ли, потянуться в высь ли?
Быть может, жизнь по-новому прожить?

А за окном, за шторок рукавами,
За окнами в следах октябрьских слёз,
Мне сумрачно качает головами
Чета всё понимающих берёз.

Нет, я не смог бы жизнь прожить иначе,
Ничто иной судьбой не соблазнит.
Вот только сердце не болит, не плачет,
А как-то по-щенячьему скулит...

Прощание с Боомским ущельем

Уже остатка дней не жаль,
Судьбы несбывшихся обманов:
Не блещет мысль, не манит даль –
Дорога автокараванов.

Не огорчит пустой расклад
Спокойствия уставшей мысли:

Не так на мир глаза глядят,
И склоны в воздухе повисли.

Пусть много не успел сказать,
Но этого уже не надо –
Настало время увядать
Средь облетающего сада

И оглянуться, и уйти,
И, не жалея, не вернуться,
Из слов последний вздох сплести,
На гор безмолвье оглянуться...

Чему пока что нет названья

Мы почему-то слепо верим,
Что в жизнь приходим, чтоб любить,
Дерзать, придумывать, творить,
Но чем на самом деле мерим
Мы то, чем жизнь не раз ударит,
Раздаст нам бед, забот, разлук,
А может быть, безмерных мук,
Что нам она так часто дарит?

Чего мы ждем? Слепых стремлений,
Непозабывшихся утрат,
Пути куда-то наугад
И неисполненных решений,
Иль заблужденья вечных знаний,
Где смысла не было и нет
Среди потоков долгих лет,
Средь очарованных исканий...

Но всё – следы воспоминанья,
Тревоги, радость, грех и злость –
Во что-то новое слилось,
Чему пока что нет названья
Ни в мудрости скупого чувства,

Ни в человеческих словах,
Ни в обесцвеченных слезах –
Гримасах стертого искусства.

А ждем-то мы совсем иного,
Но что же делать, если так
Распоряжается чудак
Что чтим мы как Творца земного! –
В начале жизни мы разбудим
В себе столь искренний обман,
Что он есть Бог, а не туман,
И лишь в конце пути остудим
Столь пламенное убежденье,
Живущее как благодать в нас...

Но сколь же сладостно подчас
Обманчивое утешенье!..

Александр СИДОРЧЕНКО

СТИХИ, КАК ПАЛЬЦЫ, ВСЕ РАЗНЫЕ

СЛУЧАЙНЫЙ ПЕРВЫЙ СНЕГ

Бредёт куда-то пёс хромой,
Давно отбившийся от стаи,
На ветках с жёлтой бахромой
Случайный снег по каплям тает.
В горах летает вороньё,
Почти всё небо застилая.
Уже зима? О, нет - враньё!
Она придёт не завтра. Злая
Метель ещё свои права
Предъявит всем пушистым валом,
И листопадная трава
Уснёт под новым покрывалом.

ОСТАЛЬНОЕ - ПОТОМ...

Ты блинов напеки
С джемом «Вкусный Апорт»...
Не Париж, не Пекин,
Вспоминай южный порт,
Розы в вазе, грильяз
И нектар на устах,
Две тропинки на пляж
И зайчонка в кустах.

Все забросив дела,
Под плащом темноты
Были наши тела
Не на Вы, а на Ты.
Волн морских колыбель
Убаюкала нас,
Но не спал Коктебель,
Веселился «Парнас».

Остальное - потом...
С грустью влажных ресниц
Недописанный том
Без последних страниц...
Не Париж, не Пекин,
Вспоминай южный порт
И блинов напеки
С джемом «Вкусный апорт»...

КТО ЭТО? WHO IS IT? WER IST DAS? КИМ БУЛ?

А кто эти люди за гладью экранной?
Живые? Больные с душевной раной?

Любители кошек, собачек и птичек?
Раскрашенных ярко пасхальных яичек?

Вот фаны «Ювентуса», «Челси» и «Барсы»,
Вершин покорители - «Снежные Барсы»

И дамы козырные с куклами вуду.
Такие не снились ещё Голливуду.

Здесь каждый учёный, философ, политик,
В вопросах семейных членкор-аналитик,

Мажоры, Миноры, Диезы, Бемоли
И с ними такие же Белые Моли.

Одни вспоминают прошедшую днюху,
Другие несут откровенную йнюху,

Как голая вумэн играла на тубе
И сколько там лайков уже на ю-тубе.

Особая тема — проблемы здоровья:
— Ем только морковку, сдаю завтра кровь я.

— Уже на диете сижу две недели,
Потом на релакс улетаю в Нью-Дели.

Советы от храпа, поноса, чесотки
Находятся быстро при помощи сотки,

Расскажут про все эрогенные точки
И как за три дня подлечить быстро почки.

Да много чего... куча всякой там хрени,
Минуту читаешь — мозги набекрень и —

Сам видишь, что это потоки из хлама,
Дешёвая, лживая чушь и реклама.

Для Джона, Камилы, Лючии, Акрама,
Как воздух, теперь весь ресурс Instagrama,

Там сразу покажут — с кем ели и спали
В Намибии, Швеции, Чили, Непале.

— Пусть все лицезреют. Ах, суперски было!
От зависти сдохнет соседка-кобыла!

Про Selfie не буду, их здесь галереи:
В бикини на башне и даже в ливрее,

В обнимку с акулой, с живым крокодилом,
На пляже нудистском и в храме с кадиллом.

Приличные люди есть тоже – без скверны
И глупых улыбок за стойкой таверны,

У них на страницах по делу всё, чётко,
Не только «Лезгинка», канкан и чечётка.

Про пишущих скромно молчу. Неприлично.
Ведь многих же знаю заочно и лично,

Строчат все про то, что придумали в спешке,
Ферзи́ есть, Слоны и, конечно же, Пешки...

**ДОРОГА. ПО «ЗЕБРЕ» – УТКНУТЫЕ В ГАДЖЕТЫ.
У ЖДУЩИХ МАШИН ВЫРЫВАЕТСЯ: «ГАД ЖЕ ТЫ!..»**

ЗДРАВСТВУЙ!

ЭтиРанниеСтрокиНаписаны
ПервымиЛучамиСолнечногоУтра
БезЗнаковПрепинанияИпробелов

всё будет прочитано позже
а пока на влажных и сладких губах ещё остались
последние секунды сна
который ты обязательно забудешь

они брызгами крыльев разноцветных бабочек
сразу разлетятся как только откроешь
проснувшимися ресницами свои бездонные глаза
цвета южного полушария

всплеск свежей палитры этого дня
на твоих локонах отразится

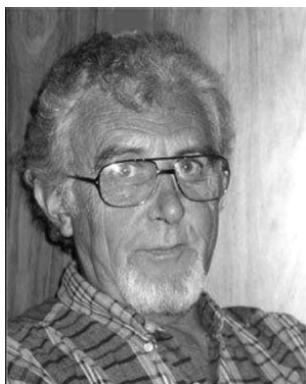
предчувствием хорошего настроения
и приливом желанной бодрости

с остатками ушедшей ночной прохлады
затаившийся в овраге ветер
обнимет своим дыханием все тело лишь только ты
сделаешь первый шаг навстречу новым впечатлениям

Доброго и Светлого Дня!
Нежности и Радости!
ЗДРАВСТВУЙ!

ГОРНЫЙ ПРИВАЛ.

На склонах снег. 100 капель. Водка.
Не подвела метеосводка.
Мы здесь не дышим гарью, пылью.
Вторую выПью. Третью выЛью.

ЖИВИ И ДИВИСЬ

Стихи

Мысль – моя вотчина

На семи ветрах всклокочена –
полюс крика, низ и высь –
моя маленькая вотчина,
моя чудо-юдо мысль.

В ней и с нею все исхожено,
все промерено дотла:
то беспомощно тревожна,
то насмешливо светла.

Но какой бы цвет ни выдался:
игровой ли, болевой –
только с ней еще не выдохся,
только в ней еще живой.

И терять нам вроде нечего,
я ли в ней – она ль во мне
с зорьки утренней до вечера,
а порою и во сне.

Иногда, бывает, схватимся,
разлетимся по углам,

да и то лишь в знак симпатии
к красноречью и стихам.

То туманна, то отточена,
то темна – не оступись,
моя маленькая вотчина,
полюс жизни: низ и высь.

Такая планета

Бушует жара,
ах, какая жара!
ну какая жарница!
Все градусов двести,
а может быть, триста,
а может быть, тыща.
И все говорят, что сносился в планете
какой-то там поршень,
а я утверждаю:
в ней страсти такие –
то меньше, то больше.

Бушует толпа,
звереет толпа –
ну какая толпища!
Голов где-то двести,
а может быть, триста,
а может быть, тыща.
И все говорят, что замучены люди
тяжелой погодой,
а я утверждаю:
обычное стадо
по зову породы.

Террор ли, геройство ль,
но только растут пепелища
веков где-то двести,

а может быть, триста,
а может быть, тыща.
И все говорят,
что неправильны наши
пути к совершенству,
а я утверждаю:
здесь те же магниты,
что в тяге к блаженству!

Не знает покоя ни днем и ни ночью
над нами Всевышний.
Он праведных точит
и дьяволов мочит,
и ставит на нищих.
И все говорят, что сносился в планете
какой-то там поршень,
а я утверждаю:
в ней страсти такие –
ни меньше, ни больше.

В тиши волны

Тихим солнцем залит Мексиканский залив,
в нем волна шелестит и лопочет о чем-то,
будто душу свою перед кем-то излив,
все трепещет еще, словно тело зайчонка.

Излиянье души – изваяние дна,
у поэзии нету иного причала,
разлетелась на брызги и рифмы волна,
а потом собралась – и опять все сначала.

Ритм стиха и души, и игривой волны –
суть хождение точки по вектору круга,
мы ведь тоже во всем абсолютно вольны,
а за что ни возьмись – повторяем друг друга.

Ничего! Кроме круга, волны и стиха!
Чуть за круг – и коллизия, дерзость, изгнание.
На плечах у волны, что лиха и тиха,
и печаль нетрудна, и нетрудно сознание.

Качели

А волны всегда на душе, на воде,
в пульсации вечной природа и слово,
едва мы сгораем, как снова и снова
из пепла встают очертания крова
и с ними – качели к добру и к беде.

В такой двуединой, двуликой среде,
единственно, где и живет все живое,
попробуй изъять из него все плохое –
волна захлебнется в смертельном покое
и с нею – качели к добру и к беде.

Но в том-то и благо! Никак и нигде
волну не унять никаким нашим криком,
ни горестным стоном, ни жалобой дикой,
ни бурным деяньем, ни мыслью великой...
И с ними – качели к добру и к беде.

Лето в декабре

Ну, а у нас декабрь ведет себя, как август,
по плечи утонув в зеленой бахrome,
и все так налегке, и ничего не в тягость:
ни мысли, ни слова, ни черти на уме.

И запросто вставать на дымчатом рассвете,
и выходить курить в чем мама родила,
и, босиком в траве удостоверюсь в лете,
заметить, что у пальм красивые тела.

Когда на все лады трезвонит телевизор
о том, что там и сям упала в минус ртуть,
морозы и снега, и сумасшедший blizzard,
я в океан вхожу и падаю на грудь.

И всё. И только плеск прибоя за спиною,
и только чаек крик, и только соли вкус,
и только шелк воды на мне и подо мною,
и счастья краткий вздох, срывающийся с уст.

* * *

На меже меж чумным и чудесным
я живу на огне бестелесном,
и порою сам дьявол небесный
улыбается мне свысока.

И еще: одинокие горы
затевают со мной разговоры,
и разводят смешные узоры
над моей головой облака.

Я живу на окраине жизни
вдалеке от людей и отчизны,
и кружит меня ветер капризный,
хохоча и куражась слегка.

И еще, и еще: в такт с волною
океан мне басит, что стеною
постоит за меня и со мною
он готов шелестеть, как река.

Ну а я, превратясь в красная,
всех их добрым вином угощаю,
даже дьявола не забывая
и не зная, что это – тоска.

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав АЛЕКСАНДРОВ

УДАЧА – НАГРАДА ЗА СМЕЛОСТЬ

За стенками палатки ревел Дульник. Так Серега Селиверстов называл ветер, который дует под сотню километров в час. Таким потоком продувают самолеты в аэродинамической трубе. Дульник срывал с гребня горы снег, и над пиком Победы висели грандиозные снежные флаги, предвещая хорошую трепку. И такое веселье продолжалось уже вторые сутки. До вершины Победы оставалась суцая ерунда. Четыреста тридцать девять метров. Правда, по вертикали. А сколько на самом деле, никто, кроме собственных ног, не знал. И каждый шаг на семи тысячах метров выше уровня Балтийского моря стоит прогулочного километра на земле. Отдых и сон заменяют тяжелая полудрема и дразнящие видения отнюдь не сексуального характера, напротив, в смысле пожрать в виде шикарного ломтя сала с чесноком. Да и номер в гостинице «Ребро Абалакова 7000 м», в форме палатки размером два на полтора метра на четверых нормальных мужиков спортивного вида люксом не назовешь. Одна четырехспальная кровать – из двух спальных мешков на карематах на ледовом полу. Удобства во дворе. Окно с видом на Хан-Тенгри открывать нельзя. Выдует тебя на улицу, не открывая дверей. Кондиционер от компании «Ледник Иньльчек» работает исправно. Ночью минус сорок два. Днем теплее – минус тридцать. Но главное, «Все включено!».

Летом здесь гораздо комфортнее. Ночью градусов десять мороза, а днем и до десяти тепла может солнышко пригреть. Правда, если ветра не будет. Но так то ж лето... А на кой черт

мы сюда в феврале приперлись? Примерно такие мысли медленно проворачивались вперемешку с тяжелой полудремой в Серегинной голове.

Вчера утром сунулись из палатки на склон. Вышли поздно, часов в девять. Ветер дул в ритме аргентинского танго. То сбивал с ног, то делал короткую остановку, когда можно было в темпе вальса в три такта сделать несколько десятков шагов по крутому фирновому склону. Так учат ходить зеленых новичков на Ак-Сайском ледопаде в Ала-Арче. На раз – втыкаешь выше себя в жесткий снег ледоруб. На два – шаг левой ногой, обутой в двенадцатизубые стальные кошки, на три – приставляешь правую. Такая танцевальная карусель продолжалась часа три. На крутой скально-ледовый кулуар провесить веревку вперед выпустили Семена Дворниченко. Семе было тяжело работать на таком ветродуе. Но он согревался работой. А ребятам стало совсем грустно. В любых восхождениях самое противное – это стоять на страховке, не видя за перегибом партнера и ждать, когда он вылезет на надежное место и застрахуется. Или сорвется... Тогда веревку сильно дернет. А пока перспектива на таком ветру стать экспонатами фестиваля ледяных фигур не согревала. Пришлось отмахиваться. Не от назойливых мух, которых на ближайших ста километрах не наблюдалось. А махать ногами, чтобы восстановить кровообращение. Картина интересная. На громадной стене Победы, на высоте 7200 м, три чудака на крохотной площадке в громоздкой одежде неуклюже машут ногами типа матросского танца «Яблочко». Крыша вроде совсем съехала.

Но, кроме противников в виде высоты, ветра, мороза, с которыми можно было как-то справиться или договориться, был еще один. Его невозможно ни победить, ни заключить с ним соглашение о ненападении. Это Время. Всесильное и неумолимое. Его-то мужикам и не хватало. Вернее, залезть на вершину до заката они еще успевали. Но вот спускаться уже пришлось бы ночью. А это уже игра в «Русскую рулетку». Вероятность печального исхода - 95 процентов.

Хотя Семен, спустившийся с кулуара, и говорил, что дальше путь несложный, решение было принято. Спускаемся к штурмовому лагерю и завтра при нормальной погоде выходим на вершину. Если нет, то линиям вниз. А вот как определить,

нормальная ли она, эта самая погода, или нет, это вопрос, от которого будет зависеть не только достижение вершины, но и собственная жизнь. Утром будет понятно.

Идея совершить зимнее восхождение на пять высочайших вершин бывшего Союза, превышающих 7000 метров, возникла у наших ребят три года назад. Это пики Хан-Тенгри – 7010 м, Ленина – 7134 м и Победы – 7439 м, которые находятся на территории Кыргызстана. И две горы расположены на территории Таджикистана: пик Евгении Корженевской – 7106 м и пик Коммунизма – 7495 м, теперь он называется пиком Самони.

Наиболее шустрые ребята, взошедшие на все пять семитысячников, получали почетное звание «Снежный барс». Но эти восхождения совершались, как правило, летом, можно сказать, в комфортных условиях. А вот зимой в альпинизме наступал мертвый сезон.

Попытки поломать зубы на зимних вершинах совершили наши соседи, альпинисты ЦСКА из Алма-Аты. Это была мощная команда, состоявшая из сильнейших альпинистов Союза под руководством Ерванда Ильинского. И они выбрали достойную цель, самый северный семитысячник планеты – пик Победы.

Но победы, как правило, просто так не даются. Тем более что за пиком Победы тянулся шлейф дурной славы. Из-за его географического расположения, как забора между пустыней Гоби, в Китае, с юга и горами Тянь-Шаня, в Кыргызстане, на севере. Пустыня работает как раскаленная сковородка у хорошего китайского повара, а горные ледники служат кыргызским морозильником пресной воды для всей Центральной Азии. Из-за разности температурных темпераментов пустыни и гор в районе Победы регулярно возникают погодные катаклизмы в виде сумасшедшего ветра, снежного шторма, нулевой видимости, мороза и лавин. Добавьте коварной высоты и получите полный коктейль неприятностей для любителей адреналина.

Впервые нога восходителя ступила на вершину Победы в 1956 году. Это была первая удачная экспедиция под руководством Виталия Абалакова. Другие попытки были не столь успешны. Исполинская гора использовала весь свой арсенал против ничтожных людишек, возомнивших себя хозяевами природы! С тех пор Победа с устрашающей регулярностью собирала свою

страшную дань. В 1967 году счет взошедших на вершину и погибших на ее склонах восходителей почти сравнялся. Двадцать шесть взойшло, двадцать девять погибло.

На сегодняшний день чаша весов судьбы благосклонно склонилась в сторону восходителей. Девятьсот тринадцать человек побывали на ее вершине и вернулись. Шестьдесят шесть навечно остались на ее склонах. Да и многие из тех, кто возвращался, платили за вершину потерей обмороженных пальцев на руках или ногах. И по-прежнему Победа является одной из самых труднодоступных вершин мира. Даже летом.

Три раза казахские альпинисты предпринимали осаду зимней Победы. По всем правилам горовосхождений времен Советского Союза. Чтобы попасть в команду, все претенденты проходили многоступенчатый отбор. Участвовали во многих соревнованиях, это были реально сильнейшие спортсмены страны. Обеспечение экспедиции было на самом высоком уровне. Начиная от отличного снаряжения и продуманного питания, средств связи, тактического плана и заканчивая вертолетной поддержкой. Но только второе восхождение увенчалось успехом. Из двадцати участников экспедиции лишь четверо достигли вершины. Все работали на успех команды. Топтали тропу, таскали грузы на маршрут, разбивали промежуточные лагеря, навешивали веревки. Поднимались в верхние лагеря для акклиматизации и спускались вниз на базу. Потом снова и снова челночили по маршруту вверх и вниз. Постепенно лагеря приближались к вершине. Но только четверым участникам повезло. Они оказались в нужное время в штурмовом лагере и достигли вершины. Честь им и хвала.

А вот остальные ребята были вынуждены довольствоваться моральным удовлетворением от участия в такой сложной экспедиции. В спорте это было всегда. Победителю – золото, второму – серебро, третьему – бронза, а четвертому – моральное удовлетворение. Или в современном варианте – цветочная церемония. Хорошо, если цветочки не на могилу.

В третьей, неудачной экспедиции повезло участвовать и нашему «кыргызу» Сергею Селиверстову. Тогда команда смогла подняться только до высоты 6400м. А дальше Победа не пустила. Снежный шторм длиною в четыре дня, болезни,

высота. Ильинский решил не рисковать жизнями ребят и дал приказ возвращаться.

Но это поражение Сергей намотал на ус и понял, что зимой ходить на высокие горы МОЖНО! Нужно только изменить начальные условия. По финансовым и экономическим возможностям нам до казахов, конечно, недотянуться. А уж про вертолетную поддержку и говорить нечего. Овес нынче дорог. Очень. Один час полета нашего МИ-8 МТВ стоит 3 000 американских тугриков. А лететь до Иныльчека и назад шесть часов. Даже не считая, можно было забыть о благах цивилизации в виде воздушного транспорта. Но самый главный вывод – эпоха мощных экспедиций с длительной осадой вершины прошла. Большой состав команды заставляет тащить на склон большое количество снаряжения и продуктов. Для акклиматизации нужно много времени. Все вместе превращается в целую месячную эпопею. А высокие горы совсем не щедры на такие временные подарки. В плохой погоде открывается дырка в два-три дня. Вот в этот подарок природы и нужно успеть сходить на вершину. Для этого надо иметь небольшую мобильную группу сильных ребят. Хорошая техническая и высотная подготовка даже не обсуждается.

Тогда явилась другая замечательная идея. А почему бы для начала не сходить зимой на пик Ленина?! Он наш, домашний. Вертолет там не нужен. От Оша до Ачик-Таша машиной. А там – на лыжах, доколе возможно. Ну а потом старым способом, ножками до вершины. Тем более что многие из кандидатов на эту авантюру уже бывали на его вершине. Но летом. А это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

Компания собралась быстро. Капитан команды – идеолог Сергей Селиверстов, участники – Миша Даничкин, Семен Дворниченко, все кандидаты в мастера спорта по альпинизму – «кыргызы». Так в альпинизме времен Союза было принято называть команды по их принадлежности к республике. Четвертым был Алексей Усатых – россиянин, второй разряд по альпинизму! За плечами наших ребят, «кыргызов», были с десяток лет занятия альпинизмом. Десятки восхождений – от самой простой единички, пика Комсомольца, который виден из города, до сложнейших, шестерочных стен Свободной Кореи в

зимнее время. Как говорится: «У нас горы в огороде растут!», чего бы не ходить?!

А вот Алексей был из Барнаула. Типичный сибиряк: коренастый блондин с голубыми глазами, открытым добрым лицом и спокойным характером. Там степь голимая, глазу не за что зацепиться. По глупой (ой ли?) случайности попал в Ала-Арчу и заболел горами... Отучился смену в отделении инструктора Селиверстова, получил значок «Альпинист Кыргызстана». Вернулся на работу, на Север. Там кормилица, труба. Газопроводная. Внебрачная дочка «Газпрома». Работа на свежем воздухе за полярным кругом дает замечательную прививку от холода. А забеги вдоль трубы да по тундре, наперегонки с северными оленями, при свете полярного сияния – прекрасный тренинг для зимнего восхождения на пик Ленина. К этому времени Леша уже подросток до второго разряда.

У Семена Дворниченко наступила полоса перемен. Сменил инженерскую профессию на компьютерный дизайн. Обычные восхождения на «Скай Ранинг», то есть забеги на вершины. Он трижды становился победителем летних забегов на пик Ленина 7134 м. От первого лагеря на 4200 м до вершины он укладывался в семь часов! Там, где обычные альпинисты затрачивают четыре-пять дней! Ракетный ускоритель у него в кармане, что ли? Лет десять назад это было просто немыслимо. Просто никто не был готов к таким авантюрам. А время и прогресс неумолимы. Даже в горах.

Но ожидаемое приятное событие едва не сорвало все планы команды. Дворниченко были готовы к прибавлению в семействе. Но то, что событие случится раньше, не ожидали. В очередной раз встала проблема выбора. Уехать в экспедицию и вверить жену и процесс рождения ребенка нашей славной медицине? Или надавить на свое эго, отодвинуть свои планы и стать примерным семьянином хотя бы на время рождения малыша, о котором мечтал?! Семен выбрал семью.

Восхождение, на удивление, проходило гладко, почти по плану. До Сары-Могола добрались на машине. Дальше встали на лыжи. Благо современные технологии дают просто обалденные возможности. На лыжи наклеиваются ленты из искусственного меха – камуса, и они позволяют идти прямо вверх по склону до тридцати градусов крутизны. Технологии – это прекрасно.

Но вот тащить проклятый груз пришлось все равно на себе. Двадцатикилограммовый рюкзак за спиной. Еще пятнадцать – в пластиковые сани-волокуши, и грациозным аллюром вперед.

13.01.16 SMS от Сергея Селиверстова.

«День пути (26 км, 10,5 ч) на лыжах и с санями, и мы на Луковой поляне. Правда, сегодня халява: в санях только личка, основной груз лошадьми закинули. Всех с наступающим Старым Новым годом!».

Дальше – пехом на лыжах. Благо снег закрыл камни на морене ледника, и двигаться было не очень сложно. Разбили лагерь под маршрутом на 4200 м. Решили идти не по классике через Раздельную, а напрямик через скалы Липкина.

На закате вершина загорелась всеми оттенками красного. В морозном прозрачном воздухе она казалась неприступной обителью богов. Трехкилометровая стена утопала в тени, давила на психику и говорила:

– Кто вы? Зачем пришли сюда? Вас здесь не ждут!

И тут до ребят окончательно дошло – они одни. Совсем одни! Затеряны в этом бескрайнем мире, у черта на рогах, где горы сливаются с бездонным космосом. И если что случится, то на помощь никто быстро не придет. Единственная ниточка, которая связывала их с Большой землей, – это спутниковый телефон. Маленькая такая пластиковая коробочка, набитая какой-то электронной ерундой. А над головой, в четырехстах верстах, висит спутник, дай бог ему здоровья. И если какой-нибудь чипоид откажет, то ниточка оборвется. И станет совсем не весело. Но команда была готова и к такому повороту сюжета.

18.01.16 SMS от Сергея Селиверстова.

«Поднялись на 5240 м, поставили лагерь. По пути встретили туристов (шесть человек), они после 6000 вниз на отдых пошли. За бортом – 30! У нас все пучком!».

Интересно девки пляшут! Еще и туристы беспризорные по Ленинским просторам разгуливают. Совсем народ одичал! А они думали, что будут одни. Человек ко всему быстро привы-

кает. Привыкли и наши парни – к тридцатиградусному морозу и сильному ветру. А снега на склоне оказалось не так много. Зимой он сухой и легкий, не прилипает к склону, вот его сильным ветром и сдувает.

19.01.16 SMS от Сергея Селиверстова.

«Поднялись на 6100 м. Настрой на уровне! Холодно».

20.01.16 SMS от Сергея Селиверстова.

«Поставили 3-й лагерь на 6480 м. С утра гору закрыло, задуло. Как ёжики в тумане, бродили по ледово-фирновым склонам. Потом часа два копали места под палатки. Завтра по плану – штурм».

Блажен, кто верует! До вершины осталось 654м. Да в Ала-Арче за полтора часа можно забежать. Ну, ладно, за два. Но с чаепитием.

21.01.16 SMS от Сергея Селиверстова.

«Утром понадеялись, что к обеду растянет. Часам к 10 задуло так, что стало грустно. Развернулись на выходе с кулуара с 6800 м. Спустились в 3-й лагерь. Все подуставшие. Думаем, что дальше».

Ну вот, мужики, опять вопрос о принятии решения. И если бы оно зависело от тебя одного!

22.01.16 Тел. сообщение от Сергея Селиверстова.

«В 12.30 команда в полном составе была на вершине п. Ленина!».

Вот так. Просто и со вкусом. Мол, зашли в шикарный ресторан на высоте 7134 м, пообедали, расплатились по счету и отправились по своим делам в Ачик-Таш и Сары-Могол.

А ведь это не первое зимнее восхождение на пик Ленина. Его штурмовали пять команд с большими составами, хорошей поддержкой, но результаты были неоднозначны. Вершина была достигнута, но, к сожалению, были погибшие и сильно травмированные участники. А восхождение наших ребят в альпийском

стиле можно назвать элегантным. Ведь не только взошли, но и спустились в полном здравии.

И уже стали думать об очередной зиме. А в прицеле маячила заманчивая цель – великолепный красавец Хан-Тенгри 7010 м.

– Самый красивый семитысячник планеты! Мамою клянусь! – так сказал наш друг грузинский альпинист Афи Гигани.

Идеальная пирамида своей изящно заточенной вершиной врезается в ультрафиолетовое небо. Ее мраморное ребро разрезает на части налетающие облака, как нос грандиозного авианосца режет океанскую волну. А те, что цепляются за вершину Повелителя Неба, тянутся великолепным шлейфом в сторону Китая, этой древней Поднебесной Империи. Вечером, когда усталое дневное светило опускается за прохладные воды Иссык-Куля, его лучи отражаются в зеркале озера и бьют прямо в пирамиду Горы. И является чудо. Мрамора Хана загораются кровавым светом. Он начинает освещать им льды гигантской туши ледника Иныльчек, окрестные вершины и лица счастливых, попавших на это грандиозное шоу. Не зря местные жители еще в давние времена звали его Кан-Тоо, в переводе – Гора крови.

Планы на будущее – это хорошо. Но жить-то надо здесь и сейчас. Кормить семью, делать карьеру. Алексею в этом плане проще. Его дело – труба! Леша заботится о правильной прокладке газовой трубы по сибирским просторам, о ее качественной сварке, утеплении и успешном зарытии. «Газпром» заботится о его здоровье и зарплате. Как говорил бессмертный монтер Мечников из «12 стульев»: «Согласие есть продукт при полном непротивлении сторон!». В данном случае было достигнуто полное согласие между высокими договаривающимися сторонами.

Для Сережи Селиверстова все было сложнее и проще. Он был свободным художником. Горным гидом высшей квалификации, но без постоянного места работы. Есть клиенты на горный поход или восхождение – значит вперед. Какая-то денешка капнула. Нет клиентов – «Сижу фанза, пью чай». Пока был молодым казаком, такая жизнь вполне устраивала. Рюкзак, палатка, каска, ледоруб, песни, горы и друзья. Вот главные атрибуты, необходимые для счастья. Но вот на горизонте маячила перспектива создания семьи, и, видимо, придется вно-

сильные изменения в шкалу ценностей. Нужно искать постоянную работу или иной благодатный источник, превращающий серые, скучные будни в разноцветный праздник души и семейного благополучия. Но Серега решил пока тормознуть этот проект – до после восхождения.

Мишу Даничкина можно назвать потомственным альпинистом. Его родители, Саша и Любовь, еще в студенческие годы ходили в одной команде Фрунзенского политехнического института. Тогда это была самая знаменитая секция альпинизма в республике под руководством Анатолия Тустукбаева. Молодые ребята за несколько лет выросли от новичков до мастеров спорта. Облазили все местные вершины, добрались до Фанских гор, сходили на пик Ленина. Наивысшим достижением была экспедиция на пик Коммунизма. Родившись в такой горной семье, Миша с пеленок познакомился с горами, и они стали естественной средой его обитания. Уже с подачи родителей прошел начальную школу альпинизма в секции Федора Попова. Высокий, ладно скроенный, сухой, он реально родился для жизни в горах. Но лозунг, который витал в альпинистской среде в советское время: «Вершина любой ценой!», не принял. Хотя прошел все ступени альпинистской иерархии, от новичка до кандидата в мастера спорта, инструктора второй категории. Одним из первых получил звание гида Международной европейской ассоциации гидов. Горы и сейчас для него рабочее место. В семейной туристской компании Миша и менеджер, и гид, и водитель. Одним словом, «волка ноги кормят». Вырваться ему летом на спортивное восхождение очень трудно, а вот зимой – есть шанс.

Горы четко делят входящих к ним людей на своих и чужих. Однажды Федор Ефимович Попов как завкафедрой альпинизма и туризма в физкультурном институте привез на традиционную Майскую альпиниаду студентов для сдачи зачета по туризму. Тогда государство заботилось о развитии туризма, и все будущие тренеры и учителя физкультуры должны были познавать азы горного туризма. Задача была простая: от дома КСП на 2200 м в альплагере Ала-Арча взойти на перевал Филетовый 3800 м, а кто совсем орел, тот должен с перевала подняться на пик Комсомолец 4200 м. Восходителям – зачет и

всеинститутская слава. Первым десяти – экзамен автоматом! На эту замануху вышли студенты элитных кафедр. Борцы и боксеры, штангисты и футболисты, гимнасты и пловцы. Боже-ственно сложенные красавцы играли мышцами, показывая свои бицепсы, трицепсы и все, что шевелится и подтверждает тезис, что движение - это жизнь. Представители элиты физкультурного движения решили, что это халява, они за пару часов забегут на этот бугор, и экзамен в кармане. Сачканули атлеты с лекции Попова о горной болезни, а зря! Со старта это слоновье стадо рвануло вверх по тропе на Тепше, едва не завалив несколько вековых тянь-шаньских елей. Не рискуя быть раздавленными этой неуправляемой толпой, в конце, не торопясь, трусцой двинулись хитрые марафонцы и элегантно, лебединой походкой изящные гимнастки-«художницы».

Не прошло и часа, как вдоль тропы, как подснежники, стали появляться первые жертвы «горняшки». Первыми из нестройных рядов зачетников выпали штангисты. Здоровые ребята, чемпионы и призеры из близких и отдаленных областей и аилов республики ложились костями на подъеме к камню по имени Разбитое Сердце. Их мощные бицепсы и все остальные накачанные части тела требовали кислорода! А его- то в горах выдают по карточкам. Чем выше, тем меньше. До осадкомера на Тепше добралась только половина любителей халявных зачетов.

А до Фиолетового перевала добрались лишь наши братья, марафонцы. Это понятно, выносливость и терпячка очень близки альпинизму. А вторыми подошли «художницы». Легкие девчонки грациозно перепрыгивали с камня на камень и без видимых усилий дошли до вершины. Как себя неуютно чувствовали звезды боксерского ринга и борцовского ковра, когда они обессиленные и вывернутые «горняшкой» наизнанку повернули с полпути назад, вниз, а навстречу вверх шли изящные девчонки, которых вначале они одаривали насмешками.

Но все это лирика. Летний сезон пройдет быстро, и накатит зима, как всегда, неожиданно, а поэтому нужно серьезно готовиться к встрече с Ханом. А готовиться есть к чему. Хан есть Хан. Хотя все мужики уже бывали на вершине Хана, но опять же летом. Тогда теплее и вертолет на Иныльчек летает регулярно.

Вот это как раз и самая большая проблема. Как добраться в этот медвежий угол зимой? Вертолет – штука замечательная, но, как было сказано, неподъемная. В финансовом смысле. Остается традиционный способ. Из Бишкека комфортабельно, на бусе в Каракол. Оттуда на любимой «Шишиге» (ГАЗ-66) через перевал Чон-Ашуу в Майда-Адыр и Ат-Джайлоо. Вот и все. Приехали. Отсюда, если повезет, на лошадях до ледника. Или пехом. Двадцать километров до ледника и сорок километров по леднику до базы у слияния Южного Иныльчека и Звездочки. А это с грузом в двадцать-тридцать килограммов займет дней пять-шесть. После этого нужно дня два отдохнуть. А там – как погода... Собственно восхождение займет дня четыре, от силы – пять. Если Хан примет...

А теперь самое интересное. А деньги где?! У государства, как говорят чиновники, на такую ерунду денег нет. Но мир не без добрых людей. Собрали не много, но достаточно. И, главное, летом успели забросить вертолетом продукты на базу. Уже легче.

С Новым годом! Экспедиция началась! Все сборы, ругачки, непонятки, прощания позади. 11 января выехали из Бишкека. На своей крылатой «Шишиге» Олег Шакиров, водитель от Бога, знаток тянь-шаньских дорог, домчал ребят до Ат-Джайлоо за 12 часов. А это около 200 километров, через перевал Чон-Ашуу под 4000 м. Даже летом здесь ездят на цепочках... А тут! Переночевали на стойбище у гостеприимных пастухов. Воистину, чем дальше от цивилизации, тем приветливее люди.

14.01.17 SMS от Сергея Селиверстова.

“За два полных дня дошли до поляны Мерцбахера. Это около полпути. Все нормуль!”

И еще три дня пути по ледовым увалам ледника. Снега оказалось совсем мало. Идти на лыжах и тащить за собой еще и сани-волокушу по камням морены – это походило на знаменитую картину Ильи Репина «Бурлаки на Волге».

17.01.17 SMS от Сергея Селиверстова.

“Дошли до базы. Это ключ маршрута. У нас все пучком!”

Веселое сообщение, если учесть, что ребята откисали после этого лыжного тура два дня.

А потом стало еще веселее.

19.01.17 SMS от Сергея Селиверстова.

“Погода испортилась... Прогнозы не радуют. Ждемс. Всех с праздником!”.

20.01.17 SMS от Сергея Селиверстова.

“Прогулялись-протропили до “бутылки”. Ждем погоду”.

24.01.17 SMS от Сергея Селиверстова.

“Решили пробовать. Нет – так хоть аклём будет. Поставили первый лагерь (5350 м). Погода – *опа!”.

В этот день мужики проскочили самое нехорошее место на маршруте. «Бутылочное горло». Здесь две мощные горы, пики Чапаева и Хана, наехали друг на друга, сдавили ледник Семеновского, и он вздыбился, развалился и стал похож на горлышко разбитой бутылки. Подниматься по этому ледовому хаосу нет никакой радости. А вдобавок обиженный Чапай, когда пригреет солнце, сбрасывает со своего гребня на этот ледопад громадные куски карнизов из снега и льда. И не приведи Господь попасть под этот Чапаевский обстрел. Закопает так, что никто и никогда тебя не найдет. Сколько жизней уже унесли эти «Чапаевские игры». Сильнейший восходитель Союза, а может, и мира, Валера Хрищатый тоже попал под этот смертельный обстрел. Не помог даже его громадный опыт. Но теперь Чапай, скованный морозами, мирно дремал, и ребята проскочили «Бутылку» без неприятностей. Как видно, от сильных морозов не только одни беды происходят.

25.01.17 SMS от Сергея Селиверстова.

“Поднялись во 2-й лагерь(5800 м), закопались в пещеру. Дует”.

А вот это уже серьезно. С этой площадки уже можно думать о вершине. Хотя по классике, еще нужно дотопать на площадку 6400 м и там установить штурмовой лагерь. Оттуда и начинают-

ся все технические трудности. Скалы, крутой кулуар и высота. Но есть и плюсы. Дорога знакомая, были летом здесь не один раз. Да еще и провешенные с лета веревочные перила. Это значительно ускорило подъем и делало его более безопасным.

Но это летом, летом. А сейчас все не по правилам. Короче, ребята, думать надо!

27.01.17 SMS от Сергея Селиверстова.

“Вчера (26.01) команда в полном составе взошла на вершину! Ветер вымотал, но все нормуль! Сидим в пещере, откисаем. Завтра вниз”.

Поздравляем, мужики! Молодцы! И Хану спасибо за то, что принял вас. Хотя не очень гостеприимно, но Хан на то и Хан, чтобы все время держать подопечных на дистанции. Без панибратства! Теперь быстро, но спокойно вниз. Без фанатизма.

Три дня ребята отходили от «гостеприимных» объятий Хана. Мысль, подспудно сидевшую у всех в головах, высказал Семен:

– Ну, что, мужики, а не познакомиться ли нам поближе с Победой? Акклимуха теперь хорошая. Харчи есть. Почему нет?

31.01.17 SMS от Сергея Селиверстова.

“Мы решили прогуляться в сторону Победы. Посмотреть, оценить, к чему готовиться на следующий год. Завтра выходим”.

Теперь наконец все карты раскрыты. Думали о Победе еще в прошлом году. Правда, только о разведке маршрута. Идея, конечно, здравая. Сходить так, к пьедесталу, поздороваться, спросить, как её Величество себя чувствует, расшаркаться и откланяться. Но, зная наших ребят, можно заподозрить и большее. Не зря же продуктов на вертолете закинули на роту солдат. Мысли – штука материальная, а вдруг?!

01.02.17 SMS от Сергея Селиверстова.

“Подошли под “Пьедестал”, поставили 1-й лагерь(4400 м). Все нормуль”.

Такие экзерсисы еще похожи на разведку. И Гору не раздражают, хотя сами подобралась к крепостным стенам. Это вам не громадная экспедиция с толпами народа, вертолетами, осадными лестницами. Такие маневры сразу вызывают у Горы неприятие.

И она начинает отстреливаться лавинами. В 1955 году выше по склону в лавине погибла практически вся казахская экспедиция. Из двенадцати человек остался в живых лишь один, Урал Усенов. И на следующий год он все-таки взошел на вершину в составе экспедиции Абалакова. Что же заставляет человека после таких испытаний, знавшего, какой печальный конец может ожидать его, снова идти к вершине? История покорения Горы лежала прямо перед глазами наших ребят. Идти предстояло по кладбищу.

02.02.17 SMS от Сергея Селиверстова.

“Поднялись на “Пьедестал”, поставили лагерь на 5100 м”.

Вот и наступила грань между разведкой и восхождением. Пришло время решать, идем на вершину сейчас или поворачиваем оглобли вниз, чтобы вернуться назад следующей зимой. Теперь все стало на свои места. После Хана и выхода на 5100 м снова повторить весь путь от Ат-Джайлоо до Пьедестала следующей зимой очень не хотелось. А вершина вот она, рядом! Под ледяным сераком оставили одну палатку и два спальника, все будет легче.

3.02.17 SMS от Сергея Селиверстова.

“Поднялись на 5600 м. Ветер выматывает”.

Вот здесь впервые к Мише Даничкину пришло чувство страха. Весь день мело. И вместо обещанных всемирной гадалькой – интернетом пяти сантиметровов снега выпало двадцать.

А это значит – ждите гостей:

– Здравствуйте, я ваша тетья. И зовут меня Лавина! – такая вот дама с милыми кудряшками из снежной пыли и мощным кулаком убийцы.

Избави, Господи, от такого знакомства! Миша уже попадал

в её компанию. Результатом этого гостеприимства в группе были один труп и моральная травма у самого Миши. С тех пор у него устойчивая аллергия к склонам, перегруженным снегом.

Но, слава богу, пронесло. Обычно, начиная с этого лагеря, экспедиции рыли пещеры для ночевки. Конечно, пещера гораздо надежней и комфортней палатки. Там могли ночевать до десяти человек. Но и устройство такой пещеры в условиях Победы сравнимо со строительством пирамид. А ночевка в популярных тогда палатках «Памирках» часто приводила к разрыву палаток от дикого ветра с летальным исходом для жильцов. Наш славный квартет не мог позволить себе и такой пещерной роскоши, и такой ненадежности «Памирок». Надежда была на суперсовременную палатку от фирмы «Ред Фокс». И «Хитрая Лиса» не подвела, выдержала бурю, которая заодно сдула со склона лишний снег.

06.02.17 от Сергея Селиверстова.

«Поднялись на 6950 м. На закате было минус 41, даже пива уже не хочется».

На следующий день, 7 февраля, был тот самый неудачный выход на вершину... Затем еще одна тяжелая ночь на 7950 м и ожидание утра, которое и решит судьбу экспедиции. И каждой персоны в отдельности. Конечно, у каждого из ребят было свое мнение о штурме вершины. Но все понимали, что дискуссии на эту тему закончены и решение сейчас за капитаном.

Солнце выкатилось из-за пика Военных Топографов, и зажгло алым утренним пожаром снега Победы. Ветер дул умеренно сильный. Потеплело, минус тридцать. Вопросов не было. Только вершина.

Вначале шли по своей тропе. Кулуар по навешенной веревке прошли быстро.

А вот дальше пошел жесткий фирновый склон крутизной в сорок градусов. Решение тоже было жестким, как склон. Пошли без связок, самостоятельно, в три такта. Падать было куда. Но эта возможность сопровождала ребят все восхождение. Страшно?

Страшно было внизу. Когда Миша ожидал лавины. Когда Сергей, задрав голову, смотрел на северную стену трехкило-

метрового монстра, Победу, которая одним движением ресниц могла стереть с лица Земли этих букашек в образе людей.

Здесь было трудно, но не страшно. Потому, что работали и были заняты делом. Еще два часа такой долбежки склона, и Семен пробил небольшой карниз и ступил на гребень. Подтянулись и остальные.

Вот он момент истины! Ребята стояли на государственной границе. Одна нога в Китае, другая в Кыргызстане. Сначала обнялись, крикнули ура! Кто-то пустил скупую мужскую слезу. Разобрать было невозможно, все лица в ветрозащитных масках. Да и важно ли это? Победа приняла мужиков! И рядом с ними шла вверх Удача, которая, как известно, награда за смелость. Потом осмотрелись. На вершине было много теплее, чем на северной стене, откуда пришли. Светило солнце, и ветер стих до терпимого... Стали искать каменный тур с запиской предыдущих восходителей, но вершина у Победы узкая и длинная. Да и снегом заносит хорошо, поэтому тура с запиской не нашли. Но нынче доказательством восхождения может служить и фотография с вершины. Немодное сейчас селфи, где главное – это собственная физиономия на фоне знаменитых достопримечательностей. А настоящая панорама Ледяного Сердца Центральной Азии со скромными фигурками восходителей на переднем плане. Чтобы можно было опознать, кто есть кто. Хотя бы по одежде. Вот и все. Цель достигнута. Оставался суший «пустячок» – как бы отсюда спуститься.

Вечером в палатке негнуцимися пальцами Серега тыкал в клавиатуру спутникового телефона:

08.02.17 SMS от Сергея Селиверстова.

«Мы это сделали! На бровях, на воле, но сегодня (8.02.17) в 14.00 команда в полном составе взошла на п. Победы!!!! Спустились в штурмовой лагерь».

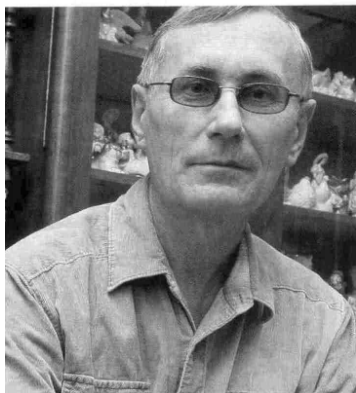
Спуск всегда физически легче, но гораздо опасней подъема. Собирается целый букет неприятностей, физическая усталость, рассеянное внимание, погода, которая начинает внезапно портиться. Восемьдесят процентов неприятностей в горах случается как раз на спуске. Не миновала эта статистика и Семена, который пропустил очередную отмашку ног. И Алек-

сей подморозил пальцы о собственный ледоруб. Но это были мелочи. Они шли вниз, на землю. Где не было сумасшедшего ветра, дикого холода, крутых ледяных склонов и страшных лавин. Они шли домой.

Осознание того, что они сделали, еще не пришло. ХАН и ПОБЕДА! Ведь в истории советского, российского и кыргызского альпинизма никогда не было такого двойного зимнего восхождения! Это достижение мирового уровня! Сильнейшие команды с мощной поддержкой восходили зимой на одну из вершин. Но не более. А наш квартет малыми силами решил эту задачу. Здравствует еще школа кыргызского альпинизма!

А что касается звания «Снежный барс», то Алексей стал шестьсот тринадцатым в этом элитном списке. Ну, так то ж летом! А вот «Зимних барсов» еще нет. Так что у наших героев есть заманчивая перспектива стать первыми в этом новом списке.

Эй, мужики! Кто знает, как зимой пройти пешком на Памир, к пику Коммунизма?

Александр КАМЫШЕВ

НУМИЗМАТЫ И НУМИЗМАТЕРИ

(продолжение)

Союз нерушимый

Идея создания Всесоюзного объединения нумизматов для защиты прав и популяризации своего увлечения висела в воздухе, пропитанном ароматом перемен, объявленных Михаилом Горбачевым. Созданные на местах клубы только ждали клича из центра, и они последовали, причем сразу два. Первыми заявили о себе коллекционеры из Калининграда, собравшие учредительную конференцию и принявшие устав ВОКН (Всесоюзное объединение клубов нумизматов) под эгидой Научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительной работы Минкультуры СССР. Вторым его соучредителем стала фирма «Межнумизматика», основной задачей которой являлась продажа монет за рубли. Это очень важное уточнение, поскольку до того коллекционные монеты реализовывали в специальных магазинах «Березка» за валютные чеки. Из созданного центра во все концы страны полетели письма с программой деятельности на ближайшую пятилетку с лозунгом «Коллекционеры всех стран, соединяйтесь» и призывом вносить членские взносы. Председателем ВОКН избрали члена Союза журналистов СССР, возглавлявшего Калининградский клуб коллекционеров, Евгения Ильича Дворецкого. Полный идей и оптимизма, он прилетал в Киргизию агитировать нас вступить в объединение, наобещав золотые горы, и фрунзенские нумизматы дружно проголосовали «за».

В том же году, осенью, Советский фонд культуры, у основания которого находилась Раиса Максимовна Горбачева, пригласил председателей клубов прибыть в столицу на съезд учредителей Всесоюзного общества коллекционеров. Местный фонд культуры, оплатив командировочные расходы, отправил меня в Первопрестольную.

Съезд проходил в знаменитом, напоминающем раскрытую книгу, здании СЭВ (Совет экономической взаимопомощи, ныне мэрия столицы). Самое сильное впечатление произвело на меня мозаичное декоративное панно из разноцветных камней, украшавшее стены цилиндрического конференц-зала. Прогуливаясь по коридору, я как бы невзначай прикасался к полированным плитам, наслаждаясь блеском крупных друз самоцветов, заполняющих розетки. Душа геолога пела от созерцания природной красоты. Вокруг ходили такие же небрежно одетые провинциальные собиратели с серьезными выражениями лиц и повышенным самомнением от возложенной на нас миссии.

Огромный зал заседаний делегаты, собранные со всего Советского Союза и отличающиеся по возрасту, образованию и социальному статусу, заполнили на треть. Однако проблемы коллекционирования волновали далеко не всех, некоторые преследовали свои меркантильные интересы. Еще до начала съезда и в его перерывах повсюду возникали стихийные мини-рынки. Обычный коллекционный ширпотреб и иностранная мелочь преподносились как раритеты, продавцы шумно нахваливали свой товар, называя сумасшедшие цены. Среди полированной роскоши и ощущения исторической судьбоносности проводимого съезда мелкое торгашество его «лучших» представителей казалось мне неуместным и даже кощунственным.

Не вызывало восторгов и само заседание. Отсутствовала реальная программа действий, а вместо неё озвучивались пожелания из мероприятий, финансовое обеспечение которых планировалось осуществить за счет мифических членских взносов. Сплошным потоком лились жалобы на несправедливость закона, отсутствие информационного издания, обсуждались необходимость открытия нумизматических магазинов и прочие насущные проблемы, которые предстояло решать будущим членам правления. Выступающие ратовали за нерушимый союз

собирателей по всем направлениям, не допуская деления на фракции, хотя сразу же возникли трения по поводу недавно созданного объединения нумизматов. Евгений Дворецкий зачищал свое детище, цитируя классика: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань...», намекая на различие интересов собирателей экслибрисов, монет, минералов, бон и бабочек или даже автомобилей. Что общего между ними, кроме названия «коллекционер»? Но организаторы съезда его просто игнорировали. Стало обидно за моего знакомого, и я, подняв руку, выступил в его защиту, сказав, что на местах неважно, кому платить членские взносы, и не беда, если уже созданное объединение нумизматов вольется в ряды общества коллекционеров. Когда началось обсуждение списка членов правления, кто-то из зала предложил кандидатуру «миротворца» из Киргизии.

Шумная толпа участников съезда, покидая заседание, пересеклась в фойе с потоком светского мероприятия, проходившего в здании СЭВ. Молодые дамы в вечерних платьях, отсвечивая обнаженными плечами и спинами, и сопровождающие их джентльмены во фраках вежливо расступились, пропуская идущую напролом орду коллекционеров. Под взглядом этих милых дам из параллельного мира, знакомого лишь по голливудским фильмам, я почувствовал всю пропасть, разделяющую людей, находящихся на вершине успеха, и тех, кто топчется у её основания. И как-то сразу радость от участия в этом форуме, объединившего мелких коммерсантов, надеющихся получить дивиденды от своего увлечения, сменилась большим разочарованием.

В правление ВОК вошли около тридцати коллекционеров, но пообщаться на проводимых два раза в год заседаниях удалось не со всеми. С председателем правления народным артистом РСФСР Лазаревым Александром Сергеевичем было о чем поговорить, у нас совпадала тема увлечения – «Фауна на монетах мира». Спокойный интеллигент, для которого сбор монет являлся своеобразной отдушиной в суетной артистической деятельности, попал в председатели правления из-за своей популярности. Кто-то посчитал, что решать в высоких кабинетах многочисленные проблемы коллекционеров гораздо проще человеку широко известному. Александра Сергеевича такая дополнительная общественная нагрузка не радовала,

беспросветность переполняла его годовой отчет. Почти все пункты из намеченного плана не выполнены. Ратовавшие за объединение клубы коллекционеров не спешили перечислять членские взносы, а ручеек спонсорской подпитки от фонда культуры постепенно пересыхал.

Запомнилось мимолетное знакомство с коллекционером из Нижнего Новгорода Евгением Георгиевичем Полуйко, подарившим мне свою книгу «Рубль Анны Иоановны». Евгений Георгиевич оказался незаурядной личностью, ходячей энциклопедией, почти коллега, хорошо разбирающийся в вопросах геологии и минералогии, поскольку учился он в Баку в нефтехимическом институте. Говорили мы о восточной и античной нумизматике, хоть главной темой его исследований оставалась русская история. Своим учителем Полуйко называл профессора Евгения Александровича Пахомова – одного из авторитетнейших советских ученых, основателя грузинской и азербайджанской нумизматики, широко известного по книгам и статьям.

Самой необычной причудой, недоступной моему пониманию, казалась выбранная Полуйко тема коллекционирования – рубли периода царствования неприятной и одиозной императрицы Анны, племянницы Петра Великого, «царицы престрашного зраку». Чем привлек его мрачный отрезок в отечественной истории, когда заподозренных в неблагонадежности тысячами ссылали в Сибирь, а иные бесследно исчезли в пыточных казематах или оставили головы на плахах? Евгений Георгиевич рассказывал о работе медальеров и разработанной им системе классификации портретных монет Анны Иоановны взамен существующих любительских определений, таких как «хмурая», «обиженная», «лошадиная морда», «ведьма», «Анна с длинным носом» или, наоборот, «лирический» или «идеализированный» портрет, он же «лошадиная морда». Его коллекция насчитывала более 1 000 различных вариантов и оценивалась по тем временам как миллионное состояние в долларовом эквиваленте.

Через год после нашего знакомства по всей стране разлетелось шокирующее известие о крупной квартирной краже монет в Нижнем Новгороде из дома, необорудованного сигнализацией и даже не имеющего телефона. Местные власти оставались глухи к просьбам коллекционера хоть как-то обезопасить поистине народное достояние. Дело взял под контроль министр

МВД СССР генерал-полковник Б. К. Пуго, и вскоре рецидивистов задержали, коллекцию вернули владельцу, а нижегородскому горисполкому предписали установить в квартире Полуйко телефон.

– Нет худа без добра, – с сарказмом повествовал Евгений Георгиевич о своих злоключениях на очередном заседании правления.

В конце 1990-х до Кыргызстана дошла печальная новость – Евгений Георгиевич погиб. Поддерживая физическую форму, коллекционер постоянно совершал утром длительные пробежки по обочине дороги. Если верить милицейским расследованиям, его сбила грузовая машина, перевозившая негабаритный груз, выступающий далеко за борт кузова. Прескорбно, по нелепой случайности ушел из жизни исследователь-нумизмат в расцвете творческих сил. Где сейчас находится коллекция Полуйко – никому не известно. Кроме Аннинских рублевиков, по разным сведениям, в коллекции находились примерно чемодан восточных монет и еще полчемодана антики, средневековой Европы, Китая и Византии.

Сразу приходит на ум аналогия с коллекцией крупнейшего московского популяризатора нумизматики Мошнягина, которую грабители похитили из дома, крепко ударив по голове хозяина, опрометчиво открывшего дверь незнакомцам. Вынесли всё, даже боевые награды Давида Исааковича. Вскоре на английском аукционе «Сотби» объявили о распродаже коллекции монет Северного Причерноморья. Фотографии монет из рекламного аукционного проспекта до последней щербинки повторяли снимки украденных уникалов. Ну а поскольку коллекция частная, большого шума поднимать не стали.

– Отношения наши с Великобританией и так натянуты, о частных ли коллекциях сейчас вести речь, – ответил на запрос пострадавшего посол СССР в этой стране. Возможно, и уникальная коллекция рублевиков Анны Иоановны однажды всплывет на одном из престижных западных аукционов.

Всесоюзное общество коллекционеров распалось с развалом СССР. В его актив можно записать ежемесячную газету «Вестник коллекционера», печатающую письма с мест о чудачках-собираателях, никому не нужные политические статьи, анекдоты, но и, конечно, познавательные околонуточные заметки, в

том числе и из Киргизии. Однако и это можно назвать прорывом в недоступном для нумизматов информационном пространстве. Тщетные потуги зарегистрировать общество потонули в рутине межведомственных проволочек, закончилась ничем и подготовка документов для правовой защиты коллекционеров и их собраний.

Из своей короткой общественной деятельности я вынес следующее: нумизматика – прежде всего наука, вотчина профессионалов или фанатов-любителей, исследующих тайны своеобразных памятников истории, а коллекционирование – её начальный накопительный этап – пройден еще в прошлых столетиях и полезен лишь школьникам для расширения кругозора. Собирать монеты без всестороннего их изучения для количества или удовлетворения собственного тщеславия – неразумно. Если рассматривать коллекционирование монет в плане долгосрочных инвестиций, как практикуется на Западе, то, безусловно, это выгодно, но... скучно.

Два друга

Виктора Моисеевича Быховского, кардиолога, доктора медицинских наук, интеллигента, мягкого и общительного эрудита, фрунзенские коллекционеры называли просто «доктор». Он, как все врачи, вежливый и обходительный, терпеливо, словно своим больным, мог часами рассказывать собиравшейся в парке молодой поросли нумизматов всё, что знал о монетах. Как часто бывает у коллекционеров, Виктор Моисеевич не ограничивался только нумизматикой, он увлекался бонистикой и филателией. Собирал он и восточные монеты, которыми щедро усыпан культурный слой Притяньшанья. Вот только брал он их не себе, а для лучшего друга археолога Бориса Дмитриевича Кочнева, скрупулезно фиксировавшего все нумизматические находки и проводящего их атрибуцию. Судьбоносное знакомство с другом Виктора Моисеевича состоялось при весьма рискованных для меня обстоятельствах.

В начале восьмидесятых, за полгода до той знаменательной встречи, я загремел на сборы в воинскую часть, называемую «Фрунзе раз», расположенную в черте города прямо на цитадели

средневекового городища. Офицеров запаса невостребованных в Киргизии воинских специальностей переучивали на оперативных дежурных в ракетных войсках, а если короче, то месяца мы валяли дурака. Лекции и занятия проходили формально и нерегулярно, иногда нас просто закрывали в аудитории, и мы безрезультатно ждали преподавателя. Мое увлечение нумизматикой находилось в самом расцвете, и в отсутствии лектора я не упустил случая поделиться своими познаниями с окружающими, не стесняясь прослыть надоедливым. Однажды во время такой «политучебы» в аудиторию заглянул штабной офицер.

– И наш патрон тоже собирает монеты, – подсказал он.

Это сообщение послужило поводом отправиться на аудиенцию к начальнику штаба. Зайдя в кабинет и представившись, я сообщил о цели своего визита. Мгновенно произошла удивительная трансформация строгого седого подполковника в увлеченного мальчишку с горящим взором. Пригласив присесть, он поведал, что собирает советские памятные монеты, но очень занят, чтобы посещать клуб нумизматов.

– А что у вас есть на обмен? (В те времена монеты не покупали, а обменивали.)

– Да вот, – военачальник перевернул стакан для карандашей, и из него на стол высыпались несколько монет стран социалистического содружества и средневековый динар.

– Откуда? – открыл я рот от удивления, впервые увидев динар, отчеканенный из чистого золота, которое скорее походило на латунь, в отличие от советских низкопробных изделий из-за добавок меди, имевших красноватый оттенок.

– Солдаты нашли, когда капониры рыли.

– А что вы за неё хотите? – стараясь говорить как можно спокойнее, выдохнул я, надеясь, что подполковник не догадался, из какого металла отчеканена монета.

– Гагарина, Терешкову, Федорова, Маркса и «Дружба навеки», – перечислил начальник штаба рублики, которых у него не хватало в коллекции.

Выйдя из кабинета, я всё ещё не верил такой удаче. Надо действовать быстро, пока начальник штаба не передумал или не сообразил, что монета не латунная, а золотая. Отпросившись с занятий, я поймал такси и помчался домой. Выдернув

из кляссера необходимые памятные рубли, я на том же автомобиле вернулся в часть и через сорок минут вновь стоял перед подполковником.

– Так быстро? – удивился он.

– Да, я живу неподалеку, – соврал я.

В ближайшее воскресенье я принес динар в парк на встречу с коллекционерами и начал всем хвалиться ценным приобретением. Ко мне подошел Виктор Моисеевич и, взяв под руку, увлек в глубину аллея.

– Где ты его откопал?

Я с гордостью рассказал о неравном обмене.

– Никому его не показывай, за такую аферу с золотым артефактом по закону о валютных сделках ты можешь запросто схлопотать до восьми лет с конфискацией.

Мне стало страшно.

– А что делать? – я был готов бежать к подполковнику и умолять его забрать свою монету обратно.

– Осенью приезжает мой друг Борис Дмитриевич Кочнев, он ученый, я тебя с ним познакомлю, может, он что-то подскажет, – успокаивал меня доктор.

Встреча с Кочневым проходила за хорошо накрытым столом на квартире у Быховских. Старые друзья долго не могли наговориться и успели пропустить по паре рюмочек коньяка пока наконец обратили на меня внимание. Борису Дмитриевичу монета понравилась:

– Это динар династии Сельджукидов, редкий тип, и состояние великолепное, легенда читается полностью. Лучше всего сдать его в ГИМ, я там знаком с хранителем нумизматического отдела Алексеем Владимировичем Фоминым, подожди, я чиркну ему записку.

В ближайшую командировку в столицу я захватил с собой динар, и при встрече с Алексеем Владимировичем со мной произошел очередной казус. Письмо Кочнева с определением я передал, а вот монетка из пакетика исчезла. Пришлось перетрясти дипломат и куртку, прежде чем она обнаружилась за подкладкой костюма. До начала работы оценочной комиссии оставалось еще два часа, и Фомин, видимо, опасаясь, что если я пойду гулять по Москве, то могу и не вернуться или снова потерять ценный артефакт, провел меня через служебный

вход в здание Исторического музея. Так посчастливилось мне полюбоваться государственной сокровищницей. В свои редкие посещения столицы, гуляя по Красной площади, я вспоминаю, что в коллекции ГИМа лежит золотой динар, полученный в неравном обмене. Как ни странно, совесть меня не мучает, более того, с возрастом сложилось убеждение, что все достойные личные коллекции рано или поздно должны оседать в музейных собраниях, но не в запасниках, а в широких экспозициях.

Следующая наша встреча с Борисом Дмитриевичем, проживавшим в то время в Самарканде, состоялась через пятнадцать лет в нумизматическом отделе магазина «Академкнига», где я работал экспертом. Тогда я еще не знал, что судьба свела меня с выдающимся ученым, равного которому в области восточной нумизматики единицы. В моем распоряжении находились принятые от населения на комиссионную продажу караханидские монеты, легенды на которых требовали прочтения. Борис Дмитриевич подготовился основательно, захватив небольшие квадратные листики – «каталожные карточки», на которые он переносил арабской графикой легенды монет, их вес, размеры и иные сведения, иногда делая протирки. Некоторые затертые медно-свинцовые кружки он вертел по несколько минут, а потом, когда приходило озарение правильного прочтения, восторженно вскрикивал. Среди определенных им монет оказалось несколько неопубликованных типов, позднее вошедших в его монографию. Общение с Борисом Дмитриевичем доставляло огромное удовольствие, он так образно и увлекательно рассказывал о дружеской и непринужденной атмосфере единомышленников на нумизматических форумах, проходивших ежегодно в разных городах России, что захотелось непременно побывать на них. Ознакомившись с моими заметками в газете «Вечерний Бишкек» о находках раннесредневековых монет в Чуйской долине, Борис Дмитриевич предложил принять участие в очередной нумизматической конференции:

– Попытайся, если организаторы сочтут твою информацию интересной, то пригласят, – Борис Дмитриевич написал мне электронный адрес, по которому я в тот же вечер отправил свои тезисы. И – о чудо! Получил приглашение на VII нумизматическую конференцию в Ярославле. Там я встретился со своими старыми друзьями нумизматом-арабистом Владимиром

Настичем и Борисом Кочневым. Они же познакомили меня с авторами настольных книг всех советских нумизматов: белорусским историком Валентином Наумовичем Рябцевичем, написавшим бестселлер «О чем рассказывают монеты»; российским исследователем средневековой денежной системы Руси Аллой Сергеевной Мельниковой и специалистом в области российской монетной чеканки императорского периода Василием Васильевичем Уздениковым. Особые дружеские отношения сложились у меня с Александром Степановичем Беляковым и Ниной Владимировной Ивочкиной, каждый из которых достоин отдельной главы.

Виктор Моисеевич, косвенно посодействовавший моему выходу в научный мир, умер рано, оставив родным богатое наследство. Часть коллекции приобрел Национальный банк для своей экспозиции, остальное разошлось по бишкекским нумизматам, пополнив их собрания.

В рассвете творческих сил ушел из жизни и его друг Борис Кочнев. Мы встретились с ним в последний раз при весьма печальных обстоятельствах, он прилетал в Бишкек на погребение своей мамы и попросил помочь с организацией похорон. О монетах мы говорили мало, Борис упомянул лишь, что работает над «Нумизматической историей Караханидского каганата» и планирует в перспективе сопроводить эту работу иллюстративным материалом.

– Сканируй все древние монеты, которые попадут к тебе в руки, и фиксируй их параметры, а по возможности и место находок, в будущем нам это пригодится, – напутствовал он меня.

На поминках немногочисленные друзья покойной вспоминали семью Кочневых, отца – журналиста и театрального критика и маму – заядлую любительницу театра, не пропускавшую ни одну премьеру, тем самым раскрывая истоки истинной интеллигентности Бориса.

Борис Дмитриевич до последнего дня работал над книгой, которая увидела свет уже после его ухода. То, что Борис Кочнев совершил научный подвиг, поименно восстановив генеалогию династии Караханидов, по достоинству оценил научный мир России и Европы, где переиздаются его труды, а в Нью-Йорке даже проводятся ежегодные научные семинары, названные его именем, вот только родной Кыргызстан не помнит своего героя.

Нумизматические конференции

В фойе ярославской гостиницы у стойки регистрации участников нумизматической конференции выдавали сборники тезисов. Не отходя «от кассы», отыскав в оглавлении свою первую научную статью, я дважды её прочел. Рядом на диванчике сидел мужчина, облаченный в джинсовый костюм, в окружении трех милovidных дам и что-то негромко рассказывал, вызывая заразительный смех у своих собеседниц. Когда я проходил мимо, то услышал, как он меня громко отрекомендовал:

– Знакомьтесь, Александр Камышев из Киргизии.

Неожиданное представление заставило остановиться. Мужчину я видел впервые.

– Ну, как, прочел свои тезисы и наверняка порадовался, что написаны они простым и изящным по красоте слогом? Хотя должен огорчить: журналистские штампы в научных работах не приветствуются. Давно статейки в газетёнки пописываешь?

Я замер в недоумении от такой пронизательности, чем вызвал бурный смех дам, видимо, и ранее они потешались над тем, с каким наслаждением я читал свою публикацию.

– Не удивляйся, все делегаты, получив вождеденный сборник, просматривают только собственные опусы, до чужих статей руки не доходят. Нумизматы меня знают, и первым делом бегут засвидетельствовать свое почтение, а ты новичок и, судя по апрельскому загару, с юга. К тому же тезисы твои я правил, подсократил неубедительные выводы, стер эмоциональную окраску, она в научных публикациях ни к чему, – он протянул мне руку: – Александр Беляков, редактор этого сборника, присаживайся. Что у вас в Бишкеке пьют в это время суток? Не захватил бутылочку?

И опять собеседник угадал. В сумке у меня лежали бутылка коньяка и кыргызского бальзама. Я кивнул, хотя планировал до-стать их вечером на встрече с земляками Настичем и Кочневым.

– Замечательно! Надежда, вытаскивай конфеты, – редактор извлек из кармана бумажные стаканчики. – Давайте за знакомство.

Дамское общество располагало блеснуть эрудицией:

– А не тот ли Беляков, который написал раздел «нумиз-

матика» в учебном пособии по вспомогательным историческим дисциплинам?

– Да, ваш покорный слуга, – Александр расшаркался с довольной улыбкой.

– При подготовке курса по нумизматике Кыргызстана для студентов Славянского университета я позаимствовал у вас структуру и некоторые светлые мысли, – признался я, чтобы сделать приятное новому знакомому, но он расценил это по-своему:

– Ну, тогда одной бутылкой коньяка нам не обойтись...

Эрудит, балагур, остро слов и любимец серьёзных и неприступных интеллектуалок, Александр задавал дружеский тон в общении на протяжении всей конференции. Под его редакцией выходили «Нумизматические ведомости» – завлекательная смесь тонкого юмора и неизвестных исторических фактов, среди которых попадались написанные строгим академическим языком розыгрыши для доверчивых непросвещенных читателей и забавные истории на нумизматические темы. Привлек Александр Степанович к сотрудничеству и меня, опубликовав в очередных «Ведомостях» анекдоты из Бишкека. Обсуждения дневных выступлений продолжались и во время вечерних застолий, в тесном кружке востоковедов солировали мои знакомые.

– Поздравляю, Александр, интересный доклад, и обсуждения прошли на уровне, но есть одно замечание: стоял ты некрасиво, облокотившись на трибуну и отставив зад, а так, для дебюта неплохо, – подшучивал надо мной Владимир Настич.

Когда разговор заходил об учителях, Борис Дмитриевич всегда подчёркивал, что своей высокой квалификацией археолога и нумизмата он в значительной степени обязан академику Михаилу Евгеньевичу Массону, основателю нумизматической школы в Средней Азии, которого он называл не иначе как «мой незабвенный учитель». С не меньшей теплотой и уважением называлось им имя выдающегося ученого современности в области нумизматики Елены Абрамовны Давидович, тоже ученицы академика.

– Да, Елена Абрамовна – это путеводная звезда, строгий критик всех наших просчетов и «завихрений», – вторил ему Настич. – Она пошла гораздо дальше своего учителя, от сбора, определений и классификации средневековых монет поднялась

на высочайший уровень, доказав, что монеты служат надежным источником для восстановления истории денежного обращения. Парадоксально, но в нашем институте востоковедения мне доводится быть непосредственным начальником моей наставницы.

Вспоминали и нашего земляка Михаила Николаевича Фёдорова – тоже ученика Массона, но не иначе как с определением «путаник», данным ему Еленой Абрамовной. Расшифровывая легенды на караханидских монетах и восстанавливая сложные династийные связи, Михаил Николаевич допускал порой необоснованные предположения, созидавая на шаткой основе далеко идущие выводы.

– Так работать нельзя, – повторял Борис Дмитриевич, – хотя без статей Михаила Николаевича не состоялась бы и моя докторская диссертация, вся она построена на опровержениях федоровских доводов, – с улыбкой добавлял он.

Застолья с мэтрами нумизматики, веселыми рассказчиками, сочетающими тонкий юмор с глубокими философскими дискуссиями и историческими экскурсами заполняли пустоты в отсутствующем у меня гуманитарном и историческом образовании. Борис Кочнев оказался совершенно прав: нумизматические конференции как своеобразные университеты давали новый заряд знаний и стимул для научных поисков.

Очередная, VIII конференция, проходившая в подмосковном селе с нумизматическим названием Полушкино, запомнилась встречей с научным сотрудником отдела нумизматики Государственного Эрмитажа Ниной Владимировной Ивочкиной, ставшей моим консультантом задолго до знакомства. В середине восьмидесятых на раскопках дворцового комплекса Красно-реченского городища под руководством археолога Валентины Дмитриевны Горячевой, в шурфе на уровне материка, на моих глазах подняли древнюю китайскую монету. Хотя в экспедиции я представлялся нумизматом, такой монеты никогда не встречал, а определение времени её выпуска становилось делом профессиональной чести, поскольку найденная монета давала возможность точно датировать начало строительство дворца. В популярном издании «Монеты Китая» А. А. Быкова изображение с такими иероглифами по краям квадратного отверстия отсут-

ствовало. Найденный в большом словаре перевод «китайской грамоты» с десятком значений вносил еще большую путаницу. Безрезультатно провозившись неделю, я послал прорисовку монеты в Государственный Эрмитаж и скоро получил заключение, подписанное научным сотрудником Н. В. Ивочкиной. «Ваша монета отлита во времена правления династии Тан в период Дали (766-779 гг.)». Раскапываемый дворец, относимый археологами к VII веку, помолодел сразу на столетие.

Долгие прогулки по заросшим аллеям пансионата советских времен с умнейшей и интеллигентной женщиной, уникальным специалистом в области китайской нумизматики запомнились её искренним желанием помочь, поделиться своими знаниями, рассказать в деталях историю денежного обращения Китая и Восточного Туркестана. А вопросов накопилось немало. Разбирая монеты с городищ Чуйской долины, я столкнулся с непонятным явлением – китайские монеты династии Тан и местные подражания им составляли треть раннесредневековых нумизматических находок, хотя в трудах киргизских археологов о них не сообщалось вовсе. Видимо, опасаясь дать основания великому соседу для территориальных претензий, информацию о находках китайских монет предпочитали скрыть от широких масс. Не публиковались ранее и мелкие монеты с одним иероглифом «юань» и «чжун», сведения о которых не удалось найти в китайских каталогах. Все эти вопросы получили обстоятельные разъяснения. Позднее в Бишкек на мое имя из Эрмитажа пришел весомый пакет со статьями Нины Владимировны, материалами восточно-туркестанских экспедиций начала XX века востоковеда Сергея Фёдоровича Ольденбурга, распечатками каталогов китайских монет, что позволило провести аналогию истории денежного обращения Семиречья с монетным производством ближайших соседей.

Возвращаться с новгородской конференции я планировал через Москву. Руководитель моей кандидатской диссертации профессор Валентина Дмитриевна Горячева попросила передать свою научную статью и какие-то бумаги академику Литвинскому, редактору серии сборников по истории Восточного Туркестана. Прибыв в столицу рано утром, я сразу пошел выпол-

нять поручение. Звонок в дверь разбудил невысокую старушку, вышедшую в накинутом халате поверх ночной рубашки. Столь ранний визит её явно не радовал.

– Вот бумаги для академика, – я запомнил его имя, а называть официально по фамилии показалось мне грубоватым.

– Он плохо себя чувствует, что еще?

– Горячева просила узнать, есть ли новости для неё?

– Так вы от Валентины Дмитриевны. Надолго в Москву?

– Я транзитом, возвращаюсь с нумизматической конференции, сегодня вечером улетаю.

– Ну как там всё прошло? – оживилась хозяйка, пропуская меня в квартиру. – Вы, наверное, еще не завтракали, проходите на кухню, я чай поставлю.

Пили мы чай около часа, я рассказывал на редкость осведомленной в нумизматических делах старушке всё, что мне понравилось, и даже тезисы своего доклада о местных подражаниях монетам династии Тан, похожих на бронзовые шайбочки, которые ученый люд отказывался принимать за монеты. Наша беседа дважды прерывалась тяжелым кашлем из спальни, и супруга на несколько минут выходила к мужу. Я понял, что засиделся и, сославшись на дела, распрощался.

Уже в Бишкеке я позвонил Валентине Дмитриевне, сказав, что поручение её выполнено, хотя с Борисом Анатольевичем встретиться не удалось, он болен, зато приятно пообщался на кухне с его женой.

– Ну а Елена Абрамовна как себя чувствует?

– Кто? – не понял я.

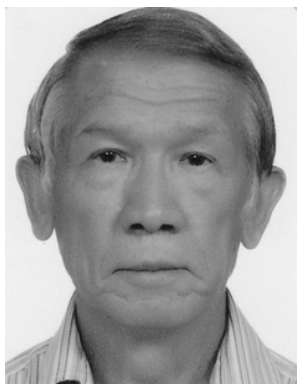
– Елена Абрамовна Давидович, – супруга Литвинского, ты же с ней чай пил.

– Так это была сама Давидович!!!

Позднее, работая по проекту ЮНЕСКО, я заступил на территорию Елены Абрамовны. На юге Кыргызстана нашли 4 клада медных монет начала Шейбанидского правления. Я разбирал их с фундаментальной книгой Давидович «История денежного обращения средневековой Средней Азии», обнаружив десятки новых типов ею неописанных. У меня появилась мечта подписать мэтру свою работу, но, к сожалению, Елена Абрамовна не дожидаясь выхода из печати этого каталога.

Последний раз, участвуя в XII конференции в Звенигороде,

я обратил внимание, как на смену профессионалам и хранителям музейных сокровищниц приходит новое поколение нумизматов-любителей, занимающихся изучением монет не по долгу службы, а по влечению разума. Опираясь в своих исследованиях на изобилие нумизматического материала, поступающего в результате всплеска кладоискательства и обширной информации как из интернета, так и публикуемой в многочисленных печатных изданиях, уверенные в своей правоте молодые люди знают действительно немало. Может, в этих рядах появятся ученые масштаба Давидович, Кочнева, Мельниковой, но пока заметных прорывов на нумизматическом фронте не наблюдается, чувствуется отсутствие научной школы и наставнического влияния Учителей с большой буквы.

Вячеслав ТИМИРБАЕВ

КОНИ В ЕГО ЖИЗНИ

Главы из книги
«Равиль Еникеев»,
которая выходит в этом году
в издательстве ЖЗЛК.

Делясь со мной, автором будущей книги, своими воспоминаниями об отце и о деде, дочери и внуки Равиля Еникеева говорили, что вечерами, после ужина, вся семья собиралась в зале и начинались душевные разговоры.

Излюбленной темой главы семейства были лошади. Разных историй о них, подлинных и, вполне возможно, придуманных, Равиль Идиатуллович знал великое множество. Слушать его было одно удовольствие. Неважно, был ли ты в душе лошадиником или человеком, далеким от привязанности к этим животным.

Объяснялось это тем, что, во-первых, Р. Еникеев был истово влюблен в своих подопечных, они были для него делом и смыслом жизни. Он искренне восхищался и восторгался этими грациозными, умными и благородными существами.

А во-вторых, он обладал поистине энциклопедическими познаниями в своем деле. Равиль Идиатуллович потому и стал одним из ведущих коневодов республики, что всю жизнь стремился расширять кругозор и познания в избранной профессии. У него была богатая по тем временам библиотека о лошадях и коневодстве. Постоянно выписывая журнал «Коневодство», он каждый номер не просто прочитывал, а изучал, анализировал привлечшие его внимание материалы самым тщательным образом. Он был в курсе всего нового, прогрессивного, интересного, что происходило в этой сфере не только в нашей стране.

Считаю свои долгом отметить: то, о чем пойдет речь ниже,

в немалой степени позаимствовано из энциклопедий, книг, справочников, которыми в свое время пользовался директор конезавода, герой нашей книги.

ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ ПОМОЩНИК И ДРУГ

Своим изяществом, благородством, преданностью лошадь давно покорила сердца людей. Однако где и когда лошадь была впервые приручена человеком и стала служить ему, доподлинно неизвестно. Специалисты предполагают, что человек одомашнил лошадей семь или восемь тысячелетий назад. Право считаться родиной первых коневодов и по сей день оспаривают многие страны. И все же существует целый ряд научных доказательств, с которыми сейчас уже почти никто не спорит и которые свидетельствуют, что самым подходящим местом на нашей планете для приручения коня была обширная равнина между Днепром и Дунаем. В третьем тысячелетии до нашей эры здесь жили создатели культуры, которая названа Трипольской.

Не вызывает у специалистов споров и то, что одомашнивание лошади, а позже и выведение новых пород было делом крайне сложным, потребовавшим определенного (достаточно высокого) развития человеческого общества.

С накоплением знаний и наблюдений утвердилось стойкое понимание того, что приручение лошади могло произойти только в оседлых племенах. Следовательно, до одомашнивания коня кочевников как таковых не существовало. Это конь научил человека кочевать в поисках лучших условий жизни.

Только с появлением на службе у человека лошади меняется его представление о скорости передвижения и возможности освоения новых пространств. С появлением коня становится возможным переселение племен, а также совершать дальние военные и торговые походы.

Осмысленный, целенаправленный отбор и скрещивание различных пород лошадей ведутся человеком во всех концах света более пяти тысяч лет. Историки коневодства склонны считать, что в числе первых, кто начал выводить новые породы лошадей, несомненно, были египтяне. Скорее всего, в сумраке фараонских конюшен началось таинство создания непревзой-

денной арабской лошади. На эту мысль наталкивают изображения коней на египетских фресках, отдаленно напоминающих дошедших до наших дней «арабов».

Как это ни покажется странным, но наряду с одомашненной, «окультуренной» лошадью ее дикие сородичи были широко распространены по всей Европе еще до начала XIX века и лишь к его середине были полностью истреблены. Вот почему известного русского путешественника и исследователя Средней Азии Николая Михайловича Пржевальского чрезвычайно заинтересовали рассказы о существовании в монгольских степях табунов диких лошадей. В 1879 году ему наконец удалось заполучить убитую дикую лошадь. Ее череп и шкуру Пржевальский немедленно отправил в Петербург. Ученым потребовалось целых два года, чтобы убедиться, что обнаружена новая лошадь, неизвестная доселе науке. Ее назвали лошадью Пржевальского. Это стало настоящей зоологической сенсацией конца XIX века.

Последний раз отловить дикого степного красавца удалось в 1947 году. Как-то даже не верится, что всего-навсего 70 лет назад. Хотя в зоопарках Европы и Америки на тот момент обитали 52 чистокровные лошади Пржевальского. Сегодня во всех зоопарках мира их насчитывается порядка 300.

А вот европейская дикая лошадь тарпан окончательно и, похоже, безвозвратно уничтожена. Последний раз тарпана удалось заарканить вблизи Херсона в 1866 году. А 13 лет спустя недалеко от заповедника Аскания-Нова был убит последний тарпан. По мистическому совпадению, в тот самый год, когда Пржевальский заполучил труп «своей» именной лошади.

Если раньше, чтобы вывести новую породу лошадей, требовались усилия энтузиастов-селекционеров нескольких поколений, то прогресс, стремительно проникающий во все сферы человеческой деятельности, не обошел стороной и коневодство.

Сегодня новую породу можно получить за сравнительно короткое время. Известно, что некоторые весьма перспективные породы были выведены одним-двумя поколениями селекционеров.

Например, специалистам Иссык-Кульского госплемконезавода № 54 в союзе со сподвижниками родственных животноводческих предприятий республики, в частности, с коневодами

иссык-атинского колхоза «Кенеш», потребовалось менее четверти века, чтобы вывести новокиргизскую породу. Всего же за время существования СССР в стране было выведено 14 новых пород лошадей. Кроме новокиргизской - это владимирская тяжеловозная, русская рысистая, советская тяжеловозная, торийская, латвийская, литовская, тяжелоупряжная, буденовская, терская, кустанайская, украинская, кушумская, англо-кабардинская породы.

Думается, вряд ли кто будет спорить с тем, что самыми умными, верными, преданными, прекрасными и благородными из покоренных человеком животных являются собаки и лошади. Трудно сказать, что бы делали и как бы развивались наши дальние предки без этих четвероногих существ. В любом деле они всегда были самыми близкими и надежными спутниками человека.

И, конечно же, заслуживает отдельной книги исследование и описание того, как с появлением лошадей человечество сделало поистине революционный прорыв в развитии сельскохозяйственного производства, особенно земледелия.

В былые времена обедневшего до последней степени мужика, где сочувственно, а где и полупрезрительно называли «безлошадным». Потеря лошади-кормилицы была для крестьянина едва ли не страшнее собственной смерти. Не потому ли с самой безжалостной жестокостью всегда и повсюду казнили конокрадов. Подобные картины, от которых стынет кровь в жилах, описывали в своих рассказах Антон Чехов и Алексей Толстой.

За верную службу, дружбу, ум, сообразительность, преданность выдающиеся писатели мира создавали замечательные, пронзительные произведения, героями которых становились собаки или лошади. Говоря о последних, вспомним Холстомера Льва Толстого, Изумруда Александра Куприна, Браслета-2 Льва Брандта. Кстати, именами этих коняг названы посвященные им повести. Да и имя Гульсары фигурирует в названии повести кыргызского классика Чингиза Айтматова.

Кстати, сам Лев Николаевич был заядлым лошадиником, до глубокой старости совершал верховые прогулки. Принадлежавшую ему лошадь Фру-Фру, внучку знаменитого скакуна Экзерсиса, писатель увековечил в романе «Анна Каренина». Впрочем, так же перешагнули через многие столетия верный

сподвижник Александра Македонского Буцефал, донкихотовский Росинант, походный спутник Наполеона Маренго, а чучело коня Петра I заняло место в Кунсткамере. И как не вспомнить здесь мифического троянского коня, ставшего «виновником» дошедшего до нас через тысячелетия предупреждения: «Бойтесь данайцев, дары приносящих».

Посвящены этим благородным четвероногим и кинофильмы. Кто из нас в детстве не восхищался удивительным жеребцом Буяном и его воспитателем, работником конезавода Васей Говорухиным в исполнении Сергея Гурзо из кинофильма «Смелые люди». Роль Буяна блистательно исполнил цирковой конь Орлик. Многим запомнился короткометражный фильм французского режиссера Альбера Ламориса «Белая грива» о роскошном белогривом жеребце, неукротимом и свободолюбивом предводителе табуна диких лошадей. И разве не символично, что режиссерским дебютом выдающегося кыргызского кинематографиста Толомуша Океева стала документальная короткометражная лента «Это лошади»?

А сколько посвящено гнедым, буланым и прочим ретивым скакунам стихов, романсов, песен, баллад. Из множества стихотворений, будь то Г. Державина, Д. Давыдова, А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Маяковского, В. Высоцкого и других, в которых фигурируют лошади, напомним лишь одно, из цикла стихотворений «На поле Куликовом» Александра Блока:

И вечный бой! Покой нам только снится

Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица

И мнет ковыль...

И, пожалуй, только у кочевого народа могли сложиться такие пословицы, как, скажем: «Если конь хорош, считай далекое близким», «Будешь ухаживать за конем, он тебя в беде не выдаст» или «Конь – крылья человека».

ЛОШАДЬ КОРМИТ, ЛОШАДЬ ПОИТ...

До того как стать домашним животным и другом человека, древняя лошадь была объектом охоты. Огромное количество конских костей стало находкой археологов в пищевых отбросах

ледникового периода. Существуют серьезные предположения, что и ее одомашнивание произошло изначально с целью обеспечения племени запасом продовольствия. И лишь с развитием пахотного земледелия лошадь стала кормить человека по преимуществу не собственным мясом, а зерном, которое помогало своему хозяину вырастить.

Были времена, когда употребление конины в пищу было настолько распространено, что для того, чтобы сохранить необходимую численность рабочего и боевого поголовья, немецкий архиепископ Бонифатий издал в конце VII века эдикт о вредности конского мяса, а Папа Римский Григорий III в середине VIII века вообще запретил употребление конины в пищу.

И в настоящее время в ряде стран Азии, скажем, в Казахстане и Кыргызстане, на Алтае и в Бурятии конское мясо считается деликатесом. Без него не обходится ни один праздник, ни одно сколько-нибудь приличное торжество.

Да что там Азия! Сегодня в некоторых странах Западной Европы конины на душу населения потребляют едва ли не больше, чем в Азии. Например, в Бельгии конины едят в восемь раз больше, чем баранины, в Швеции – в пять раз.

Лучшие сорта колбас немыслимы без ощутимого добавления конины. Скажу больше, еще в XIX веке французские врачи настоятельно советовали больным туберкулезом есть конину.

Впрочем, оставим в покое XIX век и конину. Чуть ли не за полтысячелетия до нашей эры древнегреческий «отец истории» Геродот отмечал, что жившие в степях, прилегающих к северному побережью Понта Эвксинского (так древние греки именовали Черное море), кочевые племена скифов пили напиток из кобыльего молока, приготовленный особым образом. А один из самых известных венецианцев Марко Поло, много путешествовавший в XIII веке по Великому Шелковому пути, поведал миру, что напиток этот называется кумез.

Современник Марко Поло фламандский путешественник монах Виллем Рубруквис восторженно и подробно описывал этот напиток бодрости и здоровья в книге «Путешествие в Татарию».

А вот как писал о кумысе в автобиографической «Семейной хронике» русский писатель (я бы сказал бытописатель) XIX века Сергей Аксаков: «Уже поспел живительный кумыс. Закис в

кобыльих турсаках, и все, кто может пить, от грудного младенца до дряхлого старика, пьют до пьяна целительный, благородный, богатырский напиток, и дивно исчезают все недуги голодной зимы и даже старости».

Порывшись в энциклопедических словарях, я составил о кумысе такую вот характеристику. Кисломолочный напиток из кобыльего (реже из коровьего или верблюжьего) молока. Содержит 2-2,5 % белка, 1-2 % жира, 3,5-4,8 % сахара, 0,6-1,2 % молочной кислоты, 1-3 % спирта, витамины С, А, Д, Е, РР и группы В, фосфор и кальций. Легко усваивается организмом, повышает секрецию желудочно-кишечного тракта, улучшает обмен веществ. Кумыс широко применяется при лечении туберкулеза легких или лимфатических узлов, желудочно-кишечных заболеваний, истощении, анемии, отсутствии аппетита.

Когда у Льва Николаевича Толстого врачи признали зачатки туберкулеза легких, он приобрел в Башкирии земельный участок, чтобы содержать кумысных кобылиц, и каждое лето приезжал туда укреплять здоровье живительным напитком.

Кстати, в России издавна лечили туберкулез, дистрофию и некоторые другие болезни кумысом Башкирии. Выходит, лошадь кормит, лошадь поит. Поит уникальным, бодрящим и избавляющим от недугов напитком.

В бытность собственным корреспондентом республиканской газеты мне доводилось бывать на летних джайлоо, где выпасались кумысные кобылицы, наблюдать за процессом изготовления этого удивительного напитка, названного одним из восторженных его почитателей «шампанским кыргызских гор». Удой от одной матки в сутки составлял 8 – 15 литров. Вот только за одну дойку она давала 1,5 -2,5 литра молока (самала). Поэтому доить ее приходилось через каждые два или два с половиной часа. Получается, 7-8 раз в сутки. С небольшим перерывом на ночной отдых как для скотников и доярок, так и для конематок.

После каждой дойки самал вливали в хорошо прокопченный бурдюк-чанач из цельной сыромятной козьей или телячьей кожи, где уже бродила закваска или молоко предыдущих надоев. Хозяйка или все, кто заходил на короткое время в юрту, считали своим долгом усердно взбить содержимое бурдюка арчовой колотушкой. И так сутки напролет, пока утром не приезжал молоковоз за надоем истекшего дня.

А еще лошадь – об этом, к сожалению, мало кто знает – является спасительницей, лекарем человека. В России издавна существует Институт вакцин и сывороток. При нем создана конюшня, в которой содержатся лошади-доноры. Это отборные, здоровые во всех отношениях животные. Врачи вводят им в кровь возбудителей таких губительных для человека болезней, как столбняк, гангрена, дифтерия, ботулизм и многих других. И когда в крови доноров вырабатываются защитные антитела, иммунитет против этих болезней, у них берут кровь для приготовления спасительных сывороток. Одно животное дает за время своего пребывания в конюшне института 16-20 тысяч доз сыворотки.

Но и это еще не все. Берут у лошадей для целебных целей и желудочный сок. шесть-семь литров за один сеанс. Так что и в век техники они продолжают спасать человека. Нередко случается так, что человек, который никогда не видел живой лошади, бывает обязан ей восстановленным здоровьем, а то и жизнью.

Своим домашним Равиль Идиатуллович не раз признавался, что в отрочестве долго не мог понять, почему взрослые старались искупать своих младенцев в воде, которая осталась недопитой лошадьми. Лишь с годами понял суть этой народной мудрости. Попробуйте напоить коня нездоровой или хотя бы слегка затхлой водой. Не получится. Если конь пьет воду, это лучшая гарантия ее качества.

ИППОТЕРАПИЯ, ИЛИ ДОКТОР ЛОШАДЬ

Если затрагивать тему врачевательных способностей и возможностей лошади, следует особо остановиться на сравнительно недавно возникшем в медицине лечебном направлении - иппотерапии. Спектр недугов, рекомендуемых к реабилитации при вмешательстве и помощи «доктора Лошадь», достаточно широк. Это детский церебральный паралич, синдром Дауна, аутизм, артрит, рассеянный склероз, поведенческие и психические расстройства, черепно-мозговые и спинномозговые травмы.

Впервые концепция иппотерапии находит письменное упоминание еще в трудах «отца медицины» Гиппократ. В середине XVIII века французский энциклопедист Денни Дидро в

трактате «О верховой езде и ее значении для того, чтобы сохранить здоровье и снова его обрести» писал: «Среди физических упражнений первое место принадлежит верховой езде. С ее помощью можно лечить много болезней, но возможно также и их предупреждать, как только они проявляются».

Тем более странно, что только в конце XIX столетия начались серьезное научное изучение влияния верховой езды на организм человека и ее целенаправленное использование в лечебных и оздоровительных целях.

Однако как формализованная лечебная дисциплина иппотерапия была разработана и начала использоваться в ряде стран Западной Европы в качестве дополнения к традиционной физической терапии лишь с 1960 года.

Первая стандартизированная программа в сфере иппотерапии была разработана в конце 1980-х годов группой канадских и американских терапевтов.

В России история иппотерапии как метода реабилитации детей с особыми отклонениями и потребностями берет начало с 1991 года. В Бишкеке же этот метод начал применяться лишь в 2014-м.

Сегодня вряд ли кому нужно доказывать, что лошадь – это незаменимый природный биоэнергетический тренажер. При езде верхом активно задействовано более 80 процентов мышц всадника. У лошадей удивительная и уникальная энергетика. Они дарят всем, кто общается с ними, массу положительных эмоций.

У детей с задержкой развития верховая езда стимулирует укрепление скелета и мышц, формирование и становление мелкой моторики, способствует более полному и гармоничному восприятию окружающего мира. Чрезвычайно важно и то, что физические, коммуникативные и прочие навыки, приобретаемые такими детьми в процессе верховой езды и общения с лошадью, переносятся в дальнейшем и в повседневную жизнь.

Разумеется, перед Иссык-Кульским конезаводом стояли совсем другие задачи. От его коллектива менее всего требовалось заботиться об оздоровлении граждан. Ни на минуту не забывая о главном предназначении хозяйства, Р. Еникеев в то же время лучше, чем кто-либо, знал, какое благотворное биомеханическое воздействие оказывает на организм человека сама по

себе верховая езда. Ведь ему самому ежедневно приходилось наматывать верхом на своем замечательном сером в яблоках красавце жеребце не один десяток километров.

В начале 1960-х годов, когда конезавод прочно стал на ноги, имел стабильный и высокий доход, пользовался всеобщей известностью, а его породистые и племенные скакуны регулярно отмечались медалями на ВДНХ СССР и выходили победителями на союзных и международных соревнованиях, добился Равиль Идиатуллович разрешения на создание при заводе детской конноспортивной школы. А чтобы знакомство детей (принимали в школу даже первоклашек) с лошадьми проходило в атмосфере взаимной симпатии и доверия, из России были выписаны специально для школы «детские лошадки» - пони. Небольшой табун для малолетних конников содержался в особых условиях. Покладистые, отзывчивые на уход и ласку, лошадки быстро привыкали к своим юным хозяевам. И малыши в свою очередь душой прикипали к своим четвероногим питомцам. Так что пони и всадники становились на долгие годы настоящими друзьями.

Как это нередко бывало у директора конезавода, одним выстрелом он убивал несколько зайцев. Ведь многие из этих малолеток к своим школьным выпускным экзаменам становились хорошими работниками, специалистами, коневодами, первоклассными наездниками и жокеями. Некоторые из них впоследствии завоевывали призовые места на престижных скачках, поднимались на пьедесталы почета на широко известных ипподромах Союза.

Главное же, в постоянном общении с лошадьми эти мальчишки и девчонки вырастали добрыми, заботливыми и порядочными людьми. Они были физически крепче и здоровее своих сверстников. Их уже нельзя было так запросто втянуть в дурную компанию. Они знали себе цену, не имели привычки к праздности, ничегонеделанию. Словом, одновременно формировались личности и будущие молодые кадры для конезавода.

ИССЫК-КУЛЬСКИЙ КОНЕЗАВОД

История кыргызского племенного коневодства берет начало с дореволюционного периода. Его зарождение связано с именем штабс-капитана российской императорской армии Виктора Пиановского (по другим источникам Пьяновского). Женившись на дочери Туркестанского генерал-губернатора, генерала кавалерии Самсонова, он получил в качестве приданного несколько племенных породистых лошадей.

Будучи завзятым лошадиником и большим знатоком лошадей, он предпочел для их разведения знойному Узбекистану благодатное побережье Иссык-Куля. Немалую роль в выборе этого места сыграло и то, что Пиановскому было хорошо известно, что все современные ему конские породы хотя и были созданием человека, но получились от скрещивания местных, аборигенных пород, с привозными. Местные породы обладают целым рядом качеств, которых нет у лошадей других уголков земного шара. И в этом плане кыргызская земля, родина кочевников и табунщиков, представляла определенный интерес.

Согласно сохранившимся в архивах воспоминаниям Пиановского, в 1907 году в Джеты-Суу был доставлен купленный в Англии чистопородный жеребец-производитель по кличке Альбертон. Его участие в скачках и выставке в Ташкенте вызвало настоящий фурор. В тот момент мы осознали, писал Пиановский, насколько Средняя Азия нуждается в чистокровных производителях. Тогда я дал себе слово, что создам в этих краях конезавод.

Тут следует пояснить, что первым конным заводом на Руси был Хорошевский, основанный еще в XV веке при государе Иване III. Понятно, в то время ни о каком заводе в современном значении и понимании не могло быть и речи. Первоначально слово «завод» существовало только в применении к лошадям и означало «заводить лошадей». А посему конезавод никакого отношения к его более позднему промышленному собрату не имеет.

В XVIII веке самым талантливым и образованным коневодом на Руси, заложившим основы русского научного коннозаводства, был граф Алексей Орлов. О нем говорили, что в

одинокую он сделал «то, что на протяжении двухсот лет делала вся английская нация». Тридцать два года он кропотливо и придирчиво скрещивал различных породистых лошадей, добываясь создания породы, которая годилась бы «и в оглобли, и под седло», чтобы «она могла служить и воину, и пахарю».

В результате жесточайшего отбора появился орловский рысак, на века сохранивший и прославивший имя своего создателя.

Возвращаясь к Виктору Пиановскому, заметим, что за 1907-1911 годы он на свои средства приобрел семь чистокровных производителей, в числе которых значились английские Поливода и Скольд, в Симбирской губернии был куплен Ретвизан, из Польши доставлен Лорд-Паль-Мельсон, из Туркмении – Мавр.

В 1910 году в Пржевальск приехал генерал Самсонов. Ознакомившись с хозяйством и деятельностью Пиановского, он дал им высокую оценку. Результатом этого ознакомления стало то, что осенью того же года Пиановский был приглашен в Санкт-Петербург, где получил дозволение на открытие в Туркестане конезавода.

Из столицы новоявленный конезаводчик возвратился в Пржевальск с 15 жеребцами-производителями. Их он стал скрещивать с местными кобылицами.

В 1912 году Пиановскому был выделен в местечке Джеты-Суу, на правом берегу реки Каракол, обширный земельный участок в аренду сроком на 36 лет. К 1917 году у него в табуне было уже около сотни лошадей улучшенной породы.

Однако с установлением советской власти улучшенный табун, если верить официальным источникам того времени, был добровольно и безвозмездно передан новой власти. Хотя сегодня мы хорошо знаем, как проходила в те годы добровольная передача новым хозяевам жизни нажитого личного имущества. Но как бы там ни было, тот табун стал основой образованного здесь госплемрассадника.

Таким образом, вне всякого сомнения, штабс-капитана Виктора Пиановского следует считать основателем и родоначальником кыргызского племенного коннозаводства.

В первой половине 1920-х годов по приказу командующего Туркестанским фронтом командарма Михаила Фрунзе в республику был направлен комиссар Первой Туркестанской кавале-

рийской бригады Леонид Рапопорт. Назначили его директором единственного на тот момент госплемрассадника. Одним из главных пунктов приказа значилось: «Поставить коннозаводство с первых же его шагов по пути нового строительства в надлежащие условия и тем поднять его на должную высоту».

В тот период новая власть менее всего была озабочена выведением и размножением породистых рысаков. Главной задачей было обеспечение Красной армии строевыми лошадьми. А потому разнообразием породистости поголовья хозяйство не блистало. Основную массу составляли дончаки, а для хозяйственных нужд использовались лошадки местных пород.

Уже на одном из первых рабочих собраний, обращаясь к коллективу, красный директор говорил: «Мы с вами должны на этом месте построить советское хозяйство с красивыми аллеями, фруктовыми садами, больницами, клубами, кинотеатрами. Должны создать табуны прекрасных лошадей, отары овец, стада молочного скота. Развивать свиноводство, птицеводство, пчеловодство». Эти слова свидетельствуют, как далеко вперед смотрел бывший лихой кавалерист и какие грандиозные планы ставила перед собой советская власть.

Несмотря на молодость, – а к моменту приезда в республику Рапопорту не было и 25 лет – он уже был награжден двумя орденами Красного Знамени. Первый орден красноармеец заслужил в бытность командиром полка Трудового казачества, ставшего впоследствии ядром конной армии Семена Михайловича Буденного. Второй получил за участие в разгроме банд басмачей в Средней Азии в должности комиссара Туркестанской кавалерийской бригады.

22 февраля 1926 года стало для подъема животноводства в Иссык-Кульском районе и для развития региона в целом знаменательным днем. Здесь образовался союзного значения Государственный племенной конезавод.

Впрочем, если следовать исторической правде, создание конезавода должно быть отнесено к 1922 году. В то время в конюшнях населенных пунктов Орюкту и Чолпон-Ата насчитывалось 2 032 лошади. Но из всего этого огромного поголовья лишь 32 были породистыми. Позже конюшни были расширены. На их базе было создано несколько коневодческих хозяйств.

В период официального создания конезавод занимал территорию 23 753 га. Его владения простирались от Чолпон-Аты до Григорьевки, растянувшись едва ли не на 75 км.

В 1928 году Леонид Львович Рапопорт был назначен управляющим Иссык-Кульского конезавода № 1 с центром в селе Чолпон-Ата.

Согласно архивным документам, образование Иссык-Кульского конезавода № 54 датируется 1 января 1935 года. Понятно, что его директором был утвержден Л. Л. Рапопорт. А почти годом раньше в жизни директора произошло важное и незабываемое событие. По данным некоторых источников, Леонид Рапопорт был избран делегатом XVII съезда ВКП (б), состоявшегося 26 января – 10 февраля 1934 года. Практически сразу же на страницах газет его станут называть не иначе, как Съезд победителей. Проходил он в обстановке большого политического и трудового подъема. К тому времени в стране был заложен надежный фундамент социалистической экономики. Политика индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства одержала решающую победу. Вот только позже в историю партии и страны 17-й съезд войдет под другим названием – Съезд расстрелянных.

В 1935-1936 годах под предлогом проверки и обмена партийных документов фактически была проведена беспрецедентная чистка партии от так называемых чуждых элементов. За считанные после съезда годы из 1 966 его делегатов 1 108 были арестованы и расстреляны как враги народа.

В 1936 году был репрессирован и Леонид Рапопорт. К счастью, он не был расстрелян. Умер Леонид Львович 3 сентября 1952 года своей смертью в Риге. Реабилитирован он был лишь спустя несколько лет.

Но в Кыргызстане сохранилась о нем благодарная память. И не только потому, что он был первым директором прославленного на весь Союз конезавода. В 1934 году он со своим коллективом в течение нескольких недель высаживал саженцы серебристого тополя по обеим сторонам автотрассы от Чолпон-Аты до первого отделения завода Бактуу-Долоноту.

Тут уместно заметить, что Рапопорт нередко говорил: «Человек должен любить дерево так же, как коня, и тогда ему цены не будет». Ну, а мобилизуя своих сотрудников на все не

связанную с их прямыми обязанностями работу, он предрекал: «Эта аллея будет символом новой жизни и памятью о нас для новых поколений».

Так оно и произошло. Благодарные кыргызстанцы новых поколений назвали эту аллею, со временем превратившуюся в уникальный пятикилометровый зеленый тоннель, аллеей Рапопорта.

18 марта 1935 года тренеры Иссык-Кульского конезавода Н. Головкин и В. Присухин в сопровождении ветфельдшера И. Федорченко, ветеринаров В. Ильичева и Н. Кулихина, табунщика А. Боженова, конюхов Б. Мамырбаева, И. Токтосунова, И. Тырыпбаева, возглавляемые заместителем директора Кувалды Шадыкановым, привезли 21 лучшего скакуна на Московский государственный ипподром для участия в демонстрации достижений отечественных конезаводов. По сути это стало первым серьезным смотром для кыргызских конезаводчиков и их скакунов.

Конечно же, никто из специалистов не рассчитывал на успех. Главной целью было не завоевание призовых мест. Важно было заявить о себе, реально оценить состояние и возможности национального коневодства, ознакомиться с достижениями более опытных и именитых специалистов страны.

Александр ЗЕЛИЧЕНКО

ТАК ВСЕ И БЫЛО

Находчивый участковый

Сейчас даже трудно представить, какой властью не в столь уж далекие времена обладал коммунистический чиновник даже средней руки. А уж сотрудник Центрального комитета Компартии! Первый же секретарь пользовался властью поистине неограниченной...

...В кабинете министра внутренних дел настойчиво звонила «тройка» – прямой телефон заведующего отделом адморганов ЦК Компартии Киргизии. «Ваш участковый Качиев пришел проверять документы у первого секретаря товарища Усубалиева...»

Сказать, что министр упал со стула, ничего не сказать. Поднялся такой шум, что многим небо показалось с овчинку. Заместители министра, начальники управлений носились, как простые опера, искали Кайчиева. Начальника РОВД, где служил виновник переполоха, свалил инфаркт...

Лейтенант подвергся обструкции. Только ленивый не орал на него, не топал ногами, не брызгал слюной и не пытался сорвать погоны. Качиев не сопротивлялся, лишь искренне не понимал – за что?!

Офицера уже вели на аутодафе к министру, когда у того в кабинете опять зазвонила «тройка». И уже совсем другим, не начальственным голосом тот же заведующий отделом попросил направить участкового, «которым МВД может гордиться» (!), в ЦК, на прием к Самому...

Не понимая, что происходит, сотрудника тем не менее соизволили выслушать. Оказалось, участок в самом центре столицы он обслуживает недавно, и, поскольку жилых домов в самом сердце города тогда было немного, он начал посещать руководителей расположенных здесь министерств и ведомств, представлялся, рассказывал о криминальной ситуации, вручал визитки – делал свою работу. Дошла очередь и до ЦК.

Короче, слухи о пытавшемся побывать у него бравом участковом инспекторе дошли до Турдакуна Усубалиевича. И он пожелал встретиться лично. На встрече первый сказал, что за двадцать пять лет, что он находится на этом посту, ни разу не видел участкового, поблагодарил Качиева за инициативу, порасспросил о службе, житье-бытье...

И пошла обратная цепная реакция. Министр вручил «находчивому милиционеру» премию в пятьсот рублей – большие по тем временам деньги. Его наперебой хвалили замы, руководители различных уровней. Забыв об инфаркте, угодливо заглядывая в глаза, начальник РОВД перед всем личным составом долго тряс руку, говорил высокие слова...

Вскоре – такова жизнь – случившаяся в 1984 году история эта забылась. Толик Качиев сменил несколько мест службы, и год тому назад вышел в отставку с должности оперативного дежурного МВД. Создал охранное агентство, успешен в бизнесе. В свои пятьдесят с небольшим бодр и полон планов на будущее.

На днях мы встретились в музее МВД. И встреча эта подвигла меня рассказать историю почти тридцатипятилетней давности.

Возможно, пригодится...

Разнос

Теперь в это трудно поверить, но в «старые добрые времена» каноны общественно-политической жизни определял всемогущий ЦК - Центральный комитет Компартии. Какие фильмы смотреть и какие книги читать - на все надо было испрашивать высочайшее разрешение. Бывало, уже отснятые художественные полнометражки, на которые ушли миллионы,

десятилетиями лежали на полке, потому что не понравились одному-единственному ответственному за идеологию цковскому «чудаку»...

ЦК утверждал тематику монументальной живописи и художественных полотен, эскизы улиц и зданий, расцветку и количество горошин на новых тканях, обертки для конфет фабрики «Красный Октябрь». К одной республиканской дате фрунзенский шампанвинкомбинат, что тогда был известен на весь Союз, готовил новый сорт вина. Так даже тару, ее размеры, цвет и дизайн следовало утвердить в верхах. Не говоря уже о вкусовой палитре самого производного виноградной лозы.

Нести пустой сосуд не принято. По установленной процедуре бутылку, чтоб было видно, как будет выглядеть конечный продукт, наполнили подкрашенной сладкой водой - точно под цвет будущего содержимого, фирменно закупурили. Вино ж доставили в отдельном графине.

«Самого» на месте не оказалось, бутафорию и хрусталь вручили секретарше. Кто ж знал, что хорошо знакомого с процедурой вельможу недавно сменил молодой карьерист, ничего в этом деле не смыслящий?!

...Назавтра на ковёр вызвали руководство шампана. «Воры, мерзавцы! Вы даже в **ЦК** умудрились фальшивку подсунуть, а простой народ вовсе травите!» Не дав рта раскрыть, после разноса уважаемых специалистов просто выставили из кабинета. Главного технолога с острейшим гипертоническим кризом тут же увезла «скорая»...

Как рассказала все та же вездесущая секретарша, графинчик «всезнайка» продегустировал сам. К бутылке ж пригласил приятеля, зава соседнего отдела. Ну и угостил того ... сахарным сиропчиком.

Попортив здоровье, заставив изрядно понервничать и написать унижительные объяснительные, в конце концов, от виноделов отстали. Извиниться ж и не подумали.

ЦК. Не принято...

Оперский постулат

Днями встречался с высоким милицейским начальником. Ну очень высоким. Поразили открытость, ясность мысли, оперская сметливость. И запомнилась рассказанная история...

...Еще в школе милиции понял: служить, так только в угро. Все делал для этого. В райотделе, куда по распределению попал, нехватка кадров, впрочем, как и повсюду тогда, была огромной... Народ из милиции разбегался... Кто – в бизнес, кто – в Россию, кто – в создаваемые там и тут охранные структуры.

Но мне повезло. Центральную зону, куда попал, обслуживали четверо, а старший опер участок этот – большая редкость и до сих пор - уже больше пяти лет чистил. Знал всё и вся, что было, что есть и чему, как говорится, еще только случиться суждено.

Как-то на дежурстве дал он наставление, что мне, как девиз, втемяшилось. Простое, из трех всего составляющих:

- не подбрасывай вещдоков;
- не выбивай показаний;
- не «вешай» чужого...

И пояснил, что если принципами этими руководствоваться буду, и коллеги, и уголовники уважать будут...

Шло время. Мало-помалу и я неплохим опером стал, многому научился. Заметили, в убийный отдел взяли. И вот – убийство, подозревается кавказец. И улики вроде бы хватает, и показаний, но всё косвенное. Надежда – на признание чисто-сердечное. Тут даже явка с повинной уже не пойдет: её если писать, то сразу, вначале... А наш подозреваемый уже и под стражу взят, но молчит.

Как водится, справки о нем навел. Неоднократно судимый, авторитет, из «законников». Такой ни при каких обстоятельствах показаний давать и со следствием сотрудничать не будет. При встрече я только на пальцы его наколотые глянул - перспектива общения понятна стала...

И визави тот мой взгляд поймал.

– Вижу, ты понял всё?

– Ну, допустим...

– Как к тебе обращаться-то? Начальник, так ты еще не

начальник. Байке, так я, наверное, постарше буду... Командир? Так ты ж мной командовать, надеюсь, не собираешься?

– Называй опером... иль сыщиком... Как больше нравится.

– Сыщиком? Гляди-ка... Ладно, гражданин опер... Думаю, ты уже и сам все обо мне понял. Беспредела не боюсь, боли тоже. Помощи не жди, но если докажешь чисто – честь и хвала, от явного отказываться не буду...

...Работал по совести. Даргинца пока в покое оставил, за наводчиков взялся. На Кавказ слетал, куда один из них на машине, что в ориентировке была, скрылся. Там на «Мерсе» новеньком кирпичи и опалубку для стройки возили. Кого своим ходом, кого этапом, – всех в Бишкек пригнал.

Дядьку подозреваемого в оборот взял. Комбинировал, одно за другим алиби рушил. Вещдоки искал, орудия убийства и похищенное. Долго ли, коротко ль...

Суд вину главаря в 13 лет строгаца оценил. Обжалования не поступило.

... Прошло без малого десять лет. Я тогда заметный в системе пост занимал, как начались, пожалуй, первые в суверенной истории нашей политической чистки. Потом уже процедуры эти отточили до тонкостей, тогда же, не заморачиваясь, на ковёр вызывали и предлагали рапорт «по собственному желанию» написать. Несогласных увольняли с волчьим билетом, за дискредитацию органов.

В беспредел тот попал и я. Чуть не год без работы ходил, даже в кабинет, чтоб документы личные, что там, в сейфе, хранил, взять не пускали. Спасибо родственникам, друзьям – помогали, поддерживали, как могли.

Раз прогуливался у ЦУМа. Вдруг – знакомец давний на-встречу. Такой же стройный, чуть морщин поприбавилось:

– Салам, опер... Узнаешь?

– Как не узнать?! Освободился? Что, предьявлять будешь?!

– Восемь лет отбыл, условно вышел. Слышал, ты без работы сейчас? А предьявлять нечего, ты все тогда правильно сделал, красиво доказал. Мы ж договаривались...

– А-а, ну ладно, бывай тогда...

– Да подожди ты. У меня родственник тут отдел обуви держит. Я ему помогаю. Пойдем, 8 Марта скоро. Выбери жене подарок...

Зарплату тогда я уж полгода почти не получал. И без документов устроиться нигде не мог. «По чесноку» если, колебался недолго.

Выбрал лучшие, дорогие.

...Дома поцелуй заслужил. И не только...

Стюардесса

1979-й... Пять лет, как Иссык-Куль перестал выращивать алые маки... Но опийная мафия не сдавалась, и вот однажды пришла наводка, что некто Граф в Токмаке ищет оптового покупателя на 5 кило зелья из старых запасов...

Через искусную комбинацию меня, начинающего опера, представили покупателем. Провераясь, люди Графа в первый же день взялись водить, но наше контрнаблюдение их быстро вычислило и предупредило. Зашел в тогда центральную гостиницу «Кыргызстан», ушел через ресторанный кухню – только меня и видели... Строили и другие ловушки – всякий раз выворачивался.

Основным рынком контрабанды тогда был Кавказ. И, когда на очередной встрече сошлись в цене, торговец выдвинул условие: товар передаст женщине кавказской национальности, она же рассчитается. Рядом с местом встречи никого другого быть не должно.

Категорично. Как сказали б сегодня – безальтернативно.

На подготовку операции 10 дней всего. Связываться с российскими коллегами – пока найдут, то да сё... Опоздаем. Лихорадочно перебирали местных знакомых. На всякий случай искали девушку кавказской внешности, но знающую турецкие языки: вдруг при ней что интересное выболтают?

... И тут вспомнилась красавица Марьям, живущая в одном районе – полшколы влюблено было. Мама у неё, кажется, была с Кавказа, а папа – кыргыз. Правда, не виделись давно.

Долго ли, коротко – нашел... Завидев кандидатшу, инструктора начальство само проводить решило. Мне ж поручили детально операцию проработать. И – никуда с явки.

«Сценарий» готовили вместе с девушкой. Решение подска-

зала ее мечта – стать стюардессой. Летает, дескать, из соседней Алма-Аты, через Баку и Минеральные воды, в Сочи. Да и зачем продавцам такие подробности? Разве что перепроверить заходят? Но на последнем этапе уже вряд ли...

Нашли летную форму, в ней Марьям ну просто моделью выглядела. По месту работы ей отпуск и путевку на курорт пробили – легенда для родителей. За городом поселили, охраняли.

Во время очередного «авиарейса», всячески подстраховавшись, познакомил одноклассницу с опийщиками. Даром что новичок, та, вжившись в роль, вела себя уверенно. Согласно легенде, твердо заявила, что у нее всего час, назад в Алма-Ату возвращаться надо, завтра – в рейс. До товара ей, дескать, дела нет, заплатили, чтоб сверток доставила. Что в нем – ее-де не волнует, деньги очень нужны.

Все. С тем мы в тот раз и уехали, чтобы вернуться с деньгами уже через три дня – подстроились под авиарасписание – и закупить «товар». Все известные нам фигуранты дела с того момента находились под тщательным наблюдением. То ли Марьям их так очаровала, то ли поверили, а может, и то, и другое, но проверять легенду они не стали.

... В назначенный срок стюардесса на алма-атинском автобусе прибыла в обусловленное место – на автовокзал. Тогда он был один, сегодня же зовется «Старым», или «Восточным». Надо сказать, смотрелась она еще лучше обычного – стать, форма с иголочки, встречные мужики шеи сворачивали.

Наблюдение сообщило, как из недалекой Кузнечной крепости вышли и направились к вокзалу трое фигурантов. При них – холщовая сумка, явно с товаром. Завидев покупательницу, прибавили шагу...

Легенду, как, не «засветив» покупательницу, должны были взять сбытчиков, здесь раскрывать не буду: она и сегодня в ходу. Да и ни к чему, всё наперекосяк пошло...

Вмешался Его Величество Случай: в нарушение всех правил, прямо на стоянку междугородних автобусов вдруг зарулил старенький «Москвич». А из него – трое мужчин в летной форме, поддатые. Как потом выяснилось, с рейса только, по ходу движения на грудь приняв, двое фрунзенцев коллегу на автовокзал подкинули, чтоб домой, в Ананьево, проводить.

Завидев красавицу-«стюру», мимо, конечно же, не прошли – «языками зацепились»...

Опиености же, по своему разумению приняв летчиков за переодетых ментов, сбросили сумку и – в рассыпную! Гнаться за ними мы не могли, засветили б Марьям. И потом, хоть всё о них знали, брать не посмели...

... Операцию «Стюардесса» благодаря тем «летчикам-налетчикам» пришлось сворачивать. Без малого два кило чистой-шей «ханки» оформили как бесхозные. Дальнейшее наблюдение за фигурантами ничего не дало – те надолго легли на дно...

За помощь следствию начальство вручило Марьям ценный подарок и... форменную шапочку стюардессы «Аэрофлота».

Скалолаз

...Класса примерно с седьмого горы, что и до того притягивали, настоящим магнитом стали. Лишь только тепло, все выходные проводили там. Сборный пункт назначался у кого-то из одноклассников в частном секторе. Туда провиант, посуду и всё необходимое стаскивали. Помню, раз у Сарди Лоянова собирались. Рюкзаки – под завязку, остались кастрюля алюминиевая и пачка риса килограммовая. Поставишь одно – второе не лезет, и наоборот. И так, и эдак – восемь раз перепакывались... Мама лояновская, тот процесс наблюдавшая, вдруг подошла, сначала кастрюлю пустую пристроила, в неё – пакет с крупой. Всё!

Долго ржали...

... В Ала-Арче место облюбовали, здоровенный крест из подручных средств сколотили – отовсюду видно. Выше по реке водопадик имелся, там купались. А между ним и полянкой нашей скала огромная нависала. Голая, как моя лысина нынешняя. Высокая – метров сорок. Мы на ней страховку отрабатывали, узлы вязали. «Стеной» звали.

... С горами – на Вы, программа до мелочей отработана: на точку поднялись, сразу брезент натягиваем. Потом – дрова, погода-то в любой момент испортиться может... Затем ставим дежурного на готовку, тогда только – купаться, на Стену лезть,

окрестности осматривать... Вечерком за гитарой можно было и портвейна пригубить. Для куражу, не больше.

Порядок этот незыблем был. Но вот однажды...

...Автобуса не было долго, потом он буквально полз по шоссе. Да и пеший подъём от остановки конечной – перегрузились должно быть – вместо обычных двух с половиной почти четыре часа занял.

Пришли, я – за бутылку. Расслабиться захотелось...

Народ смотрит неодобрительно, но молчит. Пока Витюля Ивкин с Тираном и девчонками колья вбивали и крепили полотнище, я треть пузыря приговорил... «А чей-то они молчат?!!» – злюсь. Ещё глоток, из горла прямо. Те сухих дров набрали, провиант разложили – у меня полсклянки осталось.

– Ладно, Большой (самые близкие так лет с пятнадцати зовут), пошли окунемся.

– Нет, на Стенку полезу.

– Дурак, что ли?! Ты ж выпил...

Ах, так?! При девчонках?! С друзьями такими – врагов не надо... Да пошли вы!!!

...Молча беру репшнур и прусь к цели. Вслед пытаются отговорить, моя девушка громче всех просит, на полпути и сам понимаю, что глупость творю, но...

Шестнадцать лет, чо?!

– Ну и хрен с тобой, – слышу в спину. И вся кампания купаться уходит. Я ж, обиженный типа, обхожу Стену, влезаю по покатою её стороне на самый верх и креплю узел. Потом опять вниз, обвязываюсь и – на вертикаль! Пока туда-сюда ползал, не будь упертый такой, десять бы раз передумал...

...Вначале все хорошо шло. Лез вертко, благо навыки кое-какие имелись. Но метров за 5-7 до вершины, устав, забыл, чему учили. На скале, прежде чем ногу оторвать, точно наметь, куда поставишь. Короче, оторвался и... завис с поднятой нижней конечностью: поверхность – что зеркало. Равнехонькая, будто отполированная. Ни складочки. Секунда, вторая – балансировка закончилась.

С ором лечу вниз...

Спасла толстая задница, кою вместе со спиной оббил до синяков и кровопотёков. И страховка – завис метрах в десяти от подножья. Жив! И тут злую шутку репшнур сыграл: натягиваясь

под моим почти центнер весом, он несколько раз спружинил «груз», сжимаясь у торса всё сильнее... Уже и не дышу, болтаюсь, как... над пропастью, короче...

...Забываюсь, вновь в себя прихожу. Чу – голоса. Сквозь веки, что уж и не разомкнуть почти, наших вижу. Стоят, снизу меня разглядывают. Взгляд недоуменный: прикалываюсь иль как?

И тут, жить-то хочется, нарушаю наше жесткое правило тех лет – никогда не ругаться при девочках. Цежу что-то матом.

Дошло, услышали... Спасать лезут... Вытягивают...

...На полянке очнулся, пить попросил. Мне семилитровый котел с водой речной поднесли. Два осушил, полнехоньких. А потом...

Нервы иль что еще – вода наружу полезла. Рвало без остановки...

Жалкое зрелище...

**КУЛЬТУРА.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

Ольга ПРОКОФЬЕВА

ФАКТ И ФАКТОР ТОЛЕРАНТНОСТИ

Размышления
о русской поэзии
на постсоветском
пространстве
Центральной Азии

Русская литература ближнего зарубежья – феномен, на постсоветском пространстве Центральной Азии достаточно яркий, предельно симптоматичный для периода распада СССР и текущей постсоветской действительности. И уж тут, спустя как минимум четверть века, не могут не привлечь внимания некие архитектурные очертания, как прежние – уже руинные, так и возникшие на непрочном фундаменте тогдашней новизны, которые, однако, в новой социальной реальности попадают в тень и могут оказаться (и, увы, оказываются) в забвении.

Иными словами, то, что написано в 1990-е и уже чужое советской эпохе, возможно, является чужим и сегодняшней действительности литературы.

Прежде всего это мысли о «русском следе» в культурном пространстве Центральной Азии, ибо мы (процитируем одного из авторов) «не только в азийском круге» – мы «в кругу веков». Этой мыслью руководствовалась и автор данных заметок – далеко не первых в ряду ее исканий в русле проблемы. Так, драматическое осмысление этого нашло значительное место в творчестве народного поэта Кыргызстана, переводчика и учёного-культуролога В. И. Шаповалова. Как всякий значительный художник, он, познавая мир, нашёл много того, что достойно памяти и восхищения, в том числе реалии кыргызского мира (природу, людей и созданные ими бытийные артефакты и духовные ценности). Славянское и тюркское выступают в переплетении, которое и составляет счастье и творческую судьбу лирического героя стихотворений.

Но начиная еще с 1980-х зазвучала тема тревоги за прочность этого единства и постепенно превратилась в один из лейтмотивов творчества. Он уже рассматривался исследователями. Но образы внутри этого лейтмотива столь многозначны, что требуют к себе нового внимания, особенно метафоры в стихотворениях «Азийский круг», Etnographica, «Русский след» «У памятника П. П. Семёнову-Тянь-Шанскому», «Русская Троя», «Вечерний звон. Реквием русскому паломничеству в Киргизии»... Интерес к творчеству этого автора накапливается и углубляется в связи с тем, что события текущих дней открываются у него в широких исторических координатах и абстрагируются до универсалий:

*Всё умирает,
Прошлым становясь.
Пустеют шляхи, некогда стоустые.
О Азия! – пустеют сёла русские,
Основанные предками давно.
Затягивает мглой безразличия
Личину христианского обычая
И вянет песен горькое вино.
«Русская Троя»*

«Была ли ты – иль вовсе не была, развеянная жёстким веком наскоро большой России малая «диаспора»?» Этим вопросом и обобщена тема утрат. Возникает дискурс, в свете которого акцент падает на ту часть исторического опыта, что за давностью уже не восстановима в своей подлинности:

*Полыню лунный свет припорошив,
Проходят дни – и высыхают пастбища.
И – чьи они? – распахивает кладбища
Бездомный ветер
Под чужой мотив.*

Название «Азийский круг», в конце концов, теперь уже воспринимается как метафора, в которой ключевое слово «круг». Оно даёт ассоциации с пространством, обладающим и совершенством очерчивающей его линии, и её замкнутостью. Передаваемое значение данной метафоры в контексте поэзии В. Шаповалова – двойственность.

С одной стороны – слитность с миром той земли, где вырос, нашёл возможность творческого пути и проложил его; этот мир осознаётся как Родина. С другой стороны, лирическому герою открываются случайность и необязательность пребывания на этой земле, с точки зрения её более коренных жителей.

При фронтальном изучении русской поэзии на постсоветском пространстве Центральной Азии проблема этнической самоидентификации в различной степени обнаруживается и у других авторов. Как глубокая и непредвиденная драма переживается она у поэтов Казахстана – Н. Черновой, О. Шиленко. В. Михайлова – кстати сказать, острее, чем в стихах авторов из Узбекистана – Н. Ильина, А. Файнберга, О. Джурунцева.

В Кыргызстане это нарастающая от книги к книге сила нравственного одиночества у яркой поэтессы С. Сусловой.

Для всех этих писателей дефицит читательского внимания, присущий современности, усугубляется нарастающей изолированностью, выходов из которой немного: российский журнал «Дружба народов» в печатном виде и электронном варианте, подборки стихов и единичные публикации на сайтах интернета, мозаика Фейсбука. Наиболее активно и систематично выходят в электронном виде произведения русских авторов Кыргызстана: есть персональные сборники, журнал «Литературный Кыргызстан» имеет полную электронную версию с 2009 года (в отличие от «Звезды Востока» и ещё менее доступных сейчас российскому читателю – казахстанских «Нивы» и «Простора»), наконец, есть специальный сайт literature.kg, увеличивающий свое информационное присутствие.

Проблема самоидентификация личности в иноэтническом контексте, выраженная в поэтической форме, актуальна для современного мира вообще и для России в частности, когда начался обратный процесс: массовые миграции тюркоязычных жителей центральноазиатских стран на территорию Российской Федерации, на Урал и в Сибирь в том числе.

В свете социологических публикаций о процессах миграции населения, происходившей в разные исторические эпохи, подчас утрачивается индивидуальная личностная рефлексия самих переселявшихся, а также – их потомков. Лирическая поэзия позволяет взглянуть на события сквозь призму эмо-

ционально-интеллектуального переживания талантливой личности, увидеть психологические, мировоззренческие нюансы.

Известный философ и социолог из Кыргызско-Турецкого университета «Манас» Кусеин Исаев в статье о миграционных процессах на территории евразийских степных пространств, современного Кыргызстана делает акцент на роли и значении «кочевого образа бытия и стиле номадического мышления». Ратуя за преодоление европоцентризма в оценке цивилизаций, автор предлагает взгляд на «мобильность, динамизм кочевых степных народов» как на «то, в чём остро нуждается современный глобализованный мир». В исследование вовлечены материалы о русских и шире – славянских переселенцах из европейской части материка в Центральную Азию, о стремительном их оттоке начиная с 1990-х годов, а также о миграции современных кыргызов «преимущественно в различные регионы Российской Федерации». Отмечая возникновение в ходе этого проблем, связанных с «социально-экономическим, научно-техническим потенциалом, а также культурно-духовным богатством современного Кыргызстана», К. Исаев называет возвращение к кочевнической стратегии спасительной для кыргызов. Понятия «миграция» и «социально-географическое перемещение», «кочевой образ жизни» при этом использованы как синонимы. Речь ведётся и о старинных контактах между степными кочевниками и оседло-земледельческим населением. Миграция, возникающая в результате жизнедеятельности кочевников, рассматривается К. Исаевым в качестве «катализатора этногенетических процессов».

Анализируя произведения современных русских поэтов Центральной Азии, которые (по большей части) явились потомками переселенцев, мы видим результат совмещения двух тактик выживания – кочевой и оседлой. Острее всего, полнее и убедительнее в женской поэзии Азии это отразилось у Светланы Сусловой.

*Вечной страницей в иноязычной толпе,
Паутиной в заброшенной отчей избе,
Прошлогодней травую на вешней тропе
Жить – сама по себе...*

Встраивание переселенцев в чужую культуру было их ставкой на выживаемость и для многих – благородной целью:

поделиться интеллектуальным и творческим опытом своего народа, постичь опыт иного этноса и в этом синтезе видеть путь совершенствования.

Переводческая деятельность в литературном многоголосье стала одной из благодатных для взаимопознания, для синтеза культур. Служившие ей соприкасались с тем слоем нацио-нального сознания, который выше обыденного, ибо искусство призвано запечатлевать лучший опыт народа. В силу того что искусство и наука – сферы, побуждающие к сверхличным целям, они по большому счёту пронизаны этикой, установкой на взаимное внимание к насущным интересам и потребностям. Поэтому советские идеологические лозунги о дружбе народов воплощались многими представителями искусства и науки с искренностью и ответственностью, позволившей создать выдающиеся произведения, например, в Кыргызстане скульптуры Ольги Мануйловой и В. Шестопала, гравюры Лидии Ильиной, литературоведческие труды Е. Озмителя, А. Жовтиса, М. Рудова, того же В. Шаповалова. А уж переводческое наследие здесь – огромное поле исследования, насыщенное потрясающей энергией, вложенной в десятилетия творческого труда.

Основным предметом нашего внимания стали произведения поэтов, чья творческая молодость принадлежала советскому времени. Период зрелости, глубинного осмысления реальности и своего места в ней оказался на переходе от заката социализма к становлению независимых центральноазиатских стран Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана. Это те авторы, которые и после 1991-1994 годов продолжали оставаться в контексте национальных культур, явившихся их творческой средой наряду с «общесоюзным простором» советской среды.

Стало уже общим местом определение: они не покидали свою большую Родину – это она покинула их. И поскольку таких граждан оказалось много (оставшихся там же или переселяющихся в Российскую Федерацию), то изменение, переосмысление чувства Родины, трансформация гражданских чувств – актуальный предмет внимания. Изучение произведений вышеназванных авторов показывает, что власть земли, власть места оказывается сильнее социального дискомфорта.

Художественные произведения становятся частью культурного пространства, которое в отличие от административно

разграниченного ещё сохраняет некую инерцию единства, притом – возведённого в статус ценности, имеющей высокое гуманистическое, эстетическое и этическое значение. Это проявляется через пейзажные детали художественных образов, через сложившийся фонд ассоциаций для построения художественных образов любого содержания. Эстетизируется в первую очередь географическая среда (степь, горы, песчаные барханы, озёрная синева и водопады): «В мире горного безмолвья / Золотые игры лета» (Н. Ильин), или же «Люблю тебя, азийская зима / За зелень в обнажённых жилках веток» (О. Джунгурцев), или же «струится юная лоза» (А. Файнберг).

И в то же время за зримыми образами поэтики этой традиции остро мелькают именно те самые детали, в коих «прячется дьявол». Так, в стихотворении «Фрунзе» С. Сулова пишет:

*...Этот город мной любим до смерти.
Он щит и меч. И страннический плащ...*

Подобные признания в глубокой привязанности можно найти в произведениях О. Шиленко (например, в стихотворении «Что-то мальвы мои стали хилыми...»), Н. Черновой (в стихах о Баянауле). Как удивляющий, но в то же время уже и близкий, понятный передаётся местный этнический колорит: «А под недвижную чинарой / В пустой открытой чайхане / Худой старик у самовара / Лежит спокойно на спине» (А. Файнберг); «Напевы кочевий, / Бугристый асфальт караванных дорог» (В. Шаповалов), «Песок и пыль. Березы, ивы, ели. / Вода зеркалит неба синеву. / Кругом гортанной речи трели – / Сплошное «Джар билдыр сю-у» [Фраза о любви - в русской транскрипции. - О. П.] (Н. Ильин). Нередко в поле поэтического зрения оказываются произведения искусства, например, «Манас», а также - тюркские имена в ореоле восприятия: «Я дружил с Кашимканом. И хмурый старик, / Над комузом склонясь, как над детской зыбкой, / Напевал – и светился коричневый лик неуверенной, слабою, детской улыбкой...» (В. Шаповалов).

В таком контексте предстают особенно драматичными потери, принесённые новым временем разъединяющих перемен. Возникают образы разной степени парадоксальности.

«Ведь моя Родина – Союз, / Что вдребезги разбит на страны. / Я эту чашу склеить тщусь,.. – пишет О. Шиленко. - И

от имперской жажды той / Мне чай казахский много слаще». Выражение «имперская жажда» у автора, в художественном мире которого преобладает просветлённая элегичность, воспринимается как ироническая; этим своеобразно оттеняется миролюбие финала фразы про казахский чай.

«Время утрат» – так называется одно из стихотворений С. Сусловой. Поэтически приравнивая переживание личной судьбы к масштабности бытия («пространству и времени»), а уменьшающийся от утрат мир – к размерам «шляпки гвоздя», автор с предельной убедительностью передаёт высокую степень напряжения, возникающего в ходе перемен:

*Погружённая в это пространство и время,
Вытесняя их брэнной своею судьбой,
Как хотела бы я ухватиться за стремя,
Стремя каждого, кто расстается со мной!
Нет и счёта утратам. Мой город пустеет.
Мир становится зыбким, как пыльный мираж.
Почему же к земле этой долей Антея
Я привязана – рухляди брошенный страж?
Чем помогут мне эти бессмертные стены –
Ближних гор примелькавшийся снежный предел?..
Всё сужается мир...».*

Оправдано внимание к таким явлениям художественной культуры и с позиций изучения социальных проблем, умонастроений в современных условиях поиска возможностей для процессов интеграции внутри СНГ.

Когда в историческом опыте этноса доминирует оседлый образ жизни, для него высокой ценностью обладает прочность соотнесённости с определённой территорией. Ценностью становятся и все факторы этой среды, сопутствующие ей этносы в том числе. Верность русскоязычию, культуре своих предков органично соединяется с явлениями иноэтнического характера. Естественно, болезненно переживается разрушение сложившегося культурного синтеза. Переселение, миграция оборачиваются не только обретениями, но и ощутимыми утратами. Обе жизненные стратегии – оседлость и миграция – в контексте истории взаимодействуют неравномерно и сложно. Литературный материал свидетельствует о том, что опыт толерантности

составляет насущную часть качества жизни человека, а в деструктивных исторических коллизиях именно художественная культура способна сохранять и поддерживать этот опыт.

Метафорическое ощущение этого опыта реализуется в обостренном стремлении к пониманию друг друга: это «надежды отчаянной миг», что вновь разъединяемые народы вновь заговорят друг с другом – и это будет «тот вещий всеобщий язык, на котором с пророками, молча, Господь говорил» (В. Шаповалов, «Языки»).

Дефицит же внимания к этой проблеме со стороны общества напоминает о необходимости сегодня оперативного и разностороннего её осознания.

И тем очевиднее, что проблемы этнической самоидентификации русской культуры в условиях постсоветского пространства Центральной Азии ничуть не менее остры, чем четверть века назад. И думать, что уменьшение «критической массы» культурного присутствия имеет место, преждевременно. Русская поэзия живущих на этой территории воплощает глубинную рефлексию личности, ярко свидетельствует об умонастроениях, обнаруживая высокую степень привязанности к земле и автономным культурам, с которыми связана длительная творческая деятельность.

Русская литература центральноазиатских стран несёт неповторимый опыт толерантности в условиях нарастания межэтнической напряженности – причем парадокс: в достаточно аморфной в этом плане атмосфере литературного процесса многонациональной федерации.

Нелегкая ноша.

Кратко об авторах

АБАКИРОВ Мелис

Народный писатель Кыргызской Республики. Родился 13 марта 1940 года в селе Бурана Чуйского района. Окончил филологический факультет Кыргызского государственного университета. Автор многих сборников повестей и рассказов, а также романов «Кокой кести», («Лихая година»), «Барымта» («Заложник»). Некоторые произведения М. Абакирова ранее были переведены на русский язык и выходили отдельными сборниками. Предлагаемый читателям журнала рассказ является одним из новых произведений писателя.

АЛЕКСАНДРОВ Вячеслав

Родился в Беларуси в 1947 году в семье офицера Советской армии. Живет в Кыргызстане с 1954 года. Окончил Киргизский государственный университет по специальности «экспериментальная физика». Командовал два года мотострелковой ротой в Советской армии. Затем строил датчики для космических спутников. Потом резкий поворот в судьбе. Как при слаломном спуске с горы на лыжах. Работа на телевидении в качестве снимающего корреспондента, сценариста, телеведущего, режиссера. Затем – кинооператора документальных фильмов – «Испытание», «Пятый угол», «Конечная остановка». И снова резкий поворот. На этот раз на стезю бизнеса в области туризма. С бизнесом столкнулся впервые, а с туризмом, альпинизмом и горными лыжами был давний роман, который продолжается до сих пор. Автор книг «Азиатские Белые Горы», «Алеет Восток» и др.

АЩЕУЛОВ Дмитрий

Родился в городе Фрунзе, окончил Бишкекский архитектурно-строительный колледж. С 1998 года печатается в журнале «Литературный Кыргызстан». В 1999-м стал лауреатом республиканского литературного конкурса «Наследники пушкинского пера». В 2010 году вышел сборник его рассказов «Бальтазар Неверро». Работает в республиканской газете «Слово Кыргызстана».

БОНДАРЕНКО Олег

Родился в 1960 году на Украине. Окончил Донецкий госуниверситет, работал в системе Госбанка СССР на Сахалине и Южных Курилах. С начала 1990-х постоянно проживает в Бишкеке. Сотрудничал с газетами и радио, был менеджером ряда частных компаний. С 2010 года — исполнительный директор Ассоциации издателей и книгораспространителей Кыргызстана. Параллельно разработал и запустил проект www.literatura.kg – цифровой многоязычной библиотеки произведений отечественных авторов, является ее главным редактором. Член Национального союза писателей КР. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Зарубежные записки», *Lettres Russes*, «Новая литература» и др. Автор книг «Неизвестные Курилы», «Философия выживания этноса», «Однажды во Вселенной», «Одни» и др.

ДОЛГОВ Александр

Жил в Кузнецом районе Пензенской области, окончил там с медалью Евлашевскую среднюю школу. Затем учился на филофаке Кыргызского госуниверситета.

Стихи начал писать со школьных лет. Первые были опубликованы в студенческие времена в газете «Комсомолец Киргизии».

Кандидат филологических наук, профессор педагогики. Автор более полусотни учебных и научно-методических трудов, избран действительным членом Международной академии наук педагогического образования.

Потом Александр Петрович исколесил много дорог: трудился в Италии, Лаосе, Венгрии, Франции, Германии, Вьетнаме и других странах. Более 30 лет был ответственным работником центрального аппарата Министерства образования и науки Российской Федерации.

Академик В. Г. Костомаров, будучи ректором Института русского языка имени А. С. Пушкина, так отозвался в предисловии ко второму сборнику стихов Александра Долгова:

«Его поэзия носит и личный, и личностной характер, теплому бытовой и грустный. Основная тема поэта – тема одиночества и неустроенности, но в то же время и поразительного оптимизма. Резкий «перепад» настроения и самоосознания, углубленности и шутовства, энциклопедичности и примитивиз-

ма, веры и неуверенности, бравады и самобичевания, философствования и ёрничания... Всё, как в нашем не очень устроенном мире».

ЗЕЛИЧЕНКО Александр

Родился во Фрунзе (ныне Бишкек) в 1957 году в семье офицера милиции. Окончил Высшую школу МВД СССР (Караганда, Казахстан) и Академию МВД СССР (Москва). Начав службу в уголовном розыске, затем последовательно возглавлял городской отдел внутренних дел, уголовный розыск области, республиканскую службу по борьбе с наркобизнесом, Государственную комиссию при правительстве КР по контролю наркотиков, Главный штаб МВД КР, Департамент паспортно-визовой работы и Центр реформирования МВД Кыргызстана. Являлся советником председателя Республиканской службы по контролю наркотиков. Полковник в отставке, кандидат исторических наук.

Печатается с 1981 года. Публиковался в Кыргызстане, Казахстане, на Украине, России, Великобритании, США, Швеции, Польше, Израиле, Сербии на русском, английском, кыргызском, казахском, сербском и польском языках.

Член Союза журналистов, Союза писателей Кыргызстана. Награжден двумя медалями ООН «За службу во имя мира», государственной наградой Кыргызской Республики медалью «Эрдик» («Мужество»), юбилейными медалями.

Живет в Бишкеке (Кыргызстан).

КАМЫШЕВ Александр

Родился в 1953 году в Кемеровской области. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. Работал начальником буровой партии в институте КиргизГИИЗ. С 1992 года – эксперт в антикварно-нумизматическом салоне. В 2002-м защитил кандидатскую диссертацию по специальностям «Отечественная история» и «Археология», автор восьми книг и более 200 научных и популярных статей по нумизматике Кыргызстана. В 2013-м вышел сборник его рассказов «Записки кладоискателя».

КАРАХАНИДИ Константин

Доцент, кандидат филологических наук, зав. кафедрой «Организация работы с молодежью и развития русского языка». Окончил КГНУ им. 50-летия СССР. Педагогический стаж – более 35 лет. Ведет практический курс русского языка для студентов технических специальностей в КГУСТА им. Н. Исанова. Читает курсы лекций по «Теории литературы», «Истории русской критики», «Истории русской литературы». Автор более 40 научных публикаций, рассказов, опубликованных в «Литературном Кыргызстане».

КРЯЧУН Александр

Родился в 1951 году в селе Ленин-Джол (ныне село Ноокен) Джалал-Абадской области. Там же в 1968 году окончил 10 классов. Служил в армии, в ракетных войсках. В 1974 году окончил Фрунзенский политехнический техникум. С 1974-го по 2002 год работал в топографо-геодезических экспедициях по Средней Азии. Как самодеятельный художник, неоднократно выставлял свои картины на выставках Бишкека.

Выпустил книгу прозы. Живет и работает в Смоленске. Ежегодно приезжает в Кыргызстан. Неоднократно публиковался в «ЛК».

ЛЕНЧИК Лев

По рождению одессит 1937 года, по образованию – выпускник Саратовского филфака .

Автор трех книг стихов («Кровавые мальчики», «Вдоль по азбуке» и «По краю игры»), трех повестей («Трамвай мой – поле», «Свадьба» и «Дочь отечества»), сборника очерков «Четвертый крик» и многочисленных публикаций в периодике.

Первые научные публикации – в Тарту у Ю. Лотмана, первая беллетристика – в Париже у А. Синявского. Небольшим отрывком попал и в Антологию русской поэзии XX века («Строфы века»), изданную Евгением Евтушенко.

ПРОКОФЬЕВА Ольга

Профессор Челябинского государственного института культуры, известный исследователь традиций стихотворной

поэтики в творчестве поэтов советской поры, тенденций развития русской поэзии Урала, Сибири, Центральной Азии. Статьи публиковались в Европе, РФ, Кыргызстане и других странах.

СИДОРЧЕНКО Александр

Родился в 1956 году в Омске. Живёт в Бишкеке. Окончил КГИИ им. Б. Бейшеналиевой. Организатор одного из первых продюсерских центров «Гран - При» (джазовые фестивали, театральные капустники, культурно-массовые развлекательные мероприятия и другие шоу-программы). Был 1-м председателем городского рок-клуба, руководил группой «Рок-Плакат». Печатался в армейских газетах, сейчас принимает активное участие в интернетных литературных группах и сообществах под ником Алекс Сидоре. В 2016 году вышла в свет его поэтическая книга «А если насквозь...».

СУСЛОВА Светлана

Родилась в Забайкалье, с 1952 года живет в Кыргызстане. Окончила филфак Киргосуниверситета. Автор 15 оригинальных поэтических сборников и более 20 переводных. Лауреат Всесоюзной премии Ленинского комсомола, кавалер ордена Дружбы и ордена «Данакер». Заслуженный деятель культуры КР. Заместитель главного редактора «ЛК», ведущий специалист НЦ «Перевод» КРСУ.

ТИМИРБАЕВ Вячеслав

Родился в 1942 году в Джалал-Абаде. Окончил факультет журналистики МГУ М. В. Ломоносова. Работал в газетах «Советская Киргизия», «Вечерний Фрунзе», «Вечерний Бишкек», «МСН», в Ошском обкоме партии, ЦК КП Киргизии, «Киргизсовпрофе».

Автор книг серии ЖЗЛК «Алиаскар Токтоналиев», «Мирсаид Миррахимов», «Григорий Балян», «Анарбек Бакаев», биографических книг «Хирург Рахманкулов», «Айдаркан Молдокулов. Ученый. Гражданин. Человек».

В 2012 году в московском издательстве «Орфография» вышел сборник «Время поэтов в воспоминаниях Вячеслава Тимирбаева». Выпускающий редактор информационно-аналитического журнала КРСУ «Русское слово в Кыргызстане».

ТРУХАНОВ Николай

Окончил в начале семидесятых годов прошлого века Фрунзенский политехнический институт, два с лишним десятилетия проработал инженером-механиком на заводе имени Ленина. Уже тогда стал увлекаться туризмом, горными лыжами, а позже – еще и парусным спортом. Это увлечение, заполняя его до краев, и побудило взяться за перо, чтобы рассказывать о людях, которым приобщение к миру природы, сближение с ней дают ощущение окрыленности, полета. В 2007 году вышел сборник рассказов и повестей Труханова «Пора звездопадов». Постоянный автор «Литературного Кыргызстана».

Корректурa Елены Дойниковой

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой

Подписано в печать 10.05.2017 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 19.